НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ «РОСНЕФТЬ»

Из истории развития нефтяной и газовой промышленности

ВЫПУСК 21

ВЕТЕРАНЫ

Москва
ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»
2008

Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 21. - М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2008. - 256 с.

Сборник «Ветераны» содержит воспоминания ветеранов-нефтяников и статьи, посвященные истории нефтяной и газовой промышленности России, рассказывает о деятельности Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» (бывшего Совета ветеранов центрального аппарата Миннефтепрома СССР и Главнефтесбыта РСФСР).

Сборник направлен на пропаганду трудовых достижений работников отрасли и патриотическое воспитание молодежи. Он предназначен для современного поколения нефтяников, молодых специалистов, и всех, кто интересуется историей нефтяной и газовой промышленности нашей страны.

Редакционный совет:
В.Д. Барановский, В.А. Бочаров, Е.В. Голубева,
Ю.В. Евдошенко, Н.М. Еронин, Л.А. Иванисько,
В.П. Павлов, В.Е. Петров

© ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2008

ISBN 978-5-93623-010-3

ДОКЛАД
на общем отчетно-выборном собрании региональной общественной организации «Совет пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» 20 марта 2008 г.

(докладчик — заместитель председателя Бюро Совета Н.М. Еронин)

Уважаемые ветераны!

Настоящее отчетно-выборное собрание проводится по решению Совета ветеранов ЦАО г. Москвы.

Бюро Совета пенсионеров-ветеранов отчитывается перед общим собранием о проделанной работе за период с 16 ноября 2005 г. по 20 марта 2008 г. (т.е. за 2 года 4 месяца).

На прошлом отчетно-выборном собрании было избрано Бюро Совета в составе 9 человек: Т.Ф. Рустамбеков, Н.М. Еронин, В.Д. Барановский, Ю.С. Бозырев, Л.А. Иванисько, А.М. Сахарова, З.Н. Тимонина, В.Е. Швецова.

К сожалению, Председатель Совета Т.Ф. Рустамбеков и член Бюро Совета Ю.С. Бозырев скончались. Из-за болезни не смогла в полную силу работать член Бюро А.М.Сахарова. Бюро Совета понесло тяжелые утраты.

Хочу отдать должное Т.Ф. Рустамбекову, Г.П. Гирбасову, О.В. Чернявской, А.М. Сахаровой и другим ветеранам Совета, которые в труднейших условиях распада Советского Союза, ликвидации Миннефтепрома СССР и, как следствие, резкого снижения жизненного уровня сумели организовать систематическую моральную и материальную поддержку пенсионеров, ветеранов войны и труда, работав-

ших в центральном аппарате Министерства нефтяной промышленности. Благодаря их завидной целеустремленности и настойчивости мы имеем Устав нашей организации, печатный орган «Ветераны», имеем более или менее отлаженный механизм оказания материальной и медицинской помощи пенсионерам и многое другое.

Уважаемые ветераны!

Бюро Совета свою работу строило в соответствии с Законом РФ об общественных организациях, Уставом Московской городской общественной организации пенсионеров и ветеранов войны и труда, Уставом и Положением о Совете пенсионеров-ветеранов НК «Роснефть», другими документами, регламентирующими работу ветеранских организаций всех уровней.

За отчетный период численность неработающих пенсионеров, состоящих на учете в Совете, уменьшилась (с 610 человек до 581). За это время принято на учет 44 человек, умерло 73 человека.

И все же, несмотря на существенные потери, наша региональная организация продолжает оставаться одной из авторитетных общественных организаций г. Москвы. По итогам смотра-конкурса среди ветеранских организаций министерств и ведомств наш Совет в 2007 г. занял второе место и награжден Грамотой Московского городского Совета ветеранов.

Приведу некоторые цифры: 65% членов нашей ветеранской организации имеют высшее образование, есть у нас несколько кандидатов и докторов наук. Член совета В.И. Игревский — Почетный академик РАЕН. Три ветерана являются Заслуженными работниками нефтяной и газовой промышленности РФ, двое — Заслуженными экономистами РФ, 30 человек — Почетными работниками ТЭК, более 100 человек — Почетными нефтяниками. Многие награждены орденами и медалями СССР и РФ.

Для работы с ветеранами Бюро организовало 7 рабочих комиссий:

— по оргвопросам, приему и учету ветеранов, делопроизводству во главе с В.Е. Швецовой;

— по финансово-бухгалтерским вопросам во главе с Г.М. Устиновой;

— по военно-патриотической и культурно-массовой работе во главе с З.Н. Тимониной;

— по социально-бытовым вопросам во главе с Л.А. Иванисько;

— по издательской деятельности во главе с В.Д. Барановским;

— по информационной и аналитической работе во главе с Ю.С. Бозыревым.

Кроме того, в Совете функционировали группы по организации медицинского обслуживания (Р.Н. Тращинская), организации и рассылке поздравлений, оформлению фотостендов, альбомов (В.Е. Швецова, А.Г. Ильинская, А.Я. Сорочкина, О.М. Серова, Р.Н. Полякова, В.М. Тимощук, В.М. Чумакова, Л.А. Момотова).

Работа Бюро осуществлялась по годовым планам с разбивкой по кварталам. Комиссии имели свои подробные планы.

Кратко остановлюсь на работе комиссий.

В связи со сложившимися обстоятельствами В.Е.Швецовой пришлось объединить оргработу с решением вопросов по приему, учету и делопроизводству. Она же являлась секретарем Бюро Совета.

Комиссия по оргработе в своей деятельности опиралась на уполномоченных, закрепленных за конкретными структурными подразделениями, и актив Совета, состоящий из 35 — 40 человек.

Комиссия в контакте с другими комиссиями занималась постановкой на учет, анализом личного состава Совета по возрасту и другим категориям, формированием ведомостей на получение материальной помощи, составлением и оформлением поздравлений к праздникам и юбилейным датам, ведением протоколов заседаний Бюро Совета, составлением многочисленных справок для Советов управы «Якиманка» ЦАО г. Москвы. В дополнение к оргработе В.Е. Швецова в течение 2005 — 2006 гг. занималась обеспечением пенсионеров санаторно-курортными путевками.

За отчетный период проведено 32 заседания Бюро, на которых рассматривались вопросы утверждения планов работы, оказания материальной помощи, награждения ветеранов, изменений и дополнений Устава организации, разработки концепции создания корпоративного музея НК «Роснефть», сбора экспонатов, приема пенсионеров на учет, а также дисциплинарные и другие вопросы.

Заседания Бюро проводились регулярно, не реже одного раза в месяц.

Наибольшая нагрузка, как вы понимаете, приходилась *на финансово-бухгалтерскую комиссию* (Г.М. Устинова, А.А. Червецова Н.П. Соколова, Т.Ф. Каплина). Они были заняты осуществлением банковских операций, ежеквартальной выдачей материальной помощи, составлением финансовой отчетности, контролем за расходованием денежных средств, отчислением налогов и другими вопросами.

В 2006 г. инспекцией Министерства налогов и сборов по ЦАО № 6 в нашей работе выявлен ряд недостатков по отчислению налогов с материальной помощи и издания сборника «Ветераны». Пришлось выплатить символический штраф. В 2006-2007 гг. мы строго соблюдали предписания налоговой инспекции (вы, очевидно, обратили на это внимание). Кроме того, на финансово-бухгалтерскую группу в 2007 г. (А.А. Червецову) были возложены обязанности по распределению, оформлению и выдаче санаторных путевок. За отчетный период 78 ветеранов смогли поправить свое здоровье в санаториях.

Хорошо работала *комиссия по социально-бытовым вопросам* (Л.А. Иванисько) и группа медицинского обслуживания (Р.Н. Тращинская).

В Совете насчитывается 294 инвалида I и II групп, 149 ветеранов старше 80 лет, есть у нас тяжелобольные люди. Комиссия делала все возможное для оказания им помощи. Более половины членов Совета прикреплены к спецполиклиникам, им выданы страховые медицинские полисы. По нашим ходатайствам семьям умерших пенсионеров погашались расходы на ритуальные услуги через НК «Роснефть» или за счет непредвиденных расходов по смете Совета.

Традиционно устойчиво работала *комиссия по военно-патриотической и культурно-массовой работе* (З.Н. Тимонина). Особое внимание эта комиссия уделяла участникам и ветеранам Великой Отечественной войны. Мы с горечью видим, как постепенно уходят от нас бывшие воины — защитники Отечества. Сегодня в нашем Совете 28 участников войны и 87 тружеников тыла, 2 малолетних узника концлагерей.

В этом году страна будет в 63-й раз отмечать День Победы — 9 мая. Эта дата давно стала всенародным и самым любимым праздником. Вся работа по подготовке к торжественным дням, посвященным великим битвам и стратегическим наступлениям советских войск

в годы войны, ведется нашей военно-партиотической комиссией. Она же организует экскурсии по местам боевой славы. У комнат Совета ветеранов вы всегда можете видеть фото-экспозиции. Эта комиссия работает с подшефной школой им. Островского, поддерживает связь с ветеранами завода «Красный пролетарий», проводит другие полезные мероприятия.

Весьма органичной для Совета ветеранов является *комиссия по издательской деятельности* (В.Д. Барановский).

За последние 6 лет Совету ветеранов удалось преодолеть немало трудностей на пути издания сборника «Ветераны», которые были связаны со сменой поколений. Ушли из жизни М.Б. Назаретов, П.А. Арушанов, Г.П. Гирбасов, Ю.С. Бозырев. Мы привлекли к издательской деятельности новых лиц, усилили связь с работниками журнала «Нефтяное хозяйство», ввели в состав редколлегии редактора этого уважаемого журнала – Ю.В. Евдошенко. В отчетный период нами изданы 18-й, 19-й и 20-й выпуски. Значительно расширена тематика сборника, введены новые рубрики.

Мы пишем для вас. Возможно, кто-то на этом собрании скажет несколько слов о нашем печатном органе. Чтобы избежать новых творческих затруднений следует ввести в состав редсовета новые свежие силы.

Что касается *информационной и аналитической комиссии* (Ю.С. Бозырев), то ее работу после скоропостижного ухода из жизни нашего коллеги, как-то оценивать некорректно. Скорее всего, эти вопросы, следовало бы в будущем передать комиссии по издательской деятельности.

Уважаемые ветераны!

Хочу от вашего имени с этой трибуны выразить благодарность руководству и правлению НК «Роснефть» и лично С.М. Богданчикову за то внимание и поддержку, которые нам оказываются в течение многих лет.

Нам созданы хорошие условия для работы, мы обеспечены необходимой оргтехникой и удобным помещением в здании нефтяной компании. «Роснефть» ежегодно утверждает для Совета ветеранов смету расходов, львиная доля которых направляется на оказание ма-

териальной помощи пенсионерам. Только в 2007 г. каждому члену нашей организации оказана материальная помощь в размере 15 тыс. рублей.

При этом надо иметь ввиду, что за отчетный период нам, кроме НГБ «Энергодиагностика» (В.А. Надеин) и символической суммы от Нефтепромбанка (И.В. Губенко), уже никто из нефтяных компаний не оказывал никакой спонсорской помощи, как это было раньше.

Уважаемые ветераны!

Наша общественная организация на 80 % состоит из женщин (прекрасной половины). Наш ветеранский актив преимущественно также состоит из женщин.

Позвольте мне с этой трибуны сердечно поблагодарить наших дорогих женщин за бескорыстное служение ветеранам центрального аппарата. Актив на общественных началах выполняет солидный объем работы, чтобы всем нам жилось немного лучше, немного веселей. Женщины обеспечивают многие участки нашей деятельности.

Позвольте мне назвать имена хотя бы нескольких из них: Устинова Галина Михайловна, Тимонина Зинаида Николаевна, Швецова Виктория Евгеньевна, Каплина Татьяна Федоровна, Ильинская Антонина Григорьевна, Червецова Анна Алексеевна, Тращинская Рола-на Николаевна, Полякова Раиса Николаевна, Тимошук Валентина Михайловна.

Можно было бы назвать всех наших женщин, работающих на благо Совета. Все они заслуживают большой благодарности. Пусть извинят меня те, чьи имена не попали в отчетный доклад.

Несколько слов о наших задачах.

Необходимо внести частичное изменение в Устав нашей организации. Он был зарегистрирован в 2000 г. После ликвидации Миннефтепрома прошло 17 лет. Нужно привести Устав в соответствие с новыми реалиями.

По этому вопросу еще предстоит сообщение Л.А. Иванисько.

Следует активизировать нашу работу, повысить ее действенность по дальнейшему сплочению и укреплению единства ветеранского движения, усилению связей с Московским городским Советом, Советом ветеранов ЦАО и Управы «Якиманка».

Активно защищать права и льготы ветеранов, установленные законами и постановлениями правительства РФ и г. Москвы, своевременно реагировать на их нарушения.

Не упускать из вида работу по выдвижению свежих сил и подготовке резерва кадров для работы в Бюро Совета.

Развернуть подготовку к празднованию 65-ой годовщины Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., юбилейных дат со дня проведения стратегических операций в годы войны.

Оказывать всемерное содействие развитию корпоративного музея ОАО «НК «Роснефть». 15 декабря 2007 г. музей официально открылся. Надо добиваться, чтобы он стал одним из действующих центров воспитательной работы с молодежью по пропаганде героического труда многих поколений нефтяников — от начала развития отрасли через годы первых пятилеток, годы войны до наших дней.

На днях мы провели памятную встречу в связи с 80-летием со дня рождения бывшего Министра нефтяной промышленности Н.А. Мальцева. В музее представлена экспозиция, посвященная этому событию. Мы приглашаем всех ветеранов посетить музей после окончания собрания.

Держать постоянную связь с нашим главным интеллектуальным партнером — коллективом старейшего в стране журнала «Нефтяное хозяйство». Ежемесячно давать журналу материалы, связанные с юбилейными датами живых и скончавшихся видных деятелей нефтяной промышленности.

В центре внимания должна быть работа с уполномоченными Совета.

Работу Бюро необходимо строить в контакте с руководством НК «Роснефть», Департаментом социального развития (Самойловым Валентином Никитичем), хозяйственного обеспечения (Феоктистовым Александром Ивановичем) и другими.

Необходимо крепить наше нефтяное братство, как завещал нам В.Д. Шашин. Не терять связей с нефтяниками, не стоящими у нас на учете. Укреплять связи с творческими людьми, творческой интеллигенцией. Не о б о с о б л я т ь с я!

В заключение хочу поблагодарить всех членов Бюро, всех товарищей, за совместную плодотворную работу.

А также от имени Бюро Совета и от себя лично хочу выразить большую сердечную благодарность всем уполномоченным, которые в меру сил, возможностей и здоровья активно проводили в жизнь решения Совета.

Сердечное спасибо всем друзьям и товарищам, с которыми работал и общался почти 7 лет!

Спасибо за внимание!

Выписка из Протокола отчетно-выборного собрания Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» от 20 марта 2008 г.

Постановили: избрать следующий состав бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть»:

Агееву Ирину Андреевну,
Ангелову Галину Алексеевну,
Бочарова Валерия Александровича,
Иванисько Леонида Андреевича,
Иванькина Анатолия Ивановича,
Ильинскую Антонину Григорьевну,
Павлова Владимира Павловича,
Петрова Валерия Евгеньевича,
Тимонину Зинаиду Николаевну,

Председателем Бюро Совета избрать В.А. Бочарова, заместителем председателя — А.И. Иванькина.

65 лет тому назад

1943-й — год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Еще 19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, которое закончилось окружением 22 дивизий и 160 стрелковых частей немецко-фашистских войск (330 тыс. человек). Оно обеспечило окончательный переход стратегической инициативы к Красной Армии. Сталинградская битва положила начало массовому изгнанию фашистских захватчиков с советской земли и в значительной степени предопределила дальнейших ход Великой Отечественной войны.

Курская битва, длившаяся с 5 июля по 23 августа, явилась одной из крупнейших битв Второй мировой войны. Огненная Курская дуга стала предвестником Победы Советского Союза над фашисткой Германией. С обеих сторон в сражениях участвовало более 4 млн. человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. боевых самолетов. В ходе боев было разгромлено 30 отборных дивизий противника.

С середины июля и до конца 1943 г. наступление наших войск велось на всех фронтах от Великих Лук до Азовского моря, было проведено шесть стратегических наступательных операций, окончившихся битвой за Днепр. Немцы окончательно перешли к обороне.

После поражений гитлеровцев под Сталинградом и на Курской дуге начался распад фашисткой коалиции. Испанский диктатор Франко спешно отозвал с Восточного фронта остатки «Голубой дивизии». Маннергейм отказался от предложенной ему должности главнокомандующего финскими и немецкими войсками в Финляндии. Венгерские и румынские власти изменили свое отношение к Берлину. Япония была вынуждена отказаться от притязаний на дальневосточные границы СССР.

Труженики тыла приступили к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Нефтяники Баку возобновили буровые работы на территории своей республики, которая продолжала давать фронту наибольшее количество жидкого топлива. Упорно велись работы по созданию «Второго Баку». В 1943 г. мощный фонтан нефти был получен из отложений нижнего карбона на восточном поднятии Самарской Луки. В том же году принято решение о строительстве четырех НПЗ в Куйбышеве, Гурьеве, Орске и Красноводске.

Карта из газеты «Ленинградская правда», с обозначением освобожденной в июле-ноябре 1943 г. территории СССР

Хроника 1943 года

15 января — вышел приказ И.В. Сталина «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды Красной Армии». Приказ устанавливал ношение погон.

18 января — советские войска прорвали блокаду Ленинграда.

В конец января были освобождены от оккупантов Моздок, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Майкоп и другие города Северного Кавказа.

2 февраля — завершилась ликвидация фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Начало коренного перелома в войне.

2 февраля — указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «Партизану Отечественной войны», имеющая 1-ую и 2-ую степени. Автор рисунка медали — художник Н.И. Москалев, рисунок взят из неосуществленного проекта медали «25 лет Советской Армии». Медалью «Партизану Отечественной войны» награждались партизаны, начальствующий состав партизанских отрядов и организаторы партизанского движения, проявившие храбрость, стойкость, мужество в партизанской борьбе в тылу против немецко-фашистских захватчиков. Всего этой медалью было награждено около 130 тыс. человек.

8 февраля — советские войска освободили от фашистских захватчиков г. Курск. Ныне Курск носит почетное звание «Город воинской славы».

12 февраля — войска Северо-Кавказского фронта освободили от фашистских захватчиков г. Краснодар.

14 февраля — освобожден от оккупантов г. Ростов-на-Дону.

21 февраля — на островах Мальтийского архипелага прошли торжественные церемонии во славу героического вклада Красной Армии и советского народа во Вторую мировую войну. Документы мальтийского архива свидетельствуют о личном признании этих заслуг английским королем Георгом VI, а также правительством Великобритании. Празднования проходили в условиях немецкой морской блокады и воздушных бомбардировок островов архипелага.

23 февраля — Александр Матросов (1924 — 1943) совершил свой бессмертный подвиг, закрыв собой амбразуру вражеского дзота, чтобы обеспечить успех наступавшим товарищам. За это посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

5 апреля — на советско-германском фронте начался боевой путь французской эскадрильи «Нормандия», созданной в Советском Союзе. Позднее эскадрилья стала истребительным полком «Нормандия-Неман».

20 апреля — вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 3213 «О мероприятиях по частичному восстановлению Грозненской нефтяной промышленности».

1 марта — на Кубани на базе Ильского, Калужского, Киевского, Адагумского и Кеслеровского нефтепромыслов был организован укрупненный нефтепромысел.

19 июня — вышло постановление СНК № 670 «Об организации Главного управления искусственного жидкого топлива и газа «Главгазтоппром» при СНК СССР». На управление возлагалось строительство и эксплуатация заводов искусственного жидкого топлива на базе угля, сланца, торфа и природного газа, станций подземной газификации углей, предприятий по добыче и переработке природных газов, газогенераторных станций и газопроводов для снабжения газом промышленных предприятий и городов и др. Начальником Главгазтоппрома был назначен В.А. Матвеев, заместителями начальника — П.В. Скафа и Ю.И. Боксерман. В состав главка вошли предприятия Главнефтегаза и Главуглегаза.

25 июля — на скважине № 1 возле с. Шугурово Татарской АССР был получен промышленный приток нефти из верей-намюрских отложений. Это был первый шаг в открытии Ромашкинского нефтяного месторождения, основные запасы которого связаны с девонскими ярусами, открытыми в 1948 г.

31 июля — вышел приказ по тресту «Октябрьнефть» Грознефтекомбината, которым на основании выводов научного сотрудника ГрозНИИ профессора В.Н. Щелкачева предписывалось немедленно приступить к форсированному отбору жидкости на некоторых скважинах. Метод форсированного отбора позволил быстрыми темпами восстановить добычу и удерживать ее стабильность на месторождениях с падающей добычей. Приказом Наркомнефти в октябре 1945 г. итогам внедрения метода форсированного отбора в тресте «Октябрьнефть» была дана высокая оценка, и он был рекомендован к использованию в других районах страны.

19 августа — вышло постановление ГКО № 3961 «О строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов». Началось строительство НПЗ в Куйбышеве, Орске, Гурьеве и Красноводске.

21 августа — вышел приказ Наркома нефтяной промышленности СССР о строительстве в Саратове на площадке Кряж крекинг-завода на технологическом оборудовании, полученном по ленд-лизу из США. Оборудование завода доставлялось морем во Владивосток, а затем по железной дороге переправлялось к месту строительства. В этот же день был принят приказ о начале строительства Ново-Куйбышевского НПЗ.

15 сентября — был получен фонтан из разведочной скважины № 1 на Зольненской структуре в Куйбышевской области. Бурение велось в сложных условиях военного времени, для завершения проводки скважины приходилось извлекать обсадные трубы из ликвидированных скважин. Дебит скважин при 15-миллиметровом штуцере составил 300 т/сут.

15 сентября — вступил в строй магистральный газопровод Бугуруслан (Похвистнево) — Куйбышев. Газ Бугуруслана был подан на Куйбышевскую ТЭЦ и группу куйбышевских авиазаводов. Длина трубопровода составила более 130 км, пропускная способность — 220 млн. $м^3$ газа.

16 сентября — освобожден г. Новороссийск.

26 сентября — была начата бурением первооткрывательница девонской нефти Поволжья скважина № 41 в Яблоневом Овраге под Самарой.

В сентябре — во Владивостокском порту началась разгрузка первого судна с оборудованием закупленных в США в рамках ленд-лиза четырех нефтеперерабатывающих заводов.

В сентябре — восточнее Ишимбая было открыто крупное Кинзебулатовское месторождение нефти. Первая фонтанирующая скважина давала 2 тыс. т нефти в сутки.

9 октября — Таманский полуостров был полностью освобожден от фашистских оккупантов. Так завершилась битва за Кавказ.

6 ноября — решением ГКО восстановлен Краснодарнефтекомбинат вместо ранее действовавшего Майкопнефтекомбината.

28 ноября — началась Тегеранская конференция лидеров держав антигитлеровской коалиции — СССР (И.В. Сталин), США (Ф.Д. Рузвельт) и Великобритания (У.Л. Черчилль). Основным вопросом обсуждения было открытие союзниками СССР Второго фронта в Западной Европе. На этой конференции СССР дал согласие вступить в войну против Японии, а также началось обсуждение проблем послевоенного устройства Европы. Окончилась конференция 1 декабря.

Составили: Н.М. Еронин и Ю.В. Евдошенко

От Редсовета: Одним из «белых пятен» истории нефтяной промышленности является ход геологоразведочных работ в первые, наиболее трудные годы войны. До сих пор остается неясной причина расформирования Главного геологического управления Наркомнефти и понижения ее статуса до Главнефтеразведки. С 1939 г. ею руководил молодой геолог В.М. Сенюков. Для его биографов было неясно, почему его сняли в самый разгар войны, хотя он был лауреатом Сталинской премии, ратовал за ускоренное развитие геологоразведочных работ в Сибири. Вниманию читателей предлагается стенограмма заседания коллегии Наркомата нефтяной промышленности СССР от 28 марта 1942 г., которая отчасти раскрывает эту страницу истории.

Угроза захвата ключевых нефтяных районов страны — Кубани, Грозного и Баку — остро поставила проблему поиска нефтяных месторождений в новых районах между Волгой и Уралом, особенно в Татарской АССР. Там поиск и разведка нефтяных месторождения затягивались, как по объективным — оторванность от крупных центров, отсутствие кадров и техники, так и субъективным причинам — игнорирование со стороны руководства геологической службы. Документ передает напряженность, с которой работали нефтяники страны в годы войны, меру их ответственности за обеспечение фронта и тыла горючим.

Стенограмма была обнаружена в Российском государственном архиве экономики (далее — РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 635. Лл. 48 — 70). Дается с сокращениями. Мы старались сохранять стилистику оригинала, за исключением явных ошибок и опечаток. В квадратных скобках приведены примечания редакции и пропущенные слова. Документ обнаружил и подготовил к публикации Ю.В. Евдошенко.

«Нужна реальная нефть...»

Стенограмма заседания Коллегии Наркомнефти СССР 28 марта 1942 г.[1]

О состоянии работы Главгеологии.

Тов. Байбаков[2]: Итоги работы Главгеологии за три года, анализ работы побудил меня поставить вопрос на обсуждение Коллегии, ибо он приобрел исключительно серьезный характер, дальше терпеть такое положение с подготовкой фондов немыслимо. Надо работу Главгеологии поставить на новые рельсы и добиться получения практических результатов для развития добычи и бурения на новых площадях.

Итоги работы Главгеологии за 1939 — 1941 гг.: <...> Открыто нефтяных месторождений по отчету Главгеологии:

1939 г. — 3, в числе их Ново-Степановка, Бугуруслан, Ромны.

1940 г. — 12.

1941 г. — 8.

По существу сдано в эксплоатацию для промышленной разработки и постановки дела добычи только 3 месторождения. Получается, что за 110 млн. руб., вложенных в течение трех лет, мы получили в промышленную разработку 3 площади, хотя главк, в частности тов. Сенюков[3], считает, что открыты 23 площади. <…> «Навара» по эксплоатационным трестам и комбинатам значительно больше, чем мы имеем по новым площадям.

Н.К. Байбаков, в 1942 г. заместитель Наркома нефтяной промышленности СССР

Несмотря на рост проходки, как роторной, так и крелиусной, — эксплоатационные и разведочные тресты по существу находятся в очень тяжелом положении. Совершенно без фондов трест «Ишимбайнефть», который не получает ни одной точки, добыча по этому району скатилась с 6 000 тонн в сутки до 3 000 тонн.

За 3 года работы Главгеология сумела открыть всего лишь 3 площади, и то в одном геологическом тресте — Средне-Волжском, в остальных 7 трестах промышленных площадей мы не имеем, и когда получим неизвестно, потому что никаких перспектив по тому направлению, которое ведется, я лично не вижу.

Приведенные в отчете Главгеологии открытые нефтяные месторождения, которые Главгеология считает возможным сдать в эксплоатацию, по существу, промышленной нефти не дали. Эти площади требуют значительного объема крелиусного бурения, значительного объема геолого-поисковых работ, между тем по Нижне-Волжскому и Татарскому тресту решением ГКО записана добыча в 350 000 тонн. <…>

Причины такого неудовлетворительного состояния работы Главгеологии — это отсутствие правильной методики, бессистемность в работе Главгеологии, неправильное распределение материальных

средств и ресурсов, которыми обладает Главгеология в районе. И исключительно слабая работа аппарата Главгеологии и руководства его.

Выявление структур проходит без продуманного плана работы, без утвержденного точного технологического процесса прохождения всех геологических работ. Роторные скважины в большинстве случае закладываются без продуманного плана, без предварительной тщательной подготовки как геолого-поисковыми работами, так и крелиусным бурением, в результате чего в ряде районов заложенные скважины, в связи с такой неудовлетворительной подготовкой, давали отрицательные результаты.

Исключительно скверно обстоит дело с методикой поисковых работ в Башкирии. В течение двух лет никаких результатов мы не получаем, между тем, разведочный метраж из года в год растет, с 1938 по 1941 г. метраж, примерно, утроился, дошли до 60 тыс. метров, только лишь в 1941 г. затрачено было на разведочные работы до 15 милл[ионов]. руб., пробурено до 60 скважин.

До сих пор геологическая мысль не нашла методики, по которой можно было бы идти в области разведок и получить те или иные результаты, которые бы дали возможность прирастить соответствующие площади и дать возможность развиваться башкирской нефтяной промышленности. Главк не занимается своими предприятиями так, как это следовало бы.

У нас есть знаменитая контора «Нефтегазосъемка». Всем известно, что на газосъемку возлагали большие надежды. Я питал надежды на то, что в районе Башкирии газосъемка даст ощутительные результаты. В 1941 г. газосъемка, на основании решения правительства, получила большое оснащение как в автотранспорте, так и в других видах материальной помощи. Было создано более 20 газосъемочных партий, посланных на территорию поисков, было затрачено в 1941 г. более 5 милл[ионов] руб, но результата мы до сих пор не имеем. Основная задача, которая была поставлена перед этой конторой — о развороте работ в Башкирии, — была отодвинута на последний план. В Саратове я убедился, что газосъемка этим вопросом не занималась. Проф. [В.А.] Соколов[4], который стал монополистом в этом деле, не хочет посвящать в тайны своего дела, своего предложения <…>.

Большим и серьезным пробелом в системе работы Главгеологии является неправильное и нерациональное распределение материальных средств. Как известно, особенно в военное время, мы стремимся в самый кратчайший срок добиться повышения добычи, стремимся открыть площади, которые можно было бы легко ввести в эксплоатацию. Мы стремимся внушить геологам, что искать надо в таких районах, которые тяготеют к железным дорогам, с тем, чтобы при наименьших затратах можно было ввести месторождение в строй. Что же мы получаем?

Мы видим, что Главгеология за последние два года больше концентрировала внимание на сибирской части, забрасывала туда и станки, и материалы, и людские средства, забывая по существу районы Второго Баку.

Если взять капитальные затраты, произведенные в 1939 — 1941 гг. по Главгеологии, то удельный вес Второго Баку, т.е. районов, где мы пытаемся развернуть добычу, характеризуется следующим образом:

всего в 1939 г. [затрачено] 26,6 милл[ионов руб.], в т.ч. в районах Второго Баку — 10,7 [млн. руб.]

1940 г. — 30,0 милл[ионов руб.], в т.ч. в районах Второго Баку — 10,8 [млн. руб.]

1941 г. — 45,0, милл[ионов руб.], в т.ч. в районах Второго Баку — 23,0 [млн. руб.].

из них оборудование, которое мы завезли по импорту — 10,0 милл[ионов руб.]

Вместо концентрации максимальных средств на разведке в районах Второго Баку, Главгеология забросила оборудование в районы Якутии и Сибири, отдаленные от железной дороги.

<…> Аппарат главка в том составе, в каком был в течение длительного времени и на сегодня, — ни в коем случае не может справиться с теми задачами, которые поставлены перед Главгеологией. Из 32 человек, которые имеет на сегодня главк (утверждено 44), в главке — 5 геологов и 3 — 4 инженера-промысловика.

Остальные люди, 24 человека, это — бухгалтера, плановики, экономисты, финансисты, секретари, машинистки и снабженцы.

В трестах Главгеологии работают 826 инженеров, из них 302 инженера-геолога, 241 геофизик, 53 буровика. Вся эта армия инженер-

но-технических работников по существу остается без руководства, предоставлена сама себе. Главгеология руководства осуществлять не может.

Ряд работников, пришедших в систему Главгеологии, знающих дело, встретили не совсем хорошо — с опаской. Я послал туда инженера-буровика Тер-Газарова[5], потом Сидоренко[6]. Это хорошие, технически грамотные люди. Создалась такая атмосфера, что люди были вынуждены просить освобождения. Тер-Газаров ушел на производство, Сидоренко неоднократно писал письма с просьбой освободить.

Я хочу привести выдержки из писем, которые я получил, которые характерны тем, что они показывают, как укомплектован аппарат главка и чем люди занимаются (читает).

Может быть, они перегнули, но факт, что те сигналы, которые мы получаем из трестов, со стороны отдельных товарищей, которым мы не можем не доверять, говорят, что в Главгеологии люди вместо деловой критики занимаются устройством личных дел, снаряжают экспедиции с тем, чтобы создать себе определенное благополучие.

Было время, когда в связи с наступлением немцев создалось тяжелое положение в Саратове. Когда было объявлено осадное положение, создается экспедиция в Западную Сибирь, возглавляемая Абрамовым[7]. Этот Абрамов собрал все семьи — свою, Сенюкова и других. Что делает там экспедиция, какие результаты — по существу никаких отчетов нет. Одно ясно, что сейчас, в связи с тем, что положение на фронте улучшилось, немцев начали гнать, издаются приказы, по которым начинают возвращение экспедиций в районы Сызрани, Саратова и т.д.

Есть много отдельных штрихов — получали продукты на экспедиции, на рабочие партии, а по существу они распределялись между сотрудниками главка. Получалось очень некрасиво.

Я пришел к такому выводу, что при таком составе главка, при таком руководстве со стороны Сенюкова и при слабой работе остальных работников, — Хельквист[8] принимает нейтральный вид, не хочет критиковать и отдельных недостатков, имеющих место в Главгеологии — не видит, неоднократно этот вопрос дебатировали — положение не изменяется.

Я лично считаю, что так дальше оставлять нельзя. Можно много говорить. Тов. Сенюков, выступая на ряде совещаний и собраний, обычно приводил очень много фактов, что объем работы увеличивается, что дело оснащения трестов главка улучшается в связи с тем, что он принимает ряд решительных мер, но «навар» остается «наваром».

При тех затруднениях, о которых я вам говорил, получать через час по чайной ложке, а при этом требовать все больше и больше возрастают, — терпеть невозможно.

Я вынес вопрос о работе Главгеологии на обсуждение Коллегии. Считаю, что мы должны принять ряд организационных выводов, в частности, я считаю, что тов. Сенюков не может справиться с тем объемом работы, который имеется у Главгеологии. Нужно поставить человека, который не отрывался бы от жизни, а вплотную занялся бы нуждами трестов, методологией проведения разведочных работ с тем, чтобы получать не такие результаты, какие мы получаем в течение этих лет.

Тов. Сенюков: Отчет тов. Хельквиста товарищи читали, больше того, что написано, говорить нечего, в нем изложены все основные мысли и содержание работы. Я хочу остановиться на трех важнейших вопросах.

Вопрос о направлении разведочных работ.

Направление разведочных работ за все эти годы строилось исходя из необходимости, главным образом, в экономически обжитых районных, в противоположность тому, о чем доложил тов. Байбаков. Приведу пример по крелиусному бурению.

В районах Второго Баку мы имеем следующие цифры: в 1939 г. — 18 тыс. м, в 1940 г. — 25 тыс. м, в 1941 г. — 30 тыс. м, из общего количества 52 тыс. м.

Сибирский трест: в 1939 г. — 3300 м, в 1940 г. — 8400 м, в 1941 г. — 11800 м.

Плюс Московский трест, районы центральной области Советского Союза (Пензенская, Ивановская, Ярославская области, Нытва), являющиеся тоже районами Второго Баку: в 1939 г. — 134 м, в 1940 г. — 3200 м, в 1941 г. рост определяется в 25 раз — 9200 м.

(тов. Седин[9]: Если считать к первоначальному зарождению геологии, это будет миллион)

И.К. Седин, в 1942 г. Нарком нефтяной промышленности СССР

9 тыс. метров бурить это не такая легкая вещь. Причем, 40 тыс. метров, из общего количества 52 тыс. метров, дали волжские районы, районы центральных областей.

Направление разведочных работ показано в приказе Народного Комиссара № 18, где сказано, какое направление считать правильным и какое — неправильным.

Шесть месяцев я слышал о том, что направление разведочных работ неправильное. Ни одна разведка не начиналась без согласования с руководством Наркомата — с тов. Байбаковым. Булдыр я не закладывал, Вы сами закладывали, также как и Нытву[10]. Одну скважину заложили, 9 милл[ионов] руб. затратили. Вы ничего не говорили, одну скважину пробурили в течение 6 лет.

В новых районах есть трудности — пока перевезем, пока расставим, пока организуем жилье и т.п.

(**Тов. Седин:** А потом посылаем экспедиции)

Я не такой человек, который устраивает семью. Жена работает девять лет в Сибири.

По роторному бурению в 1939 г. мы, по существу, не бурили. Негде было бурить. Для того, чтобы бурить ротором, нужно было найти точку, иметь фонды. В течение 20 лет люди ходили. 6 лет велась усиленная разведочная работа в Западной Сибири. Ввиду вечной мерзлоты результатов не имели. До 1939 г. работали, и нефти не было. Была заложена единственная скважина [глубиной] 312 метров. Она бурилась 8 лет. Эта скважина была заложена до Главгеологии лет семь, бывшим Наркомтяжпромом.

Таково состояние территории, на которую мы пришли для работы. Я понимаю, когда ругают, и близко к сердцу принимаю, когда говорят, что такая-то площадь неправильна. Но не для критики мы критикуем свою работу. Направление разведочных работ подкреплено Вашими приказами, подкреплено целым рядом установок. Три станка броше-

ны были в Якутию при Вашем активном участии. На всю Сибирь из 30 роторных станков было брошено только 3.

По автомашинам — разве можно так докладывать. Написано, [что] 185 автомашин, из 250, работают в центральных областях и на территории Второго Баку, в Сибири работает одна экспедиция, которая имеет две машины. Западная Сибирь — 21, Восточная — 9, Якутия — 31, Украина имела целый ряд автомашин. Таким образом, 2/3 хозяйства работает в районах Второго Баку. Правильное это направление или нет?

Все 20 партий работают в районах добычи. Вы скажите, где работает «Нефтегазосъемка»? Вся «Нефтегазосъемка» в добычных трестах. Ни одной партии нет, ни одной машины вне связи с добычей.

В 1940 г. впервые начали роторное бурение в Татарии. Пробурили 1200 метров. Роторное бурение Главгеология начала внедрять в 1941 г., мы начали оснащаться роторным бурением и ввели 12 станков, теперь мы имеем 14 станков. Нужно было иметь машины, рабочих — все это надо было завозить, организовать жилье и т.д.

Тов. Козлов, Вы помните заседание в ЦК партии? Вопрос об одной маленькой комнате, для того чтобы организовать трест, поставить столы и стулья, завезти людей, оборудование, хозяйство. Таких организаций создано 8[11], в них работают 10 тыс. человек.

Я начал роторное бурение вводить в 1941 г., пробурил 5400 метров, разве я могу дать больше.

Имеются факты, когда район добычи в 686 тыс. м дал 12 месторождений, а я дал 4 месторождения, на которых мы добываем нефть.

Как мы понимаем открытое месторождение. Открытое месторождение — получение первой нефти. В нефтяной промышленности есть один великий закон: там, где капля, там должно быть море. Только надо найти, где эти структуры и коллектора. Вот к чему сводится разведка. Возьмите, к примеру, Чусовские городки[12]. Чусовские городки дали вытяжку, впервые заверили, что здесь заложена новая нефтяная провинция. Получена первая капля, есть реальная нефть, на этой территории можно рассчитывать на получение нефти.

Но есть это промышленная или непромышленная нефть — это очередная задача разведки. Поэтому сначала надо найти площади под крелиусное бурение, когда нашли площади под крелиусное бурение,

должны найти точки для заложения скважины, после должны подготовить под глубокое бурение ротором.

Я должен заиметь хотя бы одну каплю, чтобы начать глубокое бурение, разведку, а для того, чтобы заложить ротор, я должен пробурить 30 скважин. До этого я должен подвести топографию, петрографию, произвести химические анализы и определить возраст пород. На фоне этого создается направление разведочных работ.

Как создавалось хозяйство. Всего в Главгеологии мы имеем 108 крелиусных станков. Таблица приложена и в ней указано, откуда эти 108 станков приобретены. 100 станков получили за счет сторонних организаций — от колхозов и т.д. Материально-техническое буровое хозяйство не существовало, мы его вырывали у чужих людей. Это большая работа Главгеологии, но этим хвастаться нечего.

Я согласен с тов. Байбаковым, что потребности наши большие. Нефть нужна, с нас нужно требовать.

Я должен произвести съемку в масштабе 2 милл., 5 тыс., 2 тыс., 100 тыс. и 50 тыс., для закладки ротора я должен составить карту. Это, по существу, перевод из одного масштаба в другой, для того чтобы правильно понять глубину, правильно заложить роторную скважину. Это очень большой исследовательский процесс.

Этот вопрос, может быть, не был предметом обсуждения на Коллегии — установление флоры и фауны, петрография, химический анализ, — работы проводятся в очень большом масштабе. Геологические результаты сегодня определяются, к великому сожалению, количественной стороной, а не качественной, они видны из таблицы, которая приложена к отчету.

Открытие новых структур — тов. Байбаков зачитал 147, 117 и 76 — как будто бы скатываемся вниз. Структуры наметились или геофизическими, или геологическими работами. Я говорю — нужно подготовить к крелиусному бурению. Происходит картировочное бурение. «Навар» начинает нарастать. Структуры подготовлены к роторному бурению. В отчете прямо сказано, что в 1939 г. — 14, в 1940 г. — 20, в 1941 г. — 28. Мы переводим из стадии крелиусного бурения на роторное.

Число объектов крелиусного бурения соответственно растет 24, 31 и 35.

Число объектов роторного бурения: 1940 г. — 40, 1941 г. — 12 и на 1942 г. имеется возможность 16 площадей пустить под роторное бурение.

Соответственно структуры, переданные в промышленную разведку: 1939 г. — 1, 1941 г. — 5. Теперь мы ставим вопрос о передаче в разработку.

За этот период создан коллектив разведчиков около 10 тыс. человек, для которых нужно было создать жилье и квартиры. Люди пришли на новые земли.

Такое сравнение очень неправильно.

Известно, что осень, грязь, народ в ботинках, начались морозы. Я сам был в ботинках, и мы в течение 7 — 8 дней выгружали оборудование. Это продолжалось около 1,5 месяцев.

Использование кадров. Может быть, недостатков много, но самый крупный недостаток — очень мало квалифицированных крелиусников. Это люди, которые вчера пришли из колхозов, которые квалифицировались на глубоком бурении 300 — 400 м. Но мы создали большое количество кадров. Однако нельзя сказать, что с кадрами на сегодня благополучно. Показатели аварии говорят о том, что глубины 300 — 400 — 500 м бурятся с натяжкой, у людей опыта еще нет. Тоже и в роторном бурении.

Мы работаем по всему Советскому Союзу. В период войны мы потеряли связь и оперативное руководство. Нужно было быстрее и оперативнее решать вопросы, а тут письменные взаимоотношения тянулись 1 — 1,5 месяцев. Есть отдельные точки, от которых мы не получали писем по 2— 3 месяца. Это, в значительной степени, понизило дисциплину.

Как сейчас можно пустить 30 станков? Главгеология собственными силами пустить 30 станков не сможет. Надо помочь необходимым оборудованием. Наша база очень слабая. Разведочные крелиусные станки ремонтируются через ремонтные мастерские МТС и колхозов, через механические мастерские Наркомместпрома, в большинстве районов, за исключением крупных индустриальных центров. Механическую базу имеем только в двух трестах, а в остальных трестах не имеем. Запасные части в течение 2 — 3 лет совершенно не делаются. Мы сами с этим вопросом не справляемся.

Последнее замечание о вывозе семей. Не знаю, откуда такая информация. Я категорически утверждаю — никакой искусственной экспедиции создано не было.

Мы были вызваны в Саратов в Комитет Обороны, где нам было предложено, то оборудование, которое мы не сумеем ввести в 1941 г. в бурение, перевезти по ту сторону Волги.

По приезде тов. Васильева[13] [в] НГРИ [Нефтяной геологоразведочный институт], который был на приеме у тов. Седина, нужно было собрать людей.

В Саратове работали люди по разным темам, которые работали на территории Второго Баку. Туда в основном направлены работники НГРИ, в числе работников НГРИ попала и моя жена. Этот факт не нужно извращать, что Сенюков посылает свою жену от бомбежки. Они были в Москве под бомбежкой три месяца.

Абрамов и Алексин[14] поехали по решению Комитета Обороны и насчет метража подготовительных работ.

(**Седин:** Какое это решение?)

Приказано 40 тыс. метров пробурить в Западной Сибири и вести подготовительные работы.

В Западной Сибири у меня от руководителей никого не было, и бросил туда Алексина как геолога, а Абрамов по хозяйственной части, по вопросам монтажа и пуска оборудования, для того, чтобы организовывать субботники, как мы это делали в Саратове. За 4 месяца пустили 6 — 7 станков.

(**Седин**: Что сделал Абрамов в Сибири?)

Надо было пустить 4 крелиусных станка. Говорить, что Абрамов повез семьи — нельзя. У меня жена 9 лет в Сибири работала. Жена К… [пропущено] химик. Относительно семьи Абрамова — Абрамова посылали туда на постоянную работу на 4 месяца, зачем семья будет оставаться. Жена Алексина — геолог, она работает в НГРИ.

(**Седин**: А жена Абрамова кто?)

Жена и все. Девочка больная. У Абрамова девочка, 12 лет, больна. Жена до этого тоже болела. Абрамов со мною советовался, как *мне* [ему] быть.

(**Седин**: Это Ваш личный холуй)

Я четыре года работал, я в Томилино ни одного раза не ездил. Мне он ничего не доставал и не добывал. Кроме того, он писал, что с Сенюковым работать не буду. Это сообщалось на имя Народного Комиссара. Я воспитываю в этом деле принципиальность. <…>

Тов. Гальперсон[15]. Направление геолого-поисковых работ. Тов. Сенюков оглашая цифры, забыл сказать, что по Средне-Волжскому тресту, основному тресту Второго Баку, крелиусное бурение, по существу, стабилизировалось и даже несколько снижается. Так, в 1939 г. — 16524 м, в 1940 г. — 14185 м, в 1941 г. — 16064 м, на общем фоне значительного роста крелиусного бурения, чего никто отрицать не может.

Разбивая на группы, тов. Сенюков допустил передержку. Мы говорим о районах Второго Баку, но центральные, новые районы никак нельзя отнести к районам Второго Баку. Что здесь получается? За эти три года крелиусное бурение в районах Второго Баку возросло всего на 67 %, а в Московском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Якутском трестах — в пять раз. Это увеличение, в основном идет за счет этих четырех районов, но не районов Второго Баку. Цифры нужно читать полностью, а не выдергивать отдельные показатели.

Что получается по динамике среднемесячного числа станков в работе?

По Второму Баку мы имеем рост на 62 % за эти три года, а по районам Сибири и Центра в 4 раза, причем количество станков во Втором Баку — 61 станок, а в этих районах — 47.

Там — изношенный старый парк, который не может дать той отдачи, которую дает новый парк в районе Якутии и Сибири. Это подтверждается данными остановок на Средней Волге и в остальных районах.

По Средней Волге 52 % непроизводительного времени в крелиусном бурении в 1939 г., в 1940 г. — 50 %, в 1941 г. — 53,7 %. В Якутии соответственно 33 %, 40 % и 37 %. Даже в Якутии мы имеем меньше остановок, чем на Средней Волге. Это говорит о том, что вы не снабжали Среднюю Волгу, держали ее в черном теле, как и все Второе Баку. Районы Второго Баку по непроизводительному времени выше, чем отдельные районы Сибири и Якутии. Якутия на расстоянии 2000 км от железной дороги, а здесь 20 км.

Об оценке результатов бурения. Только, что Сенюков заявил, что законченным разведкой месторождением является такое, в котором опробованы скважины. Берем его отчет и читаем: открыто нефтяных и газовых месторождений в Татарии (читает).

Задаю вопрос — где же мы получили хоть одну тонну нефти желонкой, как обычно производится опробование.

Ваш же управляющий трестом заявляет, что запасов не видел. Вы пишите, что открыли нефтяные и газовые месторождения. Неправильное, очковтирательское утверждение. Вы сами заявили, что открытым месторождением можно считать такое, где имеются опробованные скважины. Если Вы показываете законченных открытых месторождений 12, то позвольте задать вопрос, где же ставить эксплоатационное бурение, если бы мы имели возможность завтра двинуть эксплоатационные станки и все оснащение.

В свое время Сенюков заявлял, что причиной того, что в Ишимбаевском районе мы имеем такое положение, как сегодня, является то, что был недостаточный объем разведочных работ в 1936, 1937 и т.д. годах. В эти годы метраж был значительно меньше, чем в последующие, но какие результаты? В 1938 г. прирост скважино-точек составил 120, в это время было пробурено 21340 метров; в 1939 г. — 28 тыс. метров, прирост 195 точек; в 1940 г. пробурено 33 тыс. метра, прирост 0 точек. Вот результат. Спрашивается, зачем же ссылаться на недостаточность метража, когда мы имели наряду с небольшим метражом такой прирост точек?

Следовательно, не в метраже дело, а дело в том, что полностью отсутствовала комплексная методика разведки. Ваши Аллакаевские скважины были заложены как дикие кошки, геологического обоснования этого дела не было. И сейчас, по существу, продолжается такого же рода разведка.

<…>

тов. Левицкий[16]**:** [говорит о нехватке нефтяных фондов для разбуривания, неправильном распределении ресурсов] Каково положение у нас с подготовкой нефтяных фондов для разбуривания? Это важнейшая задача всего периода работы Главгеологии. <…> Ишимбай совершенно не имеет фондов, Бугуруслану хватит на полгода. Сызрань почти не имеет, Прикамка и Татария имеют фонды, но они очень глубоко лежат и дорогие.

Эта напряженность положения с фондоточками и целый ряд директивных указаний правительства должны были приковать основное внимание Главгеологии к этим районам. Есть постановление Государственного комитета обороны прошлого года, в котором прямо сказано — обязать в 1942 г. развернуть добычу нефти в Нижней Волге и Татарии.

На сегодняшний день не чувствуется этого внимания, а наоборот — стабилизация установившегося уровня работ, если не ухудшение работ в отдельных трестах.

Мы говорим о недостаточности материально-технического оснащения, ресурсов. Это, может быть, и верно. По сравнению с такими гигантами, как Грознефтекомбинат и другие комбинаты, может быть в главке материалов и ресурсов мало, но все-таки эти ресурсы нужно было распределить рациональнее, наличные средства производства нужно было использовать более целесообразно. Они же давались на менее перспективные районы, экономически трудные, например, в Восточную Сибирь, где районы отдалены от железной дороги, стоят в заболоченной местности, геологически мало обоснованы. Это районы — Тавда и Барзас.

<…> Мы обязаны приспосабливаться, этого требуют условия войны. Но если даже отвлечься, то геологические условия предсказывают большие перспективы в Бугульминской зоне, от Бугульмы можно ожидать повторения Бугуруслана. Мы вправе ожидать там лучшей отдачи, лучшей насыщенности коллектора. В этом отношении характерно, что в Уфе было принято решение — не мог Василий Михайлович о нем не знать — о том, что нужно сосредоточить внимание в Татарии. В главке мы узнаем, что на 1942 г. фигурируют те же районы — опять Булдырь, опять Змеевка, опять карбон и девон, но не пермские отложения.

<…> О капли нефти и коллекторах. Василий Михайлович говорит, что оценивать месторождение нужно так: если есть капля нефти, то это — промышленное месторождение. Это неверно. Мы не должны так смотреть.

Мы, как нефтяники, привыкли так смотреть — нужна реальная нефть. Капли нефти были, а площадей нет ни в Бугуруслане, ни в Сызрани, ни на Нижней Волге.

<…> Для того чтобы Главгеология смогла руководить, надо чтобы это была Главнефтеразведка. Надо сосредоточиться на новых районах. Роторное бурение нужно усиливать. Большая ошибка в том, что роторное бурение начали внедрять только в прошлом году. Наконец, надо сильнее укрепить кадры.

Тов. Галустов[17]: Поневоле приходится вспоминать историю работы в Главгеологии. Когда смотришь назад, никаких перспектив в данной обстановке у Геологического управления я не вижу. Вот почему я вынужден был неоднократно обращаться к наркому с просьбой помочь.

В отношении огромного количества парка оборудования. Это оборудование было заброшено. Сенюков бил себя в грудь и кричал: «Дайте мне 200 «франксов»[18], я дам 200 тонн нефти в Саратовской области». Идея очень хорошая: 200 «франксов» — 200 тонн, дело хорошее. Но тов. Сенюков видимо не знал, что такое «франкс» и что такое бурение, что такое скважины, как бурить, он думал, что раз есть «франксы», нефть пойдет наружу. Не зная внутренних ресурсов, не зная кадров, он дезориентировал Коллегию, отсюда пошла неправильная ориентация правительства в части добычи нефти в Саратовской и Татарской области.

После решения ГКО прошло 7 месяцев. Капли нефти не видно в этих областях. Получилась чепуха. Забросили огромное количество станков, транспортные средства скудные. Нет режущего инструмента. По существу, становишься в тупик.

Правильно было отмечено — в Якутию заслали 7 тыс. метров бурильных труб, в то время эти трубы абсолютно бездействуют.

<…> Почему переброска произошла так неорганизованно? Потому, что в Главгеологии по сегодняшний день нет коллективной работы, нет единой мысли.

Ко мне обращались много раз, к Народному Комиссару писали заявления. Тов. Сенюков не имеет большевистского мужества хотя бы один раз выступить и сказать — я в этом вопросе неправ и т.д. Метод террора, метод запугивания, метод давления на всех работников, начиная от аппарата и кончая трестами, — это стиль работы Сенюкова. Я помню первый день нашей встречи, когда он меня уговорил. Когда я первый раз пытался с ним сцепиться, то я получил четыре раза по лицу. После этого я решил его не трогать. Сейчас он говорит, что вот

мой заместитель работает совершенно самостоятельно. Конечно, самостоятельно, когда заместитель работает в Саратове, а Сенюков был в Саратове только 20 дней. В течение 20 дней я убедился, что он ревнив в работе до того, что ненавидит людей, которые хотят помочь.

Посмотрите, кто работает в главке. Сидоренко неоднократно говорил: «Уйду, все брошу, пускай сажают, судят». Сидоренко раза два пытался говорить с Сенюковым, он на него как закричит, и Сидоренко ушел. После третьего раза Сидоренко перестал ходить к Сенюкову.

Козмин — старик 60 лет, инженер по роторному бурению, 9 месяцев в году болеет. В 1942 г. он работал 2 или 3 дня в течение трех месяцев. Более 20 — 25 дней, выйдет на работу на 1 — 2 дня, а потом опять имеет новый бюллетень. Более или менее приличный работник тов. Белов[19] — крелиусник, в летах, малоподвижной человек. Вот все технические силы Главного геологического управления, перед которыми стоит широкий разворот буровых работ. Нельзя набрать кадры? Можно. Людей много, но они не идут.

Тоже самое с геологическими кадрами. Это что за геологи? К… [пропущено] на производстве не был, заявляет такую вещь — я, откровенно говоря, не выступаю, потому что боюсь. К сожалению, это — член партии.

Второй геолог — Сазонов. Никогда ни один принципиальный вопрос не выдвинет. Рассказывают жуткие истории про Фоменко[20], так главных геологов не подбирают. Это не честный подбор кадров. Фоменко с удовольствием шел старшим геологом любого треста, вдруг оказался главным геологом главка.

В части остальных кадров — Абрамова я узнал только в Саратове, он был там около 2 мес. Абсолютно ни к чему руки не прикладывал. Он — прекрасный снабженец, прекрасный комбинатор, спекулянт — все, что хотите. Один очень хорошо выразился — Абрамов это нуль, но для Сенюкова это все. Если Абрамов есть, то его семья и маслом, и мясом, и картошкой обеспечена.

(**Сенюков**: Это — ложь!)

Это — истинная правда. Имейте большевистскую совесть хоть раз сказать правду.

Совершенно случайно меня вызывают в НГРИ. Васильев делает прекрасный доклад о том, какие задачи стоят в 1942 г., не зная, что

дана установка, чтобы НГРИ везти в Куйбышев. Сенюков об этом знал. На этом совещании выносится решение, я поддержал это решение, что для сохранения кадров, для того, чтобы научная мысль работала в более спокойных условиях — организовать экспедицию в Западную Сибирь. Очень интересная деталь — начальник бюро Сибнефти — Рябухин[21]. Получили телеграмму — база подготовлена, прошу срочно выслать мою семью, семью такого-то и т.д. После совещания я узнал, что есть приказ, подписанный Сенюковым. Он сейчас говорит, что 9 лет жену не видел. Это был приказ № 282 насчет посылки экспедиции, а 281 — в связи с переездом ЦНИЛ «Сызраньнефти» геолого-поисковую партию, начальником которой жена Сенюкова Флерова, из Московского треста передать в НГРИ. Какое отношение Московский трест имеет к ЦНИЛу? На следующий день проводится совещание. За 2 пуда керосина «покупают» диспетчера на железной дороге, достают теплушку и погружается семья — не только жена и ребенок, но и теща, свояченица, погружается семья Абрамова, Алексина, Сенюкова и уезжают. Сенюков смылся 17-го, а Абрамов 20-го. Меня за шиворот в комиссию партийного контроля — что за организованное бегство? Я говорю, что не знаю.

Я заявил товарищам — не знаю. Как это не знаете, Вы же руководитель?

Недавно издан был приказ, что в Московском тресте восстановить работы Ивановской и Рязанской областей. Этот приказ т. Сенюков пишет: «Во исполнение приказа № 281 о посылке экспедиций в Саратов, Сызрань, в Западную Сибирь, — отозвать такую-то экспедицию». Почему не приблизить к себе своих друзей? Зачем противопоставлять — Саратов и тематическая партия, переданная НГРИ, посланная в Сибирь? Ничего общего не имеет.

(**Тов. Сенюков**: Между Пензой и Саратовом связь имеется, это — кадры Московского треста)

(**Тов. Седин**: Мы это дело проверим и привлечем виновных к судебной ответственности)

(**Тов. Сенюков**: Московский трест перебрасывался в Западную Сибирь. В период посылки ничего не было)

(**Тов. Седин**: Вы на коллегии — расскажите правду.)

(**Тов. Сенюков**: Я говорю всю правду)

Тов. Галустов: Я заявляю, что обстановка в Главгеологии почти во всем аппарате, правда есть ряд товарищей честных и преданных, которые сидят на своем месте, такова, что дальнейшее оставление в таком состоянии приведет к еще худшим показателям и абсолютному провалу.

<…> Очень много можно рассказать.

В.А. Каламкаров, в 1942 г. начальник Куйбышевнефтекомбината

Тов. Ясенев[22]: Один серьезный и принципиальный вопрос — как считать месторождения.

Я никогда всю свою жизнь не думал, чтобы месторождение, где имеем запах нефти, считать открытым месторождением. Можно привести сотни примеров, когда недорабатывали месторождение и потом получались неприятные вещи. Совершенно прав т. Гальперсон, получается такое впечатление, что это — очковтирательство. В Комитете Обороны подписывается приказ о добыче, исходя из того, что имеется целый ряд открытых структур, согласно Вашего отчета. На самом деле получается не так.

Происходит это оттого, что у нас совершенно различные взгляды на это дело. Геологов-нефтяников нет. Это, в большинстве случае, полевики и в этом — основная беда Главгеологии. Гелого-разведчик должен знать отлично и бурение, и эксплоатацию.

<…> Главгеология не справляется с теми задачами, которые перед нею поставлены. Нужно ограничить круг ее работ. Правильно будет, если Главгеология будет называться Главнефтеразведкой. Нужно заниматься нефтеразведкой, а не геологией вообще.

Тов. Каламкаров[23]**:** Основная болезнь Главгеологии заключается в том, что промышленные задачи подчинены академическим задачам. Главгеология превратилась в какую-то частную контору по проверке гипотез Сенюкова и других геологов. Отсюда все распределение материальных ресурсов и всего парка в работе.

Несмотря на то, что не раз предупреждали Сенюкова и на собраниях, и в частных беседах, что надо концентрировать основные силы и средства на районах эффективных, которые дадут быструю отдачу, особенно во время войны, на районах, которые в ходе войны дадут нефть. Тем не менее протаскивалось восстановление разведок в отдаленных концах и уголках — дойти до девона, дойти до кембрия, но доказать свою гипотезу. И так все время. Одна скважина тут, другая там.

Станки, которые предназначались Средней Волге, перебрасывались куда угодно.

Бурильные трубы — мы кричим — бурильных труб нет, в Якутии 7 тыс. метров бурильных труб валяются.

В отношении результатов работы. Плохо или хорошо мы бурим? Давайте сопоставим работу Главгеологии и работу трестов, которые имеют свои геолого-поисковые конторы. Все они дают «навар» больше даже того, когда работают в отдаленных районах. Если возьмете «Прикамнефть», которая имеет свою геолого-поисковую контору, они имеют больше результатов и точек больше.

Там, где работает Главгеология, мы имеем очень мало фондов. Это проистекает от основной принципиальной неправильности в работе Главгеологии — академизма. Геология для геологии, но не для нефти. Вот отсюда и идут ошибки. Говорят, капля имеет решающее значение (мнение Сенюкова и его сторонников в главке) — это тогда, когда она перерастает в поток, а не испаряется, как испарилась в Иванове.

Поэтому я считаю, что оставлять Сенюкова в дальнейшем при руководстве Главгеологии — невозможно. Он никогда и нигде не хочет признать свои ошибки. После стольких заявлений, выступлений и доказательств, он ничего не хочет признать из того, что делается в Главгеологии. Все правильно — распределение, и посылка западносибирской партии, и отзыв в Москву тематической партии. Ни в чем не хочет признаться.

Если человек не признает свои ошибки, а Главгеология работает из рук вон плохо, то держать у руководства такого человека мы не можем.

Тов. Седин: Мы Главным геологическим управлением не занимались по серьезному, по настоящему не докопались до всего того, что

имеется в Главгеологии. Виноват и тов. Байбаков, который не уделял внимания основному участку работы, виноват и я. Я мало знал работу Главгеологии, сейчас познакомился.

Я внимательно прочитал отчет. Отчет вредный, очковтирательский. За этот отчет считаю необходимым людей привлечь к ответственности. Составителей отчета — Попова и Сенюкова нужно крепко наказать. Видимо и в других отраслях промышленности иногда представляются отчеты без особого критического подхода к ним. Это — недостаток работы наших отделов наркомата.

Я считаю, что в этом отчете показано таким образом, что у нас Главное геологическое управление не только не зашло в тупик, а что у нас имеется возможность так развернуть бурение, что мы представили в правительство план, по которому возможно добыть по Средней Волге — 350 тыс. тонн. Это значит, вы обманывали нас, а мы обманули Государственный Комитет Обороны, обманули Правительство. Сейчас мы не имеем площадей, которые бы немедленно дали нам возможность добыть такое количество нефти, которое записано в решении Государственного Комитета Обороны.

Я считаю, что это результат того, что мы, до некоторой степени, Сенюкова слишком подняли, может быть заслуженно. Он не сделал из этого вывода, считая, что он является Сталинским лауреатом. Мы его представили к награде, считаю, что это сделали по заслугам. В результате имеем организацию Главного [геологического] управления. С одной стороны, на одних действует методом запугивания, террором, а с другой стороны, воспитывает холуев. Серьезный, толковый работник Поспелов является холуем Сенюков, человек, который при лучшем руководстве мог бы дать значительно большие результаты.

В результате неправильной работы лично Сенюкова, как начальника Главного геологического управления, и зазнайства имеем провал в нашей геологической службе. В результате мы имеем такой розовый отчет, в котором ни слова не сказано о руководстве комбинатами, а Главное геологическое управление обязано руководить комбинатами. Об этом в отчете ни одного слова не сказано. Даже и отчет изложен неправильно с точки зрения построения отчета. Здесь сбивается наше Главное [геологического] управление только на те тресты, которыми

непосредственно руководит, т.е. которые непосредственно входят в состав Главгеологии.

<…> Я считаю, что дальше терпеть такое положение с геологическим управлением нельзя. Если Сенюков из этого не сумеет сделать выводов, он пропал как человек. Он еще молодой человек, способный человек, может много дать, но это зазнайство, это воспитание холуйства в своем окружении, некритический подход к своим действиям может привести к тому, что Сенюков может окончить карьеру.

У Сенюкова качественно повешен язык, имея каплю нефти, он может рассказать, что нефти потечет столько, сколько в свое время дал Лок-Батан.

Я требую от каждого геолога — дайте мне конкретно, сколько можно добыть. Даем максимальное количество материальных ресурсов — дайте площади, где можно было бы добывать нефть. Не Якутию дайте, а Бугуруслан. В Сибири искать нужно, это — безусловно, но надо сосредоточить на определенных площадях. А люди сидят годами, проедают деньги и пишут — у нас запасов нет. Рябухина надо выгнать. Сосет, как паук, и пишет труды. Работу превращает в лавочку.

Рассмотрим те материальные ресурсы, которые имеются. Распределение этих ресурсов неправильное. Цифры, взятые из отчета, показывают, как Вы стараетесь все приукрасить. Мы говорим относительно Ишимбая, Бугуруслана, Прикамки и Саратовского района, а Вы о Пензе и других районах. В общем итоге цифры получаются неправильными. Он, до сих пор, этого не понимает.

Определение — что считать промышленной нефтью. Я привык, как инженер, считать промышленным делом тогда, когда я получаю и сдаю государству на бочку полным весом. Я требую от наших переработчиков — дайте тысячу тонн авиационного и автомобильного бензина, от промысловиков — дайте тысячи тонн нефти. Требую в тоннах, а не в бутылочках и скляночках. Перспективу надо разведать и вложить, может быть, не один миллион. В разведку в конце 1939 г. и в 1940 г., до войны, материально-техническое снабжение дали вполне достаточное. При правильной организации этого дела мы имели бы хорошие результаты.

О кадрах. Не вижу кадров в Главном геологическом управлении.

Тов. Козлову и Байбакову нужно посмотреть, что за люди сидят, как руководят работой. Это прямая вина тов. Байбакова.

(**Тов. Байбаков**: Некоторых прогнали)

Но в основной корень не взглянули. Это результат того, что мы много верили т. Сенюкову. Мы его подняли, поставили. И он действительно сделал большую работу, а он этого дела не понял и он решил, что он — пуп земли. Это вредное дело и на этом люди теряют голову и партийность. Это неправильно и тов. Сенюков должен сделать вывод.

Тов. Сенюков, Вам было предложено снять Абрамова.

(**Тов. Сенюков**: Вы сказали, что нужно подумать, кого поставить вместо Абрамова)

Вам было приказано снять не один раз. Вы его усиленно отстаивали. Это Вы, по-видимому, помните. Уже в Москве я приказал снять немедленно. Вы не выполнили этого указания. В чем дело? А вот в чем. Это — ходатай по дачным вопросам, по квартирным делам, это ходатай по всем благоустроительным делам. Это — сукин сын, которого надо выгнать из партии, это — жулик, и партийная организация обязана эти махинации разобрать. Я уверен, что Абрамов был организатором по отправке экспедиций.

Возьмите руководство таким трестом, как геофизический. Там, очевидно потому, что мы подняли Сенюкова, боготворят его. Поспелов может испортиться, если его во время не обуздать. <…>

Я думаю сделать по этому поводу серьезные выводы, Коллегия должна это обсудить.

Письменный отчет, представленный Главным геологическим управлением — т. Сенюковым — очковтирательский, дезорганизующий руководство наркомата. Считаю, что Главное геологическое управление с задачами, поставленными на 1941 г., не справилось, несмотря на большую материально-техническую помощь, которая оказывалась. Подбор и расстановка кадров в Главгеологии абсолютно нетерпимы.

В Главгеологии процветает подхалимство, зажим самокритики со стороны Сенюкова, нежелание подобрать необходимых работников для укрепления роторного бурения. Главное геологическое управление неудовлетворительно руководит работами таких трестов, как Нижне-

Волжский, Средне-Волжский, Татарский, в результате чего в Татарском тресте сменились 3 управляющих. Нет контроля за работой этих организаций. Люди там кормятся. ЦНИЛ Сызраньнефти — эта организация была дутая. Я считаю, что это надо записать.

То, что в Главгеологии было 5 геологов — виноват и тов. Байбаков, этим участком работы как следует не занимался. Надо наше Главное геологическое управление укрепить, причем перешерстить надо до самого низа.

О руководителе Главгеологии. Я считаю, что Сенюкова, как не обеспечившего руководства Главгеологией, с работы надо снять.

Обязать т.т. Байбакова и Козлова в 5-дневный срок дать кандидатов. Временно возложить организацию этого дела на тов. Галустова. Дать Главгеологии человек 20 хороших инженеров и геологов.

Попова надо будет отдать под суд. Это — очковтирательство. Абрамова необходимо снять.

Поручить т.т. Байбакову, Козлову и Левицкому проверить необходимость организации так называемых «экспедиций» и виновных привлечь к суровой ответственности. Неправильно Вы сделали, тов. Сенюков, — решение Государственного Комитета Обороны было вынесено в июле, а Вы послали экспедицию только в декабре месяце. Передергиваете приказы, которые издает Народный Комиссар, во исполнение какого приказа возвращаете эту экспедицию, которая ничего не делала? Деньги с людей взыскать. Это — жульническая операция.

Главному геологическому управлению нужно придать форму производственного главка и сделать Главнефтеразведкой, подтвердить ранее принятое решение.

Геологический отдел наркомата нужно укрепить, добавить людей. Надо установить хорошую зарплату — персональные оклады основным инженерам и геологам.

Тов. Сенюкова использовать на низовой работе.

Обязать т.т. Байбакова, Каламкарова, Левицкого, Галустова, Ясенева и Гальперсона в двухдекадный срок представить план работы Главнефтеразведки и план работы геологического отдела, увязать эти планы. Также в пятидневный срок провести мероприятия по оздоровлению всего аппарата. Аппарат перевезти сюда, просмотреть всех до единого.

Хочу предупредить тов. Сенюкова. Вы не думайте, что Вы уж очень великий человек. Вы говорите, что сами занимались погрузкой и разгрузкой. Вы обязаны организовать дело, заставить людей работать, а не самому заниматься погрузкой и разгрузкой. У нас одна единица квалифицированного труда равняется трем единицам простого труда.

Те факты, которые называл тов. Галустов и которые имеются в письме уполномоченного комиссии партийного контроля по Саратовской области, нужно поручить проверить и виновных привлечь к ответственности.

Я хотел бы послушать Зельцера — начальника снабжения. Он предпочитает молчать. Проверить, что это за человек и если помогал, то придется проверить и снять с работы.

Я считаю, что дальше терпеть такое положение нельзя. Я хочу сказать это тов. Сенюкову, чтобы выводы сделали и все остальные. У Сенюкова есть струнка — холуйски подходить к вышестоящим, жать на нижестоящих. Этого делать не надо, тов. Сенюков. Надо побольше партийности и поменьше думать о том, что я — пуп земли. Тогда будет толк. У нас есть факты, когда люди, не справляющиеся с работой — более высокие, ставятся на низшую работу. Мы критически должны подходить ко всей работе и не успокаиваться.

Есть другие предложения? Кто за это предложение прошу поднять руки. Принимается.

Поручить мне, Байбакову, Левицкому, Галустову и Гальперсону отредактировать. Возражений нет? Принимается.

---

[1] Присутствовали члены коллегии: И.К. Седин, Н.К. Байбаков, В.А. Рыбак, М.С. Козлов, И.Д. Карягин, В.А. Каламкаров, В.Е. Петухов, а также — В.М. Сенюков, Е.Б. Гальперсон, Кайгородов, П.И. Левицкий, Б.П. Ясенев, Г.С. Галустов, Горский, Н.Н. Калмыков и Зельцер.

[2] Байбаков Николай Константинович (1911 — 2008) — известный советский политический и хозяйственный деятель, Герой Социалистического Труда; в 1939 — 1944 гг. — заместитель Наркома нефтяной промышленности СССР; с 1944 по 1955 г. — Нарком (Министр) нефтяной промышленности, с 1955 г. — председатель Госплана СССР.

[3] Сенюков Василий Михайлович (1907 — 1975) — геолог-нефтяник, дважды лауреат Сталинской премии; еще во время учебы в МНИ участвовал в экспедициях

в Западной Сибири; с 1939 г. — начальник Главгеологии Наркомнефти СССР, после марта 1942 г. — начальник партии Мосгеолтреста, с 1947 г. — директор Московского филиала ВНИГРИ.

[4] Соколов Василий Андреевич (1900 — 1971) — советский геохимик, лауреат Сталинской премии СССР, изобретатель газовой съемки как вида геофизических исследований; в 1934 — 1950 гг. — научный руководитель Государственной всесоюзной конторы «Нефтегазосъемка», в 1950-х годах работал в Институте горючих ископаемых АН СССР.

[5] Личность Тер-Газарова установить не удалось.

[6] Сидоренко Михаил Васильевич — в 1941 — 1942 гг. начальник производственно-технического отдела Главгеологии Наркомнефти СССР; в конце 1940-х годов — начальник Главвостокнефтедобычи Миннефтепрома СССР; в 1956 — 1965 гг. — первый заместитель начальника Главгаза СССР, затем, до 1979 г. — первый заместитель Министра газовой промышленности СССР.

[7] Личность Абрамова установить не удалось, в 1942 г. работал в должности заместителя начальника Главгеологии.

[8] Хельквист Герман Августович (1894 — 1968) — советский геолог, член-корреспондент АН СССР (1958); в 1940-х годах — главный геолог и начальник геологического отдела Наркомнефти СССР.

[9] Седин Иван Корнеевич (1906 — 1972) — советский партийный и хозяйственный деятель, Герой Социалистического Труда (1944); в 1940 — 1944 гг. — нарком нефтяной промышленности; с мая 1945 г. — нарком текстильной промышленности.

[10] Булдыр, правильно Булдырь, — селение, давшее название структуре, которая находится в 15 км к северо-востоку от г. Чистополя (ТАССР). Булдырская структура считалась одной из наиболее перспективных, но нефти там получить не удалось, и она стала символом неудачного поиска; Нытва — место в Пермской области, где также закладывались разведочные скважины.

[11] В структуру Главгеолгии входило 8 территориальных геологических трестов.

[12] В 1929 г. в районе Верхнее-Чусовских городков (современная Пермская область) была открыта первая нефть Второго Баку, однако результаты не оправдали надежд — нефтяное месторождение оказалось небольшим.

[13] Васильев Виктор Григорьевич (1910 — 1979) — советский геолог, один из открывателей западносибирской нефти, лауреат Сталинской премии; в 1930-х работал геологом в тресте «Востокнефть», в 1942 — директор НГРИ.

[14] Алексин Александр Георгиевич (1911 — 2008) — советский геолог, лауреат Государственной премии; в 1939 г. — главный геолог Укрнефтекомбината, с 1941 г. главный инженер Главгеологии, в 1942 — 1945 гг. — главный геолог Усть-Енисейской экспедиции Горно-геологического управления Главсевморпути. Воспоминания А.Г. Алексина опубликованы в: Ветераны (воспоминания): из истории развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 18. — М.: Нефтяное хозяйство, 2006. — С. 80 — 131.

[15] Гальперсон Евгений Борисович (1906 – 1978) – советский экономист-нефтяник, начальник планового отдела Наркомата, затем Главного планово-экономического управления Министерства нефтяной промышленности СССР.

[16] Левицкий Петр Иванович – в середине 1930-х – старший геолог трестов «Азнефтеразведка», «Прикамнефть»; в 1942 – 1945 гг. – работник Наркомата нефтяной промышленности.

[17] Галустов Г.С. – в 1941 – 1942 гг. – главный инженер Главгеологии, по собственному признанию был автором письма наркому И.К. Седину «о безобразной работе т. Сенюкова и в целом главка» в марте 1942 г., после чего на повестку заседания коллегии было вынесено обсуждение работы Главнефтегеологии (РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 635. Л. 8); в 1950 г. – управляющий трестом «Союзнефтегазразведка».

[18] «Франкс» – передвижной буровой станок.

[19] Личности Козмина и Белова установить не удалось.

[20] Личности Сазонова и Фоменко установить не удалось.

[21] Рябухин Георгий Евгеньевич (1908 – 1998) – известный советский геолог-нефтяник, внес большой вклад в изучение геологии Западной Сибири; в 1942 г. – начальник бюро Сибнефти Наркомнефти СССР.

[22] Ясенев Борис Петрович – советский геохимик, лауреат Сталинской премии (1949), в 1942 г. – главный геолог Государственной всесоюзной конторы «Нефтегазосъемка».

[23] Каламкаров Вартан Александрович (1906 – 1992) – известный советский нефтяник, в 1942 г. – начальник Куйбышевнефтекомбината, с 1944 г. – начальник Технического управления Наркомата нефтяной промышленности СССР, затем заместитель наркома, с 1955 г. – заместитель Председателя Госплана СССР.

Нефтяная промышленность СССР в 1944 – 1945 гг.

А.А. Иголкин

В 1943 г. уровень добычи нефти в СССР был самым низким за все годы войны, а в 1944 г. нефтяная промышленность (прежде всего – добыча нефти) росла медленнее, чем все другие главные отрасли тяжелой промышленности[1]. В целом за 1944 год добыча нефти составила 18226 тыс. тонн – чуть больше, чем в 1943 г. (17943 тыс. тонн), но значительно меньше, чем в 1942 и 1941 г.

Задолго до окончания войны началась конверсия производства. Доля оборонной продукции на предприятиях Главнефтемаша еще в январе 1944 г. составлявшая 67,2%, к октябрю снизилась до 57,0%; это снижение продолжалось и в последующие месяцы. Во втором квартале 1945 г. уже на 88% машиностроительные предприятия Наркомнефти выпускали нефтеоборудование и только на 12% – вооружения. Но эти изменения не сразу могли дать результаты – и в целом в 1944 г. положение в отрасли оставалось очень напряженным.

В феврале 1945 г. состоялось Всесоюзное техническое совещание по вопросам интенсификации бурения и нефтедобычи. Выступая на нем, нарком отрасли Н.К. Байбаков отметил, что хотя план добычи нефти за 1944 г. был выполнен лишь на 94%, а бурения – и того меньше, на 66%, но по производству основных нефтепродуктов план был перевыполнен; причем по авиабензину, особенно нужному фронту, план был перевыполнен на 17%. Полностью справились с заданием машиностроительные предприятия наркомата[3].

В основном районе нефтедобычи – Бакинском – в 1944 г. нефти было извлечено из недр почти на миллион тонн меньше, чем в 1943 г.: соответствующие показатели составляли 11,8 млн. тонн (1944 г.) и 12,7 млн. тонн (1943 г.)[4]. Так что весь прирост добычи был обеспечен другими районами, которым пришлось еще и компенсировать падение нефтедобычи на Апшероне.

Падение нефтедобычи в Азербайджане станет понятным, если вспомнить, что значительная часть нефтяников и оборудования были эвакуированы; нефтеразведка в 1942—1943 гг. велась крайне слабо; эксплуатационные и разведочные скважины бурились в минимальных масштабах.

11 мая 1944 г. ГКО принял постановление «О мероприятиях по увеличению добычи нефти в 1944 г.». Постановление предусматривало резкое увеличение буровых работ, форсированную добычу нефти на предприятиях Азнефтекомбината и Грознефтекомбината, частичное возвращение эвакуированных кадров и оборудования. Часть специалистов увольнялась из армии и направлялась на прежние места работы. На азербайджанские нефтепромыслы направлялись 15 тысяч рабочих из числа сельской молодежи[5].

В 1944 г. конверсия производства постоянно нарастала; предприятия, ранее выпускавшие оборонную продукцию, возвращались к прежней производственной специализации. Нефтяная промышленность стала получать больше оборудования. В результате наступления Красной Армии в хозяйственный оборот вовлекались территории, ранее оккупированные противником. Так, обсадные, бурильные и нефтепроводные трубы поступали до войны с Таганрогского и Мариупольского заводов. Поставки возобновились летом 1944 г.[6]

В результате принятых мер общая проходка скважин в Азербайджане в 1944 г. увеличилась в 2,5 раза по сравнению с 1943 г.[7] В Азербайджане не оказалось достаточного количества подготовленных к эксплуатации разведанных нефтеносных площадей; чтобы их получить, в 1944 г. разведочное бурение увеличилось почти вдвое по сравнению с 1942 г. (с 37,6 тыс. м до 72,6 тыс. м)[8]. По величине разведочного бурения в 1944 г. и 1945 г. «Азнефть» была на первом месте в СССР (табл. 1).

Благодаря увеличившейся нефтеразведке в 1944 г. на Апшеронском полуострове были открыты новые нефтяные месторождения — Бузовны и Маштаги[10]. Появилась возможность увеличить эксплуатационное бурение — и на этих площадях, и на других. И в 1945 г. эксплуатационное бурение существенно, сразу в два с лишним раза, превысило уровень 1944 г.: с 66,2 тыс. м оно поднялось до 146 тыс. м в 1945 г. Но даже такой объем эксплуатационного бурения был в 4,8 раза меньше, чем в 1940 г.[11]

Разведочное бурение в 1944 и 1945 гг. (в тыс. м)[9] **Таблица 1**

Разведочное бурение	1944 г.	1945 г.
Наркомнефть	290,2	376,7
В том числе: Азнефть	72,6	107,0
Башнефть	53,6	37,7
Казахстаннефть	40,5	36,5
Грознефть	28,4	50,0
Куйбышевнефть	14,5	14,2
НКВД (Ухта)	5,4	6,0

Наряду с бурением на суше стало развиваться бурение на прибрежном шельфе Каспия. В 1944 г. при «Азнефти» был организован трест морского бурения[12].

Чтобы добраться до нефтеносных слоев в середине 1940-х годов в Азербайджане приходилось бурить довольно глубокие скважины. В 1944 г. средняя глубина пробуренной скважины составляла:

Азнефтекомбинат — 1500 м.

Молотовнефтекомбинат — 1000 м.

Бугурусланнефть — 400 м[13].

В начале 1945 г. в Азербайджане было уже достаточно много буровых станков — во всяком случае, больше, чем в других нефтекомбинатах. На 1 марта 1945 г. комплекты буровых станков распределялись по трестам Наркомнефти следующим образом:

Азнефть — 112

Башнефть — 73

Казахстаннефть — 56

Куйбышевнефть — 48

Грознефть — 42

Краснодарнефть — 23

Молотовнефть — 25

Калининнефть — 24

Бугурусланнефть — 20

Укрнефть — 13[14].

Эксплуатационное бурение в 1944 и 1945 гг. (в тыс. м)[9] **Таблица 2**

Эксплуатационное бурение	1944 г.	1945 г.
Наркомнефть	403,9	511,7
В том числе:		
Азнефть	66,2	146,0
Грознефть	70,9	56,3
Краснодарнефть	61,5	58,1
Башнефть	29,1	31,1
Куйбышевнефть	25,2	33,0
Бугурусланнефть	12,2	9,0
Дальнефть	30,6	33,4
Казахстаннефть	20,8	23,6
Туркменнефть	34,6	47,2
НКВД (Ухта)	8,5	8,9

Как и прежде Азербайджан с 1945 г. стал занимать первое место по эксплуатационному бурению, причем с большим отрывом от других регионов (табл. 2). Но если в 1940 г. на Азербайджан приходилось 50,5% общесоюзного объема эксплуатационного бурения, то в 1945 г. — лишь 28,5%.

Тем не менее, объем добычи в Азербайджане в 1945 г. вновь упал — до 11,5 млн. тонн. К довоенному уровню добычи Азербайджан впервые приблизился лишь в 1966 г., когда добыча составила 22,176 млн. тонн[16]. Удельный вес Азербайджана в общесоюзной добыче нефти, в 1943 г. составлявший 70,7%, к 1944 г. снизился до 65,0%, а к 1945 г. — до 59,4%[17].

На Северном Кавказе после катастрофического падения 1942—1943 гг., связанного с ведением военных действий и временной потерей части территорий, в 1944 г. добыча нефти возросла, и довольно существенно: доля Северного Кавказа в общесоюзной добыче нефти, составлявшая в 1943 г. всего 4,6% (в 1940 г. эти районы дали 14,9%), к 1944 г. увеличилась до 8,2%. Опережающий рост сохранился и в 1945 г., когда удельный вес Северного Кавказа повысился до 9,9% общесоюзной добычи[18].

В 1944 г, в «Грознефти» было пробурено эксплуатационным бурением 70,9 тыс. м — больше, чем в любом другом нефтекомбинате. А в 1945 г. на первое место в СССР по эксплуатационному бурению вышла «Краснодарнефть», в 1944 г. занимавшая по этому показателю третье место после «Грознефти» и «Азнефти»[19]. Во время войны при отступлении советских войск майкопские скважины, чтобы они не достались врагу, были умышленно испорчены так, что восстановлению они не подлежали — легче было пробурить новые.

Работать на Северном Кавказе нефтяникам приходилось в очень тяжелых условиях. Никак нельзя сказать, что в каких-то регионах было легко, но на Северном Кавказе лучшее оборудование было эвакуировано, часть производственных и непроизводственных фондов разрушена в ходе бомбардировок, артобстрелов, умышленного уничтожения. Так, на 1 января 1942 г. жилой фонд треста «Малгобекнефть» составлял 43,3 тыс. кв. метров. Из них немцами было разрушено и приведено в негодность в ходе боев и временной оккупации 32,6 тыс. кв. метров. После оккупации к концу апреля 1945 г. было восстановлено и построено 356 кв. метров, приспособлено под жилье — 13 тыс. кв. метров. Кроме того, рабочие треста «Малгобекнефть» были размещены в 750 землянках и 7 палатках. Если на 1 января 1942 г. на душу населения там приходилось 5,5 кв. метров жилплощади, то на 1 апреля 1945 г. — всего лишь 1,2 кв. метров[20].

Еще раз подчеркнем, что и в районах, относительно удаленных от фронта, нефтяникам подчас жилось не лучше. Особенно это касалось «спецконтингента». Поздней осенью 1943 г. Куйбышевский обком докладывал в Москву: «Всего на Ставропольском нефтепромысле вместе со строительными организациями имеется около 1500 чел. спецконтингента, которые живут в утепленных палатках с печками, плетеных бараках и некоторые — в землянках (...).

Спецконтингент не имеет постельных принадлежностей, ни белья, ни одежды как летней, так и зимней. Свою имеющуюся одежду за время работы около года всю изорвали, в связи с чем наблюдается очень большая завшивленность (...).

Положение со спецконтингентом почти такое же, если не хуже, и в тресте «Кинельнефть», и в тресте «Сызраньнефть»[21].

Так как новое оборудование для бурения почти не поступало, старое изнашивалось, это приводило к частым авариям. В отличие от 1937 г. в этих авариях, как правило, не видели никакого «вредительства».

В справке, подготовленной посланным в Грозный ответственным организатором Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) в октябре 1944 г., отмечалось: «Часть бурильного оборудования, особенно бурильных труб, очень изношено, что приводит к авариям и снижает механические скорости проходки скважин»[22]. За первое полугодие 1944 г. на грозненских нефтепромыслах произошло 40 аварий, из-за которых 4 пробуренных скважины совершенно выбыли из строя и 4 находились в длительном ремонте[23]. По наркомату в целом за январь — сентябрь 1945 г. в бурении произошло 1127 аварий[24].

В 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была преобразована в Грозненскую область; чеченцы и ингуши были переселены в восточные районы. В нефтяной промышленности чеченцы практически не работали, поэтому на динамику восстановительных работ «Грознефти» эти меры прямого влияния не оказали. Соответственно, в архивных фондах не отложилось и сведений о каких-то связанных с переселением эксцессах, напрямую касавшихся «Грознефти». Хотя в сельской местности такие эксцессы были, о чем свидетельствует, например, подготовленный в 1944 г. следующий документ: «Отдельные руководящие партийные работники, пользуясь бесконтрольностью, допустили разбазаривание, занимались присвоением хлеба, скота и имущества, оставшегося от переселенцев. Обком ВКП(б) привлек их к ответственности, снял с работы и исключил из партии 5 секретарей сельских райкомов.

Ответ. организатор Организационно-инструкторского отдела
ЦК ВКП(б) Шестаков»[25].

В 1944—1945 гг. нефтедобывающая промышленность в восточных районах развивалась быстрее, чем на Кавказе. Доля восточных районов в общесоюзной добыче нефти, составлявшая в 1943 г. 23,8%, в 1944 г. поднялась до 25,5%, а в 1945 г. — до 28,3%[26]. Именно благодаря восточным районам в 1945 г. был обеспечен общесоюзный прирост добычи нефти, составивший более 1 млн. тонн: если в 1944 г.

было добыто 18226 тыс. тонн, то в 1945 г. -19377 тыс. тонн. В 1945 г. в Урало-Поволжье было добыто 2818,2 тыс. тонн нефти — в полтора раза больше, чем в 1940 г.[27]

Квартальная добыча нефти в СССР, упавшая в первом квартале 1945 г., резко увеличилась во втором квартале, затем этот рост продолжился. Продукцию для нефтяной промышленности стали поставлять и оборонные отрасли, целиком работавшие для фронта.

Квартальная добыча нефти в 1945 г.
(четвертый квартал 1942 г. — 100 %)[28]

I квартал — 95 %

II квартал — 104 %

III квартал — 105 %

Нефтеразведка в Волго-Уральском регионе, не дававшая значительных результатов в 1941-1943 гг., наконец-то, в 1944 г., привела к большим открытиям. Нарком нефтяной промышленности докладывал заместителю Председателя Совнаркома СССР Л.П.Берии в середине 1944 г.: «В течение 1942-1944 гг. открыто 22 месторождения; из них 19 нефтяных и 3 газовых. Кроме того, на трех разрабатываемых месторождениях открыты новые богатые промышленные пласты.

В числе вновь открытых нефтяных месторождений и пластов входят: Кинзебулатово (Башкирская АССР), Махач-Кала (Дагестанская АССР), Палванташ, Андижан (VII пл.), Южный Аламышик, Айритан (Фергана), Бузовны (Азербайджанская ССР), Южный Кошкар, Сагиз (X юрский пласт), Нармунданак (Казахская ССР), Али-Юрт (Грозненская область), Заборовка, Яблоневый Овраг (девон), Зольный Овраг, Губино, Старое Похвистнево (Куйбышевская обл.), Заглядино, Красноярка, Восточная Ново-Степановка (Чкаловская обл.), Шугурово (Татарская АССР), Ляль-Микар (Узбекская ССР), Эхаби (XIX пласт, о. Сахалин).

В число вновь открытых газовых месторождений входят: Елшанка, Курдюм (Саратовская обл.), Аманак (Куйбышевская обл.).

С момента открытия перечисленных месторождений до 1 июля 1944 года на них подготовлены для эксплуатационного бурения и приращены по промышленным категориям фондов (А + В) 1740 скважино-точек, в том числе на газ 97 скв/точек»[29].

Документ был составлен в июле 1944 г. и, видимо, еще не до конца было понятно значение открытия первого месторождения девонской нефти в СССР — Яблоневого (иногда пишут — «Яблонового») Оврага. О том, что надо искать нефть в более глубоких, девонских слоях, геологи говорили давно. И вот — первое открытие. 26 ноября 1943 г. в Куйбышевской области, у пункта Яблоневый Овраг, была заложена скважина № 41. После достижения проектной глубины большой нефти не получили. До этого несколько скважин при более глубоком бурении — «на девон» — нефти не дали. Однако и Наркомат нефтяной промышленности, и Куйбышевский обком ВКП(б) были за углубление скважины. 8 июня 1944 г., с глубины 1600 метров, скважина дала фонтан дебитом 485 т/сутки. За все время эксплуатации «сорок первая» дала около 300 тыс. тонн нефти[30].

Следующее открытие девонской нефти было сделано в 1944 г. в Башкирии. В начале 1944 г. в районе Туймазы нефть добывалась из угленосных свит, скважины давали в среднем около 4 тонн в сутки, а в то же время в Майкопе — около 150—200 тонн. Было принято вполне понятное решение о демонтаже буровых установок и возвращении их на юг. Чтобы обеспечить своевременное выполнение приказа, в конце весны 1944 г. в Туймазы прибыл заместитель наркома. Скважины демонтировали, но одну, под номером 100, продолжали бурить, хотя скважина прошла уже глубину 1500 м, а нефти все не было. Бурить или нет дальше — мнения разделились. Особенно настаивал на продолжении бурения заместитель главного геолога треста «Туймазанефть» М.В. Мальцев. 26 сентября 1944 г. на глубине 1680—1686 м скважина дала фонтан нефти. Это была девонская нефть. «Сотая» скважина эксплуатировалась 45 лет и за это время дала 842 тыс. тонн нефти[31]. Только одна скважина № 100 стала давать нефти больше, чем все ранее пробуренные на Туймазинской площади скважины[32]. К сентябрю 1945 г., за один год добыча нефти на Туймазинском месторождении возросла более чем в 12 раз.

Сделанное открытие однако не привело к резкому росту объемов бурения в Башкирии: ресурсы были ограничены, а на Кавказе надо было бурить скважины взамен утраченных во время войны. При небольшом приросте эксплуатационного бурения в «Башнефти» (от 29,1 тыс. м в 1944 г, до 31,1 тыс. м в 1945 г.) разведочное буре-

ние в 1945 г. даже сократилось — с 53,6 тыс. м до 37,7 тыс. м. Если в 1942 г. по этому показателю «Башнефть» была на первом месте в СССР, то в 1945 г. — на третьем (после «Азнефти» и «Грознефти»). По эксплуатационному бурению «Башнефть» в 1945 г. была на седьмом месте в СССР[33].

И в Татарии в 1944 г. было сделано открытие — на карте появилось Бавлинское месторождение нефти (на самом юго-востоке республики), но не в девоне, а в нижнем карбоне. Время девонской нефти Татарии придет чуть позже.

Велась нефтеразведка и в других районах. Так, в Коми АССР в 1943 г. было открыто Войвожское газонефтяное месторождение, в 1945 г. — Нибельское[34].

Следует отметить, что во время войны очень значительно изменилось соотношение между разведочным и эксплуатационным бурением: в 1940 г. разведочное бурение по Наркомнефти составляло 36,3% эксплуатационного, в 1944 г. — 71,8%, в 1946 г. — 73,6%[35]. В целом по стране проходка скважин бурением сократилась с 1947 тыс. м в 1940 г. до 947 тыс. м в 1945 г.[36]

Разумеется, не всегда поиски нефти были такими успешными, как в Башкирии и Куйбышевской области. В районе Нордвика (п-ов Таймыр) разведочное бурение на нефть возобновилось в 1942 г. В 1943 г. на Нордвике скважина № 429 на глубине около 120 м дала приток тяжелой нефти, с июля 1943 г. скважина эксплуатировалась, через 8 месяцев среднесуточный дебит снизился с первоначальных 0,9 тонн до 0,2 тонны[37]. В августе 1944 г. Нордвикская экспедиция располагала 12 роторными буровыми станками (из них 10 — годных к работе), 13 крелиусными буровыми станками (из них 9 — годных к работе), 25 тракторами, 22 автомашинами и вездеходами. Численность всей экспедиции составляла тогда 1460 человек; без учета занятых в работах на уголь и соль — 1006 чел.[38] В августе 1944 г. Госплан предложил «продолжить геолого-разведочные работы на нефть в Нордвик-Хатангском районе в Арктике»[39].

Весной 1944 г. было принято решение о «возобновлении крупных разведочных на нефть работ на территории Украинской ССР». Из Москвы на Украину была отправлена бригада из 6 человек, которой было выдано все самое необходимое: сапоги (6 пар), костюмы

(6 штук), постельное белье (12 пар), хозяйственное мыло (6 кг), спирт (3 литра)[40].

По распоряжению СНК СССР от 23 мая 1944 г. в том же году были начаты поиски нефти в Горьковской области. За 1944–1945 гг. геологической съемкой было охвачено около 10 тыс. кв. км, пробурено 8 крелиусных скважин. Было решено продолжить поисковые работы и в 1946 г., перейдя к бурению скважин в соседнем с областью Козьмодемском районе Марийской АССР[41].

В Средней Азии поиском месторождений было занято свыше 10 разведочных геофизических партий и экспедиций Среднеазиатского отделения Государственного союзного геофизического треста (ГСГТ) Наркомнефти[42]. В результате в Ферганской долине в годы войны был открыт ряд новых месторождений нефти, но они были весьма небольшими.

Открытие новых высокодебитных месторождений на Востоке позволяло, даже при относительно небольшом объеме буровых работ, увеличить добычу. После трех лет падения нефтедобыча в Башкирии чуть возросла в 1944 г. и весьма существенно – в 1945 г. В 1944 г. было получено 835 тыс. тонн, в 1946 г. – 1333 тыс. тонн[43]. И это при том, что общая проходка бурением в 1946 г. в «Башнефти» сократилась. Увеличилась добыча нефти в Куйбышевской области – до 885 тыс. тонн в 1944 г. и 1033 тыс. тонн в 1945 г.[44], при росте общей проходки бурением на 18,9%[45]. Чуть возросла добыча нефти в Чкаловской области: от 231 тыс. тонн в 1943 г. до 253 тыс. тонн в 1944 г. и 275 тыс. тонн в 1945 г. А вот в Молотовской области добыча падала и в 1944 г. (от 211 тыс. тонн в предшествующем году до 188 тыс. тонн), и в 1945 г. (до 185 тыс. тонн). Хотя в 1944 г. в Татарии было открыто Бавлинское нефтяное месторождение, в 1945 г. там добыли всего 7 тыс. тонн нефти – то есть его промышленная эксплуатация еще не началась[46].

Добыча нефти в Казахстане и в 1944 г., и в 1945 г. падала: с 978,8 тыс. тонн в 1943 г. до 799,4 тыс. тонн годом позже и до 785,4 тыс. тонн в 1945 г.[47] В Туркмении буровые работы в 1944 г. увеличились в 2,2 раза и достигли 46,2 тыс. м; в 1945 г. они вновь существенно увеличились – до 64,2 тыс. м, причем эксплуатационное бурение было примерно втрое больше разведочного. В результате в

1944 г. добыча возросла до 630 тыс. тонн (по сравнению с 465 тыс. тонн годом ранее) и оставалась на этом уровне в 1945 г.[48] В других республиках Средней Азии (кроме Туркмении) добыча нефти возросла от 313 тыс. тонн в 1943 г. до 378 тыс. тонн в 1944 г. и 515 тыс. тонн в 1945 г.[49] Основным районом добычи в этих трех республиках (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) был Узбекистан.

В Узбекистане работали два треста — «Калининнефть» и «Ворошиловнефть» (частично). В 1944 г. они добыли 339,8 тыс. тонн (из них на «Калининнефть» пришлось 265,1 тыс. тонн)[50]. Ворошиловская нефть — низкого качества, асфальтового типа, высокосмолистая, парафинистая, высокосернистая, с малым содержанием бензино-лигроиновых и керосиновых фракций. Использовалась во время войны как топливо[51].

Стала поступать нефть из районов СССР, освобожденных от оккупации. Добыча нефти там составляла: в 1943 г. — 23 тыс. тонн, в 1944 г. — 439 тыс. тонн, в 1945 г. — 1003 тыс. тонн (39% от довоенного уровня)[52]. Такими районами были Северный Кавказ и Западная Украина. При отступлении с Западной Украины немцы не успели вывезти часть оборудования нефтепромыслов[53]. Вследствие этого была относительно быстро налажена добыча нефти. В 1945 г. на промыслах Украины было добыто 249,5 тыс. тонн нефти[54].

Еще в 1932 г. в районе Ухты, на северо-восточном склоне южного Тимана было открыто Ярегское месторождение тяжелой нефти. При добыче этой нефти обычным способом — скважинами — коэффициент извлечения нефти не превышал 2%, а себестоимость была очень высокая (50 рублей за тонну — в ценах 1930-х годов). При таких условиях разработка месторождения представлялась неперспективной. Но в 1937 г. впервые в СССР на Яреге была заложена нефтяная шахта № 1, вскрывшая месторождение до глубины 175 м. В 1939 г. была получена первая шахтная нефть. В 1943 г. была введена в эксплуатацию шахта № 3. В марте 1944 г. нефтешахта № 1 была принята государственной комиссией в промышленную эксплуатацию. В 1944 г. на нефтешахте № 1 была добыта 101 тыс. тонн нефти[55].

Ухтокомбинат НКВД в 1945 г. добывал нефть не только на двух шахтах, но и на промысле Чибью. Средняя глубина скважин на шахте № 1 была 40 м, шахта № 2 — всего 20 м[56]. В 1940 г. на Ухте было

Добыча нефти и газа в Коми АССР в 1941-1945 гг.[58] **Таблица 3**

Годы	Нефть (тыс. тонн)	Газ (млн. куб. м)
1941	79	41
1942	96	221
1943	101	366
1944	129	417
1945	172	469

пробурено 6,1 тыс. м, в 1942 г. — 10,0 тыс. м, в 1944 г. — 13,9 тыс. м, в 1945 г. — 14,9 тыс. м, в 1946 г. — 16,7 тыс. м[57].

Росла добыча нефти и газа (табл. 3).

В годы войны производительность труда на Ухтокомбинате возросла на 25-30%[59].

Основной рабочей силой на предприятиях Ухтижемлага (с 1943 г. — Ухтокомбината) были заключенные, которые работали по 12 часов в день; столько же работали и вольнонаемные нефтяники Азербайджана и других регионов, причем, и те, и другие — без отпусков и практически без выходных[60].

Среди работающих на предприятиях нефтегазовой промышленности Коми АССР, начиная с 1942 г., увеличился удельный вес трудмобилизованных. Правовой статус этой категории работников отличался от вольнонаемных кадров: они были закреплены за предприятиями до окончания войны. В 1944 г. в Ухтинском комбинате было занято свыше 7 тыс. чел. трудмобилизованных. Однако в 1945 г. среднесписочный состав трудмобилизованных был уже 5,3 тыс. чел., причем еще до окончания войны их доля в общей численности работников стала уменьшаться. Возрастал же удельный вес выпускников системы трудовых резервов. Всего за 1941—1945 гг. через систему профобразования для предприятий нефтегазовой промышленности Коми АССР было подготовлено свыше 2 тыс. чел.[61]

Внедрялись новые, более эффективные методы бурения. В 1944 г. приказом наркома И.К. Седина конторы турбинного бурения были

организованы в Баку, Грозном, Туймазах, Куйбышеве, Махачкале. Важным преимуществом турбинного бурения перед роторным в реальных условиях, существовавших в 1940-е годы в СССР, были менее жесткие требования к качеству бурильных труб. В США и других странах преобладало роторное бурение; ряд специалистов настаивал на его ускоренном развитии в СССР. Но, как писал уже в 1990-е годы видный нефтяник Я.А.Гельфгат: «При том состоянии металлургической промышленности и машиностроения, которое имело место в послевоенные годы, практически невозможно было развивать буровые работы роторным способом»[62].

С 1942 по 1945 г. скорость бурения скважин на один станок в месяц в среднем увеличилась в разведочном бурении на 28%, а в эксплуатационном — на 38%[63]. Буровиков старались получше снабжать продуктами и одеждой; работа эта требует больших физических усилий, ведется круглый год при любой погоде.

Довольно много писалось о «нефтяном ленд-лизе», поставках из США нефтеоборудования и авиационного бензина. Но интересно, что к началу 1945 г. Советский Союз получил из Швеции более 70 крелиусных станков[64].

В связи с существенным увеличением объема буровых работ (от 687 тыс. м в 1944 г. до 1000 м по проекту плана на 1945 год) нарком в феврале 1945 г. просил дополнительно выделять ежемесячно 6 тыс. кг сахара и кондитерских изделий, 50 кг чая, 6 тыс. кг жиров, 5 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 1000 м шерстяной и шелковой ткани[65].

Несмотря на трудности с нефтедобычей, снабжение Красной Армии горюче-смазочными материалами в 1944 г. существенно улучшилось. Среднемесячный расход ГСМ Вооруженными Силами в 1944 г. был на 17,9% выше, чем в 1943 г., и на 44,5% выше, чем в 1942 г. (хотя добыча нефти в 1942 г. была заметно больше, чем в 1944 г.)[66]. Еще больше среднемесячное потребление ГСМ Красной Армией было в январе-мае 1945 г.: тогда оно превысило уровень 1944 г. на 19,2%[67].

Наиболее существенно в 1944 г. увеличилось производство авиационного бензина — самого сложного по технологии изготовления нефтепродукта. В 1944 г. его производство было в полтора раза боль-

ше, чем в 1940 г.; по сравнению же с 1943 г. советские заводы выпустили авиабензина больше на 32,5%[68]. Данные по производству авиабензина за 1945 год даются за весь год, поэтому, естественно, что его производство несколько уменьшилось: с 1334 тыс. тонн в 1944 г. до 1017 тыс. тонн[69]. В 1944 г. на 12% возросло производство дизельного топлива (нужного для танков), на 37% — автомобильного бензина, на 16% — керосина, на 34% — топочного мазута[70].

Основным центром нефтепереработки оставался Баку. Самый крупный производитель авиабензинов завод им. Сталина в Баку увеличил производство в 1944 г. в полтора раза; высоким сохранялся уровень производства и в военные месяцы 1945 г.[71]

Довольно быстро восстанавливалась грозненская нефтеперерабатывающая промышленность. За 1943 г. и первые 3 месяцев 1944 г. мощности грозненских НПЗ были восстановлены: по крекингу — на 87,2%, вторичной перегонке — на 69,2 %, первичной перегонке — 56,4%[72].

В 1944 г. НПЗ Грозного перерабатывали не только грозненскую нефть, но также бакинскую и дагестанскую[73]. За первое полугодие 1944 г. грозненские НПЗ произвели 352,2 тыс. тонн бензина, правда, плановое задание было несколько выше — 406,9 тыс. тонн. Керосина на этих заводах за тот же период было получено 190,9 тыс. тонн, но план был гораздо выше — 359,1 тыс. тонн[74].

До войны НПЗ Волго-Уральского района имели мощности по переработке около 2 млн. тонн нефти в год. К периоду второй половины войны эти мощности существенно возросли. Так, одним из крупных НПЗ стал завод в Сызрани. Его строительство было начато еще до войны, в апреле 1939 г. Завод намечали построить в две очереди, каждая мощностью переработки по 500 тыс. тонн в год. Первую очередь первоначально планировали сдать в IV квартале 1940 г. В июне 1940 г. стало совершенно ясно, что это нереально; срок перенесли на II квартал 1941 г.[75] Завод к этому времени не построили, и 23 октября 1941 г. наметили сдать первую очередь завода в эксплуатацию в I квартале 1942 г.[76] В декабре 1941 г. новая дата пуска была перенесена на 20 апреля 1942 г.[77] Этот срок опять был «сорван»[78]. Завод был пущен в эксплуатацию в конце июля 1942 г.[79], он получил номер 418[80].

За ввод в эксплуатацию Сызраньского НПЗ несколько человек в октябре 1942 г. были награждены значком «Отличник социалистического соревнования Наркомнефти СССР» и получили денежную премию в размере двухмесячного оклада[81]. На Сызраньском НПЗ в 1942 г. было переработано 76 тыс. тонн сырья, получено 18 тыс. тонн бензина, 47 тыс. тонн мазута. В 1943 г. переработано уже 308 тыс. тонн, выход бензина составил 89 тыс. тонн. В 1944 г. объем переработки достиг 391 тыс. тонн, производство бензина — 98 тыс. тонн. За 5 месяцев 1945 г. получено 46 тыс. тонн бензина[82]. Следует отметить, что премии получали, конечно, не только на этом заводе. Доля премий в оплате труда ИТР возросла от 11% в 1940 г. до 28% в 1944 г., в оплате труда рабочих — от 4,5% в 1940 г. до 8,1% 1944 г.

Еще пример выдачи премий в Наркомнефти. 22 сентября 1944 г. директор завода № 413 в Люберцах представил в наркомат отчет о выполнении плана за август того же года. По всем позициям план был перевыполнен, себестоимость снижена на 6%. Ссылаясь на распоряжение СНК СССР № 1861 от 20.XI.1942 г. и приказ Наркомата нефтяной промышленности от 27.XI.1942 г., руководство просило утвердить премию директору завода и главному инженеру — по 5562 рубля каждому. Получив подтверждение достигнутых успехов от планово-экономического отдела наркомата, заместитель наркома Б. Рыбак премию утвердил[83]. В сентябре 1944 г. заводом № 413 план вновь был перевыполнен, премия директору и главному инженеру составила по 4287 рублей каждому[84].

Как известно, башкирская нефть относится к высокосернистым. Во время войны группа ученых во главе с Н.М. Караваевым, работавшая на Уфимском НПЗ, создала технологию, снижающую содержание сернистых соединений в башкирской нефти с 3 до 0,3%, что позволило изготовлять из нее высококачественное авиатопливо[85].

Нефть перерабатывалась на Дальнем Востоке. Только НПЗ № 419 в Хабаровске летом 1945 г. перерабатывал в среднем за месяц около 74 тыс. тонн нефти[86].

Ранее эвакуированные крекинг-заводы возвращались на Украину.

В мае 1944 г. приказ Наркома нефтяной промышленности намечал восстановить Херсонский крекинг-завод к маю 1945 г. Оборудование

Производство нефтепродуктов на заводе № 410 в Узбекистане в 1940 и 1944 гг. (в тыс. тонн)[89] Таблица 4

	1940 г.	1944 г.
Бензин	17,5	56,0
Керосин	36,3	44,0
Мазут	118	158

завода было вывезено в Сызрань; за время оккупации было разрушено паросиловое хозяйство, механические мастерские, бытовые помещения, склады и многое другое; общий ущерб составлял около 13 млн. руб. В ноябре 1944 г. восстановительные работы были приостановлены[87]. На все сразу не хватало ни сил, ни ресурсов.

Нефтепереработка развивалась и в Средней Азии (табл. 4). В 1943 г. в Узбекистане на НПЗ № 410 началось строительство новой установки по переработке нефти; в 1944 г. — строительство крекинг-установки Винклер-Коха, в 1945 г. — установки «Фостер»[88].

В 1943 г. в Туркмении вступил в эксплуатацию нефтеперерабатывающий завод № 434[90]. В 1944 г. завод произвел 106 тыс. тонн автомобильного бензина, 35 тыс. тонн дизельного топлива, 173 тыс. тонн топочного мазута[91].

После освобождения советскими войсками Западной Украины появилась возможность быстро восстановить существовавшие там заводы: их не успели разрушить или эвакуировать ни при отступлении в 1941 г., ни при стремительном наступлении Красной Армии в 1944 г. Уже в 1944 г. три из пяти существовавших до войны в Станиславской области НПЗ были восстановлены; за второе полугодие 1944 г. они дали 3842 тонны бензина, 3114 тонн керосина, 3129 тонн мазута, 59 тонн дизтоплива. Два завода было решено не восстанавливать, так как их конструкции сильно устарели[92].

За все время войны подавляющую часть нефтепродуктов Вооруженные Силы получали от советских НПЗ (исключением можно считать высокооктановый авиабензин). Причем, как говорилось в итоговом документе «Из итогов работы тыла в период Великой Отечественной войны», составленном 26 июня 1946 г., «обеспечение Красной Армии дизельным топливом, керосином и лигроином ресурсами производства не лимитировалось»[93].

На нужды советской армии расходовалось от 20 до 22% общего производства жидкого топлива[94].

Нефтяная промышленность внесла свой вклад в общую победу над врагом и, в целом, справилась со стоявшими перед ней задачами.

---

[1] *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - М., 1985. - С. 272.
[2] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.). - М., 1970. - С. 246.
[3] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8627. Оп. 11. Д. 710. Л. 1 - 2.
[4] *Лисичкин С.М.* Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. - М., 1958. - С. 286.
[5] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... - М., 1990. - С. 350 - 351.
[6] Известия. - 1944. - 4 августа.
[7] *Поповин Ф.С., Удянский Н.Я.* Задачи бурения в Азнефти // Нефтяное хозяйство. - 1945. - № 10. - С. 1.
[8] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 123.
[9] Там же.
[10] *Федорчук В.П.* Геологи - фронту. - М., 1985. - С. 126.
[11] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 122.
[12] *Чадаев Я.Е.* Указ. соч. - С. 271.
[13] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 259. Л. 124.
[14] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 183.
[15] Там же. Оп. 46. Д. 189. Л. 122.
[16] *Мальцев Н.А., Игревский В.И., Вадецкий Ю.В.* Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. - М., 1996. - С. 41, 57.
[17] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 245.
[18] Там же.
[19] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 122.
[20] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 340. Л. 418.
[21] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е годы XX в.). Становление и развитие. Сборник документов. - Самара, 2005. - С. 371 - 372.
[22] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 612. Л. 2.
[23] Там же.
[24] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 191.
[25] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 612. Л. 4.
[26] *Федорчук В.П.* Указ. соч. - С. 125.
[27] *Мальцев Н.А., Игревский В.И., Вадецкий Ю.В.* Указ. соч. - С. 84.
[28] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 246.

[29] Цит. по: Потомки Прометея. Геологическая служба газовой промышленности. - М., 2005. - С. 21.
[30] *Такоев Д.А.* Об открытии крупных месторождений нефти в девонских отложениях // Ветераны (воспоминания). Из истории нефтяной и газовой промышленности СССР. Вып. 1. - М., 1991. - С. 50.
[31] Там же. - С. 45 - 47.
[32] *Федорчук В.П.* Указ. соч. - С. 125.
[33] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 122.
[34] *Мирлин Г.А.* Минеральные ресурсы во второй мировой войне. - М., 1985. - С. 120.
[35] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 122 - 123.
[36] Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. - М., 1990. - С. 54.
[37] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 468. Л. 68 - 69.
[38] Там же. Л. 70.
[39] Там же.
[40] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 298. Л. 121 - 122.
[41] Там же. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 188.
[42] Там же. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 223. Л. 223.
[43] Нефть СССР (1917 - 1987 гг.). - М., 1987. - С. 47.
[44] Там же.
[45] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 189. Л. 121.
[46] Нефть СССР ... - С. 47.
[47] Там же. - С. 48.
[48] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 136; *Лисичкин С.М.* Указ. соч. - С. 322.
[49] *Лисичкин С.М.* Указ. соч. - С. 329.
[50] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 471. Л. 114.
[51] Там же. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 72. Л. 323.
[52] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 244.
[53] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 468. Л. 10.
[54] *Лисичкин С.М.* Указ. соч. - С. 341.
[55] *Юдин Е.Я., Левин С.М.* Воспоминания ветеранов объединения «Коминефть» // Ветераны (воспоминания)... Вып. 5. - М., 1993. - С. 110 - 111.
[56] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 116.
[57] Там же. Оп. 46. Д. 189. Л. 121.
[58] *Турубанов А.Н.* Топливный комплекс Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). - Сыктывкар, 2005. - С. 217.
[59] Там же. - С. 214.
[60] Там же. - С. 213; *Байбаков Н.К.* Нефтяной фронт. - М., 1995. - С. 7.
[61] *Турубанов А.Н.* Указ. соч. - С. 211.
[62] *Гельфгат Я.А.* К истории освоения и развития турбинного бурения наклонных скважин в объединении «Грознефть» // Ветераны (воспоминания) ... Вып. 4. - М., 1992. - С. 108.

[63] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 335.
[64] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 11. Д. 711. Л. 10.
[65] Там же. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 470. Л. 10.
[66] Тыл Вооруженных Сил в документах. - М., 2000. - С. 590.
[67] Там же.
[68] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. Статистический сборник. - М., 1993. - С. 55.
[69] Там же.
[70] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 331.
[71] *Мовсумзаде Э.М.* Зарождение перегонки апшеронской нефти и становление масляного производства. - Уфа, 1997. - С. 63.
[72] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 612. Л. 3.
[73] Там же.
[74] Там же.
[75] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е годы XX в.) ... - С. 132 - 133.
[76] Там же. - С. 154.
[77] Там же. - С. 156.
[78] Там же. - С. 169.
[79] Там же. - С. 175.
[80] Там же. - С. 260.
[81] Там же. - С. 190.
[82] Там же. - С. 264.
[83] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 306. Л. 51 - 56.
[84] Там же. Л. 104.
[85] *Черешнев В.А.* Наука Урала: все для фронта, все для победы // Вестник Российской академии наук. - 2005. - № 11. - С. 991.
[86] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 471. Л. 168.
[87] Там же. Л. 20 - 21.
[88] Там же. Л. 115.
[89] Там же. Л. 114.
[90] Там же. Д. 470. Л. 134.
[91] Там же. Л. 136.
[92] Там же. Д. 471. Л. 131.
[93] Тыл Вооруженных Сил ... - С. 593.
[94] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. - С. 331.

От Редсовета: В 1975 г. к изданию были подготовлены «Очерки истории развития нефтегазовой геофизики в СССР». Вдова одного из организаторов отечественной геофизической службы в нефтегазовой отрасли П.А. Поспелова, Александра Сергеевна, любезно передала в Совет пенсионеров-ветеранов ОАО «НК «Роснефть» рукопись этой книги. На титульном листе рукописи выведен список авторского коллектива. Это – М.А. Евсеенко, Е.Н. Каленов, И.К. Купалов-Ярополк, М.К. Полшков, П.А. Поспелов, Л.М. Рубинштейн, А.Н. Федоренко, В.В. Федынский.

Редсовет сборника «Ветераны» начинает публикацию отдельных частей этой книги. Первая публикуемая часть посвящена становлению геофизической разведки в годы первых пятилеток. Дается с сокращениями и некоторыми редакторскими изменениями, названия разделов даны также редакцией.

Советская геофизика в годы первых пятилеток

М.А. Евсеенко, Е.Н. Каленов, И.К. Купалов-Ярополк, М.К. Полшков, П.А. Поспелов, Л.М. Рубинштейн, А.Н. Федоренко, В.В. Федынский

Методы геофизической разведки в середине 1920-х – середине 1930-х годов

Известно, что в соответствии с различными физическими свойствами горных пород, изучаемыми прикладной геофизикой, разведка называется магнитометрической, гравиметрической, электрометрической и сейсмометрической. Геофизические методы изучения недр получили признание только к середине 1930-х годов. <…>

Еще в 1925 г. группа сотрудников Астрономического института (г. Ленинград) во главе с Б.В. Нумеровым организовала первые в нашей стране гравиметрические разведочные работы по поискам солянокупольных структур в Урало-Эмбенской нефтеносной области. Этот год следует считать началом применения геофизических методов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
НЕФТЕГАЗОВОЙ ГЕОФИЗИКИ В СССР

Москва.
Недра - 1975

Титульный лист рукописи «Очерки истории развития нефтегазовой геофизики СССР»

для разведки нефтяных месторождений. Активное участие в этой работе, кроме самого Б.В. Нумерова, принимали Б.Ю. Козловский, П.Н. Михайлов, П.И. Черепанов, Э.Э. Фотиади, Н.Н. Самсонов, С.И. Алексеев и другие.

В том же году была организована геофизическая группа в Государственном исследовательском нефтяном институте (ГИНИ), руководимом И.М. Губкиным. В ее состав вошли А.И. Заборовский, Л.В. Сорокин, К.П. Козин, Г.А. Гамбурцев, несколько позже — В.В. Федынский и другие. На работу этой группы большое влияние оказали геологи-нефтяники М.М. Чарыгин, К.Р. Чепиков, А.Я. Кремс, П.Я. Авров, С.В. Шумилин, В.А. Сельский, Н.С. Шатский, Д.И. Щербаков и другие. Они ясно понимали значение разведочной геофизики в комплексе поисково-разведочных работ на нефть и газ и всемерно содействовали ее развитию. В 1926 г. по их инициативе в Азербайджане были организованы поисковые работы с применением новых методов. <…>

Там, где в 1920 — 1930-х годах применялась геофизика, она не выходила из стадии опытных работ. Для иного не хватало необходимой аппаратуры, технических средств, кадров. Это сказывалось на результатах и, в конце концов, доверии к новым методам поисков и разведки. <…> Требовалось доказать практическую целесообразность и геолого-экономическую эффективность геофизических методов.

В конце 1920-х годов особенно остро встала проблема подготовки специалистов-геофизиков. К этому времени уже определился профиль будущих специалистов. Поскольку дорогу геофизике прокладывали физики и математики, то они привнесли в полевые исследования методы, разработанные в лабораторных условиях. С другой стороны,

разведчику недр необходимо хорошо знать геологические дисциплины. Таким образом, в основе геофизического образования должны были лежать физика, математика и геология. В 1920-х годах специалистов такого профиля нигде, в том числе и заграницей, не готовили.

Практика поискового дела в те годы заставляла прибегать к помощи лиц, не имевших к геологической разведке ни какого отношения. Но даже специалисты-геологи из-за отсутствия необходимых знаний о физических свойствах пород, как правило, не могли решать встречающиеся геофизические проблемы или неправильно подходили к их решению. К тому же иногда сторонники геофизических методов часто воспринимали их результаты некритически. В результате многие выполненные работы оказывались неудовлетворительными. Ведь далеко недостаточно выделить аномальные участки, нужно объяснить природу аномалий и грамотно истолковать полученные данные. Эти недостатки, конечно, тормозили развитие разведочной геофизики.

Разведочная геофизическая специальность впервые появилась в Первом Московском государственном университете [современный МГУ им. М.В. Ломоносова. — Прим. ред.] в 1927 г. А в 1930 г. на базе кафедры геофизических методов разведки физико-математического факультета I МГУ возник геофизический факультет Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе (МГРИ). В его учебные планы в дополнение к геологическим были включены специальные дисциплины — магнитометрия, гравиметрия, электрометрия, сейсмометрия и радиометрия, а также значительно усилены курсы математики и физики.

Первый выпуск геофизиков-разведчиков МГРИ состоялся в 1931 г. Его основу составили студенты последнего года обучения специальности «геофизические методы разведки» I МГУ. Они имели хорошую физико-математическую подготовку, и им оставалось лишь преподать специальные дисциплины. <…> За десятилетие (1931 — 1940 гг.) МГРИ выпустил 149 геофизиков-разведчиков, 96 из них — по нефтяному профилю. <…>

Какими же конкретными путями шло развитие каждого из четырех методов геофизики, остающихся и поныне ведущими в разведке нефти и газа? <…>

Применение магнитной разведки в нефтяной промышленности началось одновременно с другими геофизическими методами в середине 1920-х годов. Первые работы с применением магнитометрии были выполнены профессором А.И. Заборовским в 1926 г. в Азербайджане. Они дали положительные результаты.

В отличие от разведки железорудных месторождений, где магнитометрия является прямым методом поисков, в нефтяной промышленности магнитная съемка применяется при решении задач регионального характера — обнаружение и трассирование тектонических нарушений, выделение общих закономерностей в распространении магнитных аномалий, изучение их зависимости от строения осадочного чехла и фундамента. В этих случаях приходится иметь дело со слабыми магнитными аномалиями. Надежное изучение их стало возможным лишь в 1934 г., после создания высокоточной магнитной аппаратуры.

Гравиметрическая разведка нефтяных месторождений, так же как и магнитометрическая, связана с региональным исследованием обширных территорий. Впервые она была проведена с применением вариометров в 1921 г. на Курской магнитной аномалии. Пионерами этого метода были будущие академики И.М. Губкин и П.П. Лазарев, профессора П.М. Никифоров, Л.В. Сорокин и А.И. Заборовский.

С 1925 г. гравиметрия стала применяться и в нефтяной промышленности и прошла несколько этапов развития. В 1925 — 1930 гг. велись отдельные, небольшие по объему работы в Урало-Эмбенском районе, Азербайджане, на Северном Кавказе и в Средней Азии, главным образом — для выяснения возможностей метода. Исполнителями этих работ были В.Ю. Козловский, С.П. Полетаев, Н.Н. Черепанов, В.В. Федынский, Э.Э. Фотиади и другие. Именно тогда зародилась новая специальность разведчиков — гравиметрист.

Гравиметрия показала свою эффективность в 1925 г. при выявлении новых нефтяных месторождений, связанных с соляными куполами Эмбенского района. Последние отличаются отчетливыми локальными минимумами силы тяжести. В результате гравиметрических работ было обнаружено более 500 новых соляных куполов, на большинстве которых в дальнейшем были открыты нефтяные залежи.

Уже в 1926 г. в I МГУ был введен курс гравиметрии, а позднее подготовка гравиметристов была организована на геологоразведоч-

ных факультетах горных институтов (Ленинградского и др.), а с 1930 г. — на геофизическом факультете МГРИ и в других профильных институтах.

В области обеспечения гравиметрической аппаратурой наша страна зависела от импортных поставок. Разведчики продолжали работать с вариометрами образца 1920 — 1934 гг. (Фехтерна, Бамберга), но наметили выпуск вариометра типа Брамберг «Z — 40», обеспечивавших производительность 150 точек в месяц. В это время за рубежом уже применялся вариометр «S-20» (Аскания), вдвое превосходивший «Z-40» по производительности при резком уменьшении веса прибора, что было весьма существенно при работах в поле.

В приборостроении нам приходилось догонять другие страны. Нужны были крупные исследовательские и конструкторские работы и, самое главное, необходимо было создать производственную базу, т.е. завод для производства геофизической аппаратуры. В 1927 г. в СССР началась разработка маятниковых приборов, к изготовлению которых первым приступил Астрономический институт в Ленинграде.

Второй этап развития гравиметрии, 1931 — 1933 гг., характеризовался ростом гравиметрических работ. Сам метод приобрел самостоятельность в выборе задач исследования, формулировке методических путей их решения и оценке геологических результатов работ. Во главе полевых гравиметрических партий стояли молодые советские гравиметристы-разведчики — В.В. Федынский, Э.Э. Фотиади, П.И. Лукавченко, Е.А. Мудрецова, А.М. Лозинская, Л.П. Смирнов, О.А. Шванко, П.М. Бороздин, Ю.Д. Буланже, К.Е. Веселов, С.Е. Федоров, М.С. Молоденский, Н.Б. Сажина, Л.В. Петров, Н.И. Самсонов, Б.А. Андреев и другие. Недостатком того времени являлась оторванность региональных гравиметрических исследований от детальной разведки, слабая связь с другими геофизическими методами.

Немалое значение в деле геологического изучения территории СССР имело постановление Совета труда и обороны о проведении Генеральной гравиметрической (маятниковой) съемки (1932 г.). Планомерное исследование в таком большом объеме, какой предусматривался этим постановлением, было возможно лишь в нашей социалистической стране. По мере выполнения Генеральной гравиметриче-

ской съемки советские ученые разработали методы геологического истолкования получаемых ценнейших данных. Работы по геологической интерпретации гравиметрических данных были начаты в 1930-х годах и возглавлялись академиком А.Д. Архангельским. Дальнейшее обобщение и истолкование данных, особенно для районов Русской платформы, принадлежит Б.А. Андрееву, Н.С. Шатскому, В.В. Федынскому, Э.Э. Фотиади, П.С. Новикову, А.А. Замореву и другим.

Начало третьего этапа развития гравиразведки относится к 1934 г., когда была создана Всесоюзная контора геофизических разведок (ВКГР). Гравиразведка преодолела недостатки, характерные для работ предшествующего периода. Советские инженеры добились успехов в разработке гравитационных вариометров, гравиметров, которые длительное время приходилось выписывать из-за границы. К 1935 г. СССР удалось избавиться от импорта этих приборов. Во многом это связано с работой завода «Геологоразведка», созданном при содействии Б.А. Андреева, М.Е. Абельского, С.А. Поддубного, С.К. Гирина и других.

По теории и практике электрической разведки первые работы в нашей стране принадлежат профессору А.А. Петровскому и его сотрудникам. Хотя еще в 1903 г. инженер Е.И. Рогозин в своей монографии ссылался на возможность использования электрического тока для разведки рудных залежей.

Французский ученый К. Шлюберже в 1912 г. предложил метод электроразведки, основанный на определении сопротивления горных пород с помощью установки, питаемой постоянным током, а в 1920-е годы произвел по этому методу первые измерения в скважинах. Так наряду с методами полевой электроразведки возник метод исследования разреза скважин, получивший название электрического каротажа.

Объемы исследовательских и производственных работ по методам электроразведки быстро нарастали. К концу 1920-х — началу 1930-х годов в усовершенствовании этих методов приняли участие геофизические организации нефтяной промышленности и геологической службы СССР, специальные кафедры Ленинградского и Свердловского горных институтов, Московского геолого-разведочного института, Ленинградского государственного университета и др. Важные основополагающие работы были выполнены в Институте теоретической геофизики АН СССР.

В нефтяной промышленности наиболее эффективным в те годы оказалось применение постоянного тока, т.е. метода сопротивлений, впервые использованного в 1929 г. фирмой «Шлюмберже» на грозненских месторождениях. Это было началом полевой электроразведки и промыслово-геофизических исследований (каротаж скважин) с помощью электрического тока.

Расширение электрической разведки в нефтяных районах СССР было поручено геофизической группе, а затем, в 1932 г., сектору электроразведки Научно-исследовательского геолого-разведочного института (НГРИ) в Москве, руководимому А.М. Шайдеровым и В.А. Долицким. <…>

С 1932 г. полевая электроразведка велась уже советскими специалистами в трестах «Эмбанефть» и «Азнефть». В ней участвовали А.М. Резник, В.Н. Руднев, Н.А. Перьков, В.М. Шишов, А.Н. Корнев, С.Н. Никитин и другие. С.Я. Литвинов произвел первые морские электроразведочные работы близ Апшеронского полуострова. На площадях Грозненского района электроразведка выполнялась И.Г. Дидурой и другими. В Урало-Поволжье возле Чусовских городков, Ишимбаева и Озинок первые электроразведки проводили Д.А. Соколов, Ю.А. Ансимов, В.И. Холмин и другие.

В 1933 г. в информационных сборниках НГРИ появились первые публикации о результатах электроразведочных работ. Для развития основ методов электроразведки большое значение имела изданная в 1934 г. книга В.Р. Бурсиана по теории электромагнитных полей, применяемых в электроразведке. Теории и практике электрических исследований скважин были посвящены работы В.А. Фока, В.А. Сельского, Д.В. Голубятникова, С.Г. Комарова, Д.В. Жабрева, С.Я. Литвинова и других.

К 1936 г. необходимость получения систематической помощи в этих исследованиях со стороны фирмы «Шлюмберже» отпала.

Сейсмический метод преломленных волн стал применяться с 1925 г. Наиболее интересными были результаты сотрудников Сейсмологического института АН СССР П.М. Никифорова, Е.А. Коридалина, И.В. Райко, полученные в Грозненском нефтяном районе в 1929 г. В течение последующих лет были проведены сейсмические работы для поисков структур, благоприятных для скопления нефти.

Разведчики изучали солянокупольные структуры Прикаспийской нефтеносной области и поверхности гидрохимических осадков в Башкирии и Приуралье. Эти районы наиболее пригодны для применения метода преломленных волн, но его техническое несовершенство в то время приводило к крайне скудным, нередко ошибочным представлениям о геологическом строении изучаемых участков.

Недостаточная эффективность сейсморазведки на первых порах сдерживала рост сейсмических партий, но стимулировала поиски путей усовершенствования метода. Так появился метод отраженных волн, впервые предложенный советским инженером В.С. Воюцким.

Первые работы по теории сейсморазведки были выполнены П.П. Лазаревым и А.И. Заборовским в 1929 г. Однако практическое применение метода задержалось из-за технических трудностей в изготовлении сравнительно сложных приборов. Исследования продолжились в 1934 г. под руководством С.Ф. Больших в ВКГР и под руководством Е.А. Коридалина в Сейсмологическом институте АН СССР. В ходе этих исследований были записаны отраженные волны и намечены пути создания аппаратуры и разработки методики полевых исследований.

В 1935 г. ВКГР при активном участии Г.А. Гамбурцева, Л.А. Рябинкина, В.В. Шаскольского, С.Н. Шишмарева, А.Н. Федоренко и других были построены и применены для поисков нефтяных месторождений сейсморазведочные пятиканальные станции, смонтированные на автомашинах. В это же время на шасси «ЗИС-5» были смонтированы буровые агрегаты К-300 для бурения взрывных скважин. Однако из-за недостатка станций и опыта работ по методу отраженных волн в середине 1930-х годов объем сейсморазведочных работ был небольшим. В лучших партиях за 4 — 5 месяцев работы удавалось пройти 20 — 30 погонных километров. В дальнейшем техника и методика записей отраженных волн были усовершенствованы и получили применение в новых, ранее не изученных районах.

Рассмотренный период надо считать временем становления разведочной геофизики, определения основных методологических принципов, главных направлений ее развития и выяснения области наиболее эффективного ее применения.

2. Начало централизации

<…> К середине 1930-х годов геофизическая разведка стала давать практически ощутимые результаты (Казахстан, Урало-Поволжье). В 1934 г. число геофизических партий, участвующих в разведках на нефть и газ, достигло 72.

Геофизические партии	Количество
Гравиразведочные (с вариометрами)	15 (19 приборов)
Гравиразведочные (с маятниковыми приборами)	7
Сейсморазведочные	6
Магниторазведочные	8
Электроразведочные полевые	10
Электроразведочные каротажные и смешанные	26

Несмотря на успехи еще далеко не во всех нефтяных районах геофизические исследования получили применение. Например, в Майкопском районе работы только-только начались, а на Сахалине и в Западной Сибири их вообще не вели. По количеству партий СССР заметно отставал от США, где только в двух штатах, Техасе и Луизиане, работало более 200 геофизических партий.

Геофизическая служба нефтяной промышленности СССР нуждалась, прежде всего, в правильной организации и укреплении кадров и технической базы. В начале 1934 г. начальник Главнефти М.В. Баринов и директор НГРИ А.А. Никишин представили Наркому тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе докладную записку «Об организации геофизических разведок в нефтяной промышленности». В ней говорилось: «Геофизические методы разведки за последние 8 — 10 лет получили широкое применение в мировой нефтяной промышленности. В нефтепромышленности СССР начало применения гравиметрии и магнитометрии относится к 1925 году. Электроразведка (включая сюда и электрокаротаж пробуренных скважин) начала быстро развиваться с 1929 г., когда для организации электроразведочных работ была привлечена французская фирма Шлумберже [так в документе. — Прим. ред.].

Наиболее распространенный в САСШ метод геофизики — сейсмическая разведка — начал применяться у нас с 1930 г. К этому времени в САСШ сейсмической разведкой было обследовано уже свыше 300.000 кв. км. Но за последние годы нефтяная промышленность Со-

единенных Штатов перевооружила сейсмометрию. Там почти полностью оставлен применявшийся ранее метод преломленных волн и введен несравненно более эффективный метод отраженных волн. И в то время, как в САСШ уже к началу 1934 г. работало свыше 50 таких партий, с годовым бюджетом свыше 6.000.000 долларов, у нас до сих пор нет ни одной такой партии, кроме опытных, ведущих экспериментальную работу. К июню 1934 г. количество сейсмических партий в САСШ возросло до 80. <…>

Обращаясь к наиболее, казалось бы, освоенному у нас методу гравиметрическому, — необходимо отметить, что, несмотря на длительное его применение, работа производится исключительно на импортной аппаратуре. Только в 1934 г. предприняты шаги к освоению этой аппаратуры в СССР.

Нет никаких сомнений в том, что широкое развитие геофизических разведок в САСШ вызвано солидными промышленными достижениями этого вида работ. Так, по данным виднейшего американского геофизика Хейланда, сейсмической разведкой в САСШ, на которую с 1924 по 1931 г. затрачено 26 млн. долларов, за то же время открыто свыше 30 структур. Из открытых геофизикой структур за время с 1926 по 1931 г. добыто 33 млн. баррелей нефти. По тем же данным 90—95 % геофизических разведок в САСШ производится для нефтяной промышленности.

Несмотря на крайне недостаточный объем геофизических разведок в нефтяной промышленности Союза, работы последних лет дали ряд крупных достижений.

Так, в Эмбенском районе гравиметрией обнаружено свыше 150 структур, частью разбуриваемых; в двух из этих структур уже обнаружена промышленная нефть (Косчагыл и Джаксымай).

Сейсмометрией и электроразведкой обнаружены новые залежи нефти на ранее известных структурах Искине и Мубар-Кудук. Свыше десяти структур обнаружено в Стерлитамакском районе.

В Бакинском районе электроразведкой открыт новый нефтеносный район — Кюрдаханы. На очереди разбуривание другой структуры — Туркенд.

Электрокаротаж скважин уже за первые три года применения в Баку дал экономию в сумме не менее 52,0 млн. руб. и в Гроз-

ном — 19,5 млн. руб. и дал возможность рационализировать процесс бурения.

Объем геофизических работ, произведенных до 1933 г. для нефтяной промышленности СССР, составляет по электроразведке около 60 %, по гравиметрии — 47 %, по сейсмометрии около 35 % от общего объема работ по всему Союзу.

Таким образом, уже к началу 1933 г. нефтяная промышленность Союза являлась наиболее крупным потребителем геофизических разведок».

Среди причин отставания геофизических работ в СССР назывались: слабое оснащение геофизических партий и отсутствие отечественной производственной базы для производства геофизической аппаратуры; нехватка кадров и транспорта. Однако наиболее важной причиной признавалось отсутствие правильной организации геофизической службы нефтяной промышленности.

«Производство геофизических разведок почти целиком передано Нефтетрестам, в каждом из которых имеется небольшая геофизическая ячейка», — отмечалось в документе. Такая ячейка не могла уделить должного внимания подготовке кадров, заказы на аппаратуру у такой ячейки принимались с трудом, отсутствовала связь между ячейками различных трестов. Авторы указывали, что в Европе и США геофизические разведки вели крупные организации.

«В виде опыта нами была сохранена централизованная организация работ для электроразведки в НГРИ Главнефти. Наряду с быстрым развертыванием работ и повышением их качества, нам удалось здесь добиться уже почти полного освобождения от импорта, как по материалам, так и по аппаратуре», — писали М.В. Баринов и А.А. Никишин. Они предложили создать в системе Главнефти самостоятельную хозрасчетную, оперативную организацию на правах треста, которой должно быть поручено: ведение договоров иностранной технической помощи в области геофизических разведок; централизованное производство разведок геофизическими методами и консультация нефтетрестов; организация производства аппаратуры и техническое снабжение партий; подготовка кадров; организация и самостоятельное проведение исследовательских и конструкторских работ и др. Местом пребывания этого нового оперативного органа предлага-

лась Москва. Авторы просили укрепить материальную базу геофизических разведок Главнефти путем передачи последней завода «Геологоразведка», выделения автотранспорта и повышения ассигнований по капитальным затратам.

Приказом Наркомтяжпрома от 1 сентября 1934 г. № 1163 в системе Главнефти была организована Всесоюзная контора геофизических разведок (ВКГР) на базе секторов электроразведки, геофизики и газовой разведки НГРИ. Перед ВКГР были поставлены следующие задачи:

на 1934 г. — разработка методики применения геофизических исследований и новых видов геофизической разведки, конструирование и усовершенствование советской геофизической аппаратуры и оснащение ею всех геофизических партий, внедрение геофизических методов в промышленность и практическое применение их для решения конкретных геологических задач;

на 1935 г. — оперативная геофизическая разведка в новых районах, освоение сейсмического метода отраженных волн и электрического вертикального зондирования, расширение области применения геофизических методов, предусмотренных договором о технической помощи, обеспечение аппаратурой и транспортом, механизация трудоемких работ;

на 1936 г. — широкое проведение геофизических разведок для поиска нефтегазовых месторождений, разработка и освоение новейших методов разведки и аппаратуры, обеспечение нефтяной промышленности серийной геофизической аппаратурой, широкое внедрение геофизических методов разведки в практику нефтяной промышленности и передача опыта смежным отраслям народного хозяйства, поиски и разведка новых нефтяных месторождений на территориях, неохваченных работами нефтетрестов.

В орбиту деятельности ВКГР включались центральные области СССР, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. <…>

В конце 1934 г. ВКГР заключила договор с фирмой «Шлюмберже» не только на продолжение технической помощи в области электроразведки, но и на разработку методики сейсмического метода отраженных волн. <…> В 1935 г. началось внедрение сейсмической разведки методом отраженных волн с применением отечественных пятиканальных станций.

На геологическом совещании, состоявшемся в Москве 28 февраля – 5 марта 1935 г., И.М. Губкин сказал, что «только результаты детальной геологической съемки, подкрепленные геофизической разведкой, могут дать руководящие нити, тот клубок Ариадны, который выведет нас из геологического лабиринта...».

В 1935 г. работало 45 полевых геофизических партий ВКГР, из них электроразведочных – 24, сейсморазведочных – 10, гравиразведочных – 9, магниторазведочных – 2. В этому году партии работали в основном в новых районах. Ими было выполнено электрометрических измерений – 301,6 тыс. м; определений кривизны – 731, притоков воды – 18. Единственным нефтяным трестом, не имевшим ни одной промыслово-геофизической партии, был трест «Крымгазнефть». Стоимость работ ВКГР в 1935 г. составила около 38 млн. руб.

Сейсморазведочные работы в различных по геологическим условиям районах (Казахстан, Башкирия и др.) выполняли во второй половине 1930-х годов молодые специалисты, окончившие теоретический курс МГРИ и в большинстве своем находившиеся на преддипломной практике: А.Н. Федоренко, П.И. Шешин, П.Г. Янушко, С.Д. Шушаков, И.И. Авдеев, А.П. Милашин, А.К. Хохлов, М.К. Полшков, И.К. Купалов-Ярополк, В.А. Дмитриев, Н.Г. Романюк, Е.В. Панина, Н.А. Никонова, П.А Поспелов, А.А. Девяткин, С.М. Демилов, И.П. Кузнецова, С.С. Василенко и другие. К этой группе также относятся ранее окончившие МГРИ и родственные вузы: С.С. Жуков, И.П. Таллако, С.Ф. Больших, Э.Ф. Страутынь, Н.И. Несмелов, В.Н. Руднев, А.А. Цветаев, Е.М. Рудаков, Л.А. Рябинкин, Г.А. Гамбурцев, М.В. Абрашкевич, М.В. Васильев и другие.

Несмотря на несовершенство применявшейся техники (малоканальные сейсмостанции без специальных частотных фильтров, отсутствие группировки сейсмоприемников, недостаток механических буровых станков и специализированного транспорта), малые объемы работ (от 350 до 600 условных точек за 3 – 5 месяцев) и отсутствие опыта, полученные результаты были весьма обнадеживающими. Сейсморазведка методом отраженных волн вступала в стадию производственного применения, а среди новых методов появилось непрерывное профилирование.

В 1935 г. были закончены работы по созданию более совершенных приборов для сейсморазведки, конструированию новых приборов для других методов геофизической разведки, расчету вертикального электрического зондирования, разработке методики интерпретации геофизических наблюдений и т.п.

В 1934 – 1937 гг. электроразведочные работы выполнялись ВКГР и трестами «Башнефть», «Востокнефть» в Прикамье, Башкирии, Западном Оренбуржье. Благодаря успехам электроразведчиков Г.А. Гандзюка, Г.Х. Дикштейна, Н.Г. Ефимова, Е.Н. Каленова, В.Ф. Печерникова, Д.Е. Пометуна, Е.В. Родиновой, Д.А. Соколова и других, в конце 1930-х годов метод электрического исследования стал широко применяться для поисков поднятий в осадочной толще палеозоя в районах между Волгой и Уралом, а также других частях Русской платформы.

1935-й год следует считать началом развития в нефтяной геофизической разведке метода вертикального электрического зондирования (ВЭЗ), более эффективного, чем метод электропрофилирования. К 1938 – 1939 гг., благодаря работам Б.Л. Гурвича, А.М. Загармистра, Е.Н. Каленова, Ф.В. Ореховского, Д.Е. Пометуна, М.И. Толкачева, К.А. Шахнеса и других, метод ВЭЗ почти полностью вытеснил профилирование при поисковых работах на нефть и газ.

К 1935 г. импорт электроразведочной аппаратуры в основном был прекращен.

Для внедрения отечественного и иностранного опыта геофизической разведки в другие организации нефтяной промышленности ВКГР заключила с некоторыми нефтетрестами договоры о технической помощи и консультации. Квалифицированные сотрудники и специалисты по нескольку месяцев в году проводили в районах работ трестов. Туда отправлялась литература, издававшаяся ВКГР, и рукописный материал по методам разведки. Сумма договоров о технической помощи в 1935 г. составила 2,8 млн. руб.

В 1935 г. в ВКГР была организована научно-техническая библиотека, которая стала пополняться трудами работников конторы. Это – работы В.Н. Дахнова по методу полевой электроразведки, Л.М. Альпина по теории электроразведки, книги «Каротаж пластов высокого сопротивления» под редакцией А.М. Резника и А.А. Се-

верьяновой, «Различные операции в скважинах» под редакцией Е.Н. Каленова и И.Г. Медовского, «Теория и практика составления номограмм для интерпретации кривых вертикального электрического зондирования» И.И. Гольберга и С.А. Левитина, «Гравиметрические работы в Ферганской долине» под редакцией проф. А.И. Заборовского и Ю.Н. Година и многие др. Большую роль в обмене производственным и научно-техническим опытом сыграли «Бюллетени нефтяной геофизики» и сборники трудов ВКГР («Элкагеер» и др.), издававшиеся коллективом ВКГР.

ВКГР приходилось работать в крайне тяжелых условиях, что, во многом, было следствием пренебрежительного отношения к новым методам разведки со стороны некоторых геологов. К тому же ВКГР руководили люди, которые не были специалистами в области геофизической разведки.

Особенно плохо было со служебными и лабораторными помещениями. Подразделения ВКГР располагались нередко в совершенно неприспособленных для работы строениях. Аппарат и часть отделов — в бараке по 1-ому Донскому проезду, 15; механическая мастерская и гравиметрическая лаборатория — в Пыжевском переулке; сейсморазведочная лаборатория — под жилым домом в 1-ом Донском проезде; электрическая лаборатория — в помещении бывшей церкви по Б. Голутвинскому переулку.

Успехи промыслово-геофизических партий, достигнутые в 1935 г., были больше понятны руководству трестов, чем ВКГР. Поэтому каротажные партии, ранее опекавшиеся конторой, стали передаваться нефтетрестам. Это было началом децентрализации вместо необходимой, но еще не оконченной централизации геофизической службы. Во всех предприятиях нефтяной промышленности стали плодиться карликовые геофизические ячейки и распыляться малочисленные кадры. Никакой координации и никакого технического содружества между этими отрядами не было.

В 1936 г. общее количество геофизических партий, работавших на территории СССР и принадлежащих различным организациям, составляло 237.

Отделы сейсмогравитационный, производственный, электрической и магнитной разведки работали разобщено. Исследования, вы-

полнявшиеся полевыми партиями и отрядами, эти отделы не оценивали по техническим показателям. За качеством полевых работ не было надзора. Результаты промыслово-геофизических исследований оформлялись партиями, как правило, неудовлетворительно. Вместо отчетов в большинстве случаев представлялись лишь выписки из буровых журналов. Никаких заключений анализа и предложений по результатам произведенных исследований работники промыслово-геофизических партий не давали.

Работа консультантов ВКГР оценивалась в зависимости от характеристики, выданной на месте работы, а также от умения «сработаться» с местным руководством. Поэтому консультанты полностью зависели от местных нефтяных организаций и их руководителей. При положительной характеристике с места работы деятельность консультанта считалась ВКГР законченной, оплата ее — гарантированной и договор с организацией — выполненным. Руководство ВКГР, увлекаясь договорными работами и насаждая их в подчиненном ей НГРИ, связывало инициативу института и тормозило его работу.

В 1936 г. в резолюции по докладу главного геолога НГРИ С.И. Миронова о работе и программе НГРИ на 1937 г. было отмечено, что в целях устранения организационных неполадок необходимо поставить перед Главнефтью вопрос о непосредственном подчинении НГРИ Главнефти, минуя промежуточную инстанцию — ВКГР. Руководству института поручалось установить тесную связь непосредственно с Главнефтью и добиваться того, чтобы институт не занимался выполнение мелких заказов трестов, но был бы союзным руководящим органом в области нефтяной геологии.

В это время академик АН УССР В.А. Сельский обратился в Наркомтяжпром с письмом, где подчеркнул значение геофизики и обратил внимание на необходимость укрепления геофизической службы нефтяной промышленности. Исходя их этого, он предлагал немедленно приступить к постройке собственного здания нефтегазовой геофизической службы для лабораторий, экспериментальных мастерских, рабочих помещений, а также жилого дома для специалистов.

В 1933 — 1937 гг. было успешно завершено выполнение второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, утвержденного XVII съездом партии, и страна в 1938 г. вступила в третью пя-

тилетку (1938 – 1942 гг.), план которой утвердил XVIII съезд ВКП(б). <…>

3. Выполняя новые задачи

Академик И.М. Губкин, оценивая результаты геофизических работ предыдущих лет, в 1936 г. поставил перед геофизической службой новые задачи по поискам нефти в неизученных районах Московской области. 21 июля 1936 г. он писал в Президиум Моссовета: «Ближайшие к Москве и к промышленным районам Московской области месторождения нефти или естественного газа находятся на расстоянии 1200 – 1500 км. Таким образом, столица СССР и сопутствующая ей индустрия должны питаться дальнепривозными нефтепродуктами. Совершенно очевидно, что возможность промышленной добычи нефти и газа в районах, тяготеющих к Москве, имела бы крупнейшее хозяйственно-политическое значение.

Между тем, рассматриваемые нами районы являются совершенно неизученными в отношении их возможной нефтеносности, имея в то же время ряд благоприятных показателей. Так, Русская платформа, на которой расположена Московская область, по ее геологическому возрасту, характеру и строению может рассматриваться, как вероятная по нефтеносности».

Исходя из этого, И.М. Губкин ставил задачу провести геофизические исследования «в районах, тяготеющих к Москве», которые могли быть поручены ВГКР. «Территория разведочных работ, методика геофизической съемки и проч. вопросы, связанные с поисками нефти в Московской области, – писал геолог, – могут быть детально разработаны совместно с контрагентами особой комиссией, назначенной Моссоветом».

Вместе с тем, объем выполнявшихся геофизических исследований был недостаточным. В приказе Наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе от 5 сентября 1936 г. № 1430 отмечалось, что «геолого-поисковые работы затягиваются годами, слабо внедряются геофизические методы разведки»; предлагалось «широко внедрять геофизические методы разведки, значительно усовершенствовав геофизическую аппаратуру и увеличив ее количество». <…>

Уже тогда намечалась стадийная последовательность геологоразведочных работ «геофизические исследования — глубокое бурение — добыча».

<…> Выполнению этого приказа были посвящены неоднократные совещания сотрудников ВКГР, в том числе проводившиеся 15 марта 1937 г. в сейсмогравитационном отделе и 26 марта того же года в отделе электрической и магнитной разведки. ... На совещаниях обсуждались итоги полевых (летних и зимних) и камеральных работ 1936 г., а также состояние и результаты исследовательских работ, которые должны были содействовать улучшению методики и качества полевых работ, повышению производительности труда; анализировались просчеты в работе и намечались возможные пути их устранения. Одновременно рассматривались пути организации полевых исследований в 1937 г.

На совещании в сейсмогравитационном отделе ВКГР было отмечено, что для выполнения приказа наркома о круглогодичной работе организованы и выехали в поле для работы по методу отраженных волн в районы Средней Азии, Башкирии, Ширванский район Азербайджана, на Украину и в район озера Байкал пять сейсмических партий. Сейсморазведочные работы методом отраженных волн в 1937 г. были запланированы в Туркмении, в районах Эмбы, Актюбинска, Оренбурга, а также на землях «Майнефти» и «Грознефти». <…>

На ряде совещаний актив специалистов-геофизиков и геологическое руководство Главнефти (А.Я. Кремс) отмечали серьезные недостатки в деятельности ВКГР, тормозившие развитие геофизической службы в нефтяной промышленности. <…>

4. Исследуя скважины

Особое значение приобрело внедрение промыслово-геофизических работ в нефтяных и газовых скважинах. В их основе лежал электрический каротаж путем измерения в скважине кажущихся удельных сопротивлений (КС) и поля самопроизвольной поляризации (ПС). Эти измерения, предложенные французским ученым К. Шлюмберже в 1928 г., вначале представляли скважинный вариант метода полевого электропрофилирования.

В Советском Союзе электрический каротаж впервые был применен в 1929 г. в Грозненском районе, а в 1930 г. подобные исследова-

ния начались в Баку. С 1931 г. измерение сопротивления дополнилось измерением ПС. В 1931 – 1932 гг. электрический каротаж стал проводиться и на промыслах Майкопа, Южной Эмбы, Ферганской долины и Западной Туркмении. Применением электрического каротажа на промыслах о. Сахалина в 1935 г. в целом был завершен процесс внедрения его в нефтяную промышленность СССР.

Электрический каротаж, как современный способ бескерновой геологической документации разрезов скважин, был создан в результате плодотворной работы коллектива советских геофизиков и геологов под руководством Д.В. Голубятникова и И.М. Губкина. <…>

В области изучения физических основ метода электрического каротажа большую роль сыграли экспериментальные работы, проведенные под руководством С.Г. Комарова в Баку и Грозном в 1936 г.

В дальнейшем, наряду с методами электрического каротажа, были разработаны другие методы исследования физических свойств пород, пройденных скважиной: гамма-каротаж (В.А. Шпак, Г.В. Горшков, Л.М. Курбатов, А.Н. Граммаков), газовый каротаж (М.И. Бальзамов, М.В. Абрамович, В.А. Соколов), нейтронный каротаж (В. Понтекорво и другие). Из этих методов наибольшее распространение получили радиоактивный и газовый каротаж.

Вместе с каротажем стали широко применяться различные способы контроля за процессом бурения скважин. Еще в 1933 – 1934 гг. в Баку и Грозном, а затем и в других районах получили распространение термометрия и определение мест водопритоков и затрубного движения жидкости (резистивиметрия). Геофизики занялись также вопросами определения искривления скважин (инклинометрия). Почетное место среди промыслово-геофизических исследований приобрели измерения диаметра скважин (кавернометрия).

Г.Н. Строцкий, К.И. Бондаренко, К.А. Верпатов и другие в 1934–1935 гг. разработали пулевые перфораторы для прострела труб и стреляющие боковые грунтоносы, получившие вскоре широкое распространение. В последующем, благодаря работам Ю.А. Колодяжного, Н.Г. Григоряна, Д.Е. Пометуна и других, наряду с пулевыми стали применяться и кумулятивные перфораторы и торпеды.

Успешное развитие методов промысловой геофизики обеспечивалось высоким уровнем теории, разработанной, в основном, трудами

советских ученых. Начало работ в области теории каротажа положено В.А. Фоком, рассмотревшим в 1938 г. случай пласта неограниченной мощности, пересеченного скважиной. А.И. Заборовский исследовал случай пласта неограниченной мощности бесконечно большого сопротивления при наличии скважины и зоны проникновения.

Теория каротажа в общем виде была разработана проф. Л.М. Альпиным. В 1938 г. им были развиты основные положения теории каротажа для пласта неограниченной мощности при наличии или отсутствии проникновения бурового раствора, а затем им был получен расчетный материал, послуживший основой для метода бокового каротажного зондирования (БКЗ). Позднее Л.М. Альпин разработал теорию каротажа пластов конечной мощности и получил расчетный материал для пластов малой мощности.

Большим вкладом в теорию электрического каротажа, обеспечивающим ее применение для решения основных практических задач, послужили расчеты графиков кажущегося сопротивления для пластов конечной мощности и бесконечно большого сопротивления без учета влияния скважины.

Немаловажное значение имели исследования на моделях, проведенные С.Г. Комаровым в 1934 – 1938 гг. При разработке методики интерпретации БКЗ С.Г. Комаровым был расширен расчетный материал и обобщены некоторые положения теории электрического каротажа.

Из работ по физическим основам метода электрического каротажа следует отметить исследования в области ПС коллектива грозненских геофизиков в 1938 – 1940 гг., а также работы по изучению природы ПС и удельного сопротивления горных пород, проведенные под руководством В.Н. Дахнова с соавторами.

В конце 1930-х годов была начата разработка методов промысловой геофизики в крепленых скважинах.

Попытки создания отечественных автоматических каротажных станций делались в 1937 – 1940 гг. Так, Л.Ф. Куликовским, С.Я. Литвиновым и К.А. Верпатовым был предложен аппарат ПС-2 с фотогальванометрическим потенциометром, выпуск которого был осуществлен В.В. Шаскольским вместе с сотрудниками завода «ОЛИЗ». В 1936 г. В.М Запорожцем была опробована ре-

гистрация результатов промыслово-геофизических исследований с помощью светолучевого осциллографа с зеркальными гальванометрами. Однако все эти попытки из-за принципиальных недостатков не имели успеха.

Автоматизация промыслово-геофизических измерений явилась результатом работы больших коллективов ряда институтов и заводов под общим руководством С.Г. Комарова. Это привело к крутому подъему развития промыслово-геофизического приборостроения, обеспечивавшему расширение комплекса промыслово-геофизических исследований, улучшение условий работы операторов, увеличение скоростей измерений и повышение качества получаемых материалов. Но эта автоматизация относится уже к достижениям позднейших пятилетий. <…>

5. Методы геофизической разведки во второй половине 1930-х годов

Объекты, изучаемые геофизикой при нефтяной разведке, в большинстве случаев представляя собой площади без видимых нефтепроявлений, их геологическое строение по обнажениям и шурфам определить невозможно. И там, где для работ с применением обычных геологических методов требовался целый полевой сезон, геофизические методы нередко решали задачу за 15 – 30 дней. При этом снизилась стоимость поисково-разведочных работ и значительно расширялись площади исследования.

Результатами своих практических и методических работ сотрудники ВКГР делились на страницах «Бюллетеня нефтяной геофизики». В 1936 – 1937 гг. было издано четыре таких бюллетеня тиражом 300–1000 экземпляров. Эти издания можно считать предшественниками позднейших сборников «Прикладная геофизика» и «Разведочная геофизика».

В области электроразведки в 1936 г. были выполнены В.М. Запорожцем и другими первые опытные исследования значения теллурических токов (ТТ) для разведки соляных куполов в Эмбенском районе. В результатах было отмечено увеличение плотности токов над соляными телами. Однако метод ТТ применения тогда не нашел из-за недостатков теории и методики разведки. Он был усовершенствован

и начал успешно применяться при поисково-разведочных работах на нефть и газ лишь спустя 18 — 19 лет.

В течение 1937 — 1940 гг. на Крымском и Керченском полуостровах эффективно использовался в электроразведке так называемой «метод петли». Под руководством И.И. Кроленко на больших площадях было исследовано строение верхних горизонтов разреза.

Наиболее широко во второй и третьей пятилетках применялся попрежнему метод сопротивлений. Обогатившись методикой вертикального зондирования (ВЭЗ), электроразведчики получили возможность выполнять количественную интерпретацию наблюдений и представлять результаты в виде карт рельефа опорного электрического горизонта, погребенного на сотни метров. Это значительно расширило область использования электроразведки.

В течение трех месяцев 1935 г. была, например, проведена электрическая разведка Туймазинской структуры в Башкирии, оказавшейся нефтяной. Геофизическое исследование ее обошлось стране лишь в несколько десятков тысяч рублей. Разведка ее бурением растянулась бы на несколько лет и стоимость выразилась бы в миллионах рублей.

Под руководством Б.Л. Гуревича в Доно-Медведицком районе Русской плиты было произведено первое глубокое (более 2000 м) зондирование до кристаллического фундамента.

Несмотря на отдельные неизбежные погрешности результатов электроразведки, метод ВЭЗ получил признание даже тех геологов, которые вначале с недоверием относились к геофизике. В частности об электроразведочных работах в 1934 — 1939 гг. в Башкирии и Прикамье геологи-нефтяники писали: «Из геофизических методов разведки наиболее эффективным в данных условиях оказалась электроразведка, с большой точностью определившая поведение кровли кунгура. Вследствие этого электрометрия и в дальнейшем в подобных условиях, должна иметь широкое применение». (М.Ф. Мартьев, А.С. Батаев в сб. «За башкирскую нефть». 1936. № 7). <...>

Усовершенствовав методику полевых работ и интерпретации, геофизики к концу 1930-х годов стали применять электроразведку не только на территории Русской плиты, но и для детального изучения

отдельных участков Средней Азии, Западной и Восточной Сибири (оз. Байкал).

В 1939 г. была издана работа Е.Н. Каленова, где впервые систематизировался практический опыт истолкования результатов вертикального электрического зондирования. Книга имела большое значение в развитии электроразведки.

В 1936 – 1940 гг. были разработаны теория и способы группирования сейсмоприемников, первые образцы электродинамических сейсмоприемников, способы и устройства для полуавтоматической регулировки усиления в сейсмических усилителях, а также усовершенствованы способы вычисления средних сейсмических скоростей по записям отраженных волн.

В это же время были начаты исследования по разработке корреляционного метода преломленных волн и методики морской сейсморазведки.

Все это способствовало повышению эффективности сейсморазведки. Особенно значительным результатом сейсморазведки того времени является получение данных, послуживших основанием для заложения скважин в районе Бузовны на Апшеронском полуострове. По имевшимся тогда геологическим данным строение этого района представлялось в виде глубокой синклинали. Сейсморазведочные данные показали, что эта синклиналь осложнена поднятием горизонтов. Пробуренные после этого скважины подтвердили данные сейсморазведки, и затем здесь было открыто крупное месторождение нефти.

В Эмбенском районе сейсморазведочные работы решили несколько важных геологических задач, что позволило правильно ориентировать бурение. Сейсмическими методами были разведаны труднодоступные участки в Западной Туркмении и других районах. Уже первое применение сейсморазведки отраженными волнами показало, что этот метод станет основным при поисках погребенных структур в осадочной толще и при подготовке их к глубокому разведочному бурению. В Сибири сейсморазведочные работы в Булаевском и Полуденском районах Северо-Казахстанской области и в Маслянском районе Омской области в 1938 г. были впервые проведены методом отраженных волн. В результате были получены превосходные материалы,

характеризующие геологическое строение районов на глубинах от 100 до 1000 метров и более.

Много нового появилось в гравиразведке. С использованием гравиметрии в годы второй и третьей пятилеток был открыт ряд нефтяных структур.

Маятниковая съемка выполнялась в районе Байкала, в Якутии.

При консультации В.В. Колюбакина с помощью магнитометрии в середине и конце 1930-х годов были изучены обширные площади и оконтурены нефтеносные структуры. Ранее магниторазведочные работы ограничивались лишь изучением локальных структур.

В 1936 г. А.А. Логачев провел уникальный опыт измерения аномалий магнитного поля с самолета. Тем самым было положено начало применению аэромагнитного метода разведки, позволяющего в короткие сроки выполнять съемку огромных территорий. Этот метод произвел техническую революцию в магнитометрии.

Во втором пятилетии путевку в жизнь получил отечественный метод поисков нефти — газовый. Все известные геофизические методы разведки, будучи косвенными методами, давали возможность определять геологическое строение исследуемого района, но не указывали непосредственно на его нефтегазоносность; это возлагалось на газовую съемку. Предполагалось, что следы газов и паров, проникающих из глубинных источников, по своему качественному и количественному составу свидетельствуют о существовании или отсутствии нефти и газа в недрах. С получением первых удачных результатов метод начал быстро развиваться. Однако обработка фактического материала показала, что этот метод еще далеко не совершенен и требует доработки. На практике газовая съемка в начале своего развития не оправдала ожиданий. Во второй половине 1930-х годов геофизики-нефтяники стали уделять много внимания применению рационального комплекса методов при исследовании заданной территории.

Под рациональным геофизическим комплексом обычно понимают такое сочетание различных геофизических методов разведки, которое в совокупности с геологическими исследованиями в минимальные сроки и с максимальной экономической эффективностью способно достоверно представить геологическое строение изучаемого района. <…>

6. Геофизическое приборостроение

Широкое внедрение геофизических исследований потребовало создания соответствующей аппаратурно-инструментальной базы. Несмотря на то, что проблема геофизического приборостроения была сложной и сказывалась некоторая общая отсталость отечественного приборостроения, изготовление ряда приборов освоили заводы «Геологоразведка» и «Электроприбор». Стоимость продукции, выпущенной ими в 1935 г., составила 1,5 миллиона рублей. По ценам фирмы «Шлюмберже», технической помощью которой геофизическая служба нефтяной промышленности пользовалась 10 лет, эта стоимость составила бы 376 тысяч рублей в золотой валюте.

Возникновение советского геофизического приборостроения стало одной из ярких отличительных черт развития геофизики в 1935 – 1941 гг. В условиях быстрого роста объемов геофизических работ нельзя было по-прежнему ограничиваться импортной аппаратурой. На заводе «Геологоразведка» было освоено производство магнитометров, гравитационных вариометров, электроразведочных потенциометров и аппаратуры для исследования скважин, а в Москве (в экспериментальных мастерских ВКГР) собирались первые сейсморазведочные станции для работы по методу отраженных волн.

В течение 1934 – 1940 гг. <…> были разработаны и построены новые отечественные приборы для гравиметрических исследований, расширившие область применения гравиразведки: морской маятниковый прибор (Л.В. Сорокин, И.Д. Жонголович), упругие маятники (Г.И. Рудаковский, М.Е. Хейфец), первый советский пружинный гравиметр (М.С. Молоденский, Л.В. Сорокин, В.В. Федынский, А.М. Лозинская и другие). Во второй пятилетке были начаты работы по созданию отечественных статических гравиметров (М.С. Молоденский, С.Е. Александров, Г.А. Гамбурцев, А.А. Михайлов, С.Г. Макевер, П.И. Лукавченко).

Создание отечественного геофизического приборостроения позволило довольно широко развернуть в этот период геофизические работы, особенно на нефть.

Советская нефтяная геология, полностью освоив новейшие методы геофизической разведки и исследования скважин, внедрила в практику отечественные геофизические приборы. Отпала необходимость в

технической помощи фирмы «Шлюмберже». Срок последнего договора с этой фирмой, заключенного в 1936 г., закончился в 1939 г. Геофизическая наука стала отечественной, а полевая геофизическая разведка на нефть и промыслово-геофизические исследования скважин освободились от какой-либо зависимости от зарубежной фирмы.

7. Усовершенствование структуры

Использование геофизических методов ускорило разведку новых нефтяных районов между Волгой и Уралом, на Украине, площадей в Западной Сибири, позволило исследовать немало нефтеносных земель в старых районах. Геофизическими методами были выявлены структуры с промышленными запасами нефти в прибрежной зоне Апшеронского полуострова, Аду-Юртская (Грозненский район), Арчединская (Волгоградская область), Карлинская (Башкирия), Ромненская (Украина) и др. Только в 1937 г. было подготовлено геофизической разведкой и бурением к промышленной эксплуатации около 20 месторождений. Поисковые работы с помощью электроразведки и других методов велись в 1938 — 1939 гг. на подлежащих затоплению (в связи с сооружением Куйбышевского гидроузла) площадях по Волге и Каме. Выполнялись работы на Украине, Устюрте, в Каракумах и других районах Средней Азии, Якутии и др.

Расширилось применение методов промысловой геофизики в разведочном и эксплуатационном бурении. Изучение происходящих в скважинах процессов теперь основывалось на данных геофизических исследований. При возникновении осложнений при проходке скважины вызывалась промыслово-геофизическая партия. Оказав необходимую помощь, промысловые геофизики определяли режим дальнейших буровых работ.

Однако, несмотря на значительное увеличение объемов геофизических исследований, их все-таки было недостаточно для удовлетворения запросов нефтяной промышленности.

Геофизика — многообещающая наука. От нее много ждут. И тем заметнее было ее отставание от потребностей страны. Решение многочисленных задач на базе установившихся методов разведки зачастую не могло быть получено вследствие того, что методика интерпретации данных полевой и промысловой геофизики была еще далеко не

совершенной. Новые производственные геологические задачи требовали новых физических методов решения. А их разработка могла быть построена только на новых разделах физики, не находивших ранее своего отражения в прикладной геофизике. Предстояли обширные теоретические и лабораторные работы как по изысканию новых путей геофизических исследований, так и по усовершенствованию применявшихся методов геофизической разведки и интерпретации ее результатов. <…>

Специалистов, в совершенстве владеющих техникой ведения геофизических исследований и методикой их интерпретации, в 1930-е годы было немного. В 1935 г. в ВКГР были созданы курсы по повышению квалификации геофизиков, главным образом в области геологии. Эти курсы с более широкой программой продолжали работать и в 1937 г. Но все это было каплей в море тех задач, которые надо было решать и над которыми пришлось много и упорно работать.

Разведка и добыча нефти во вторую пятилетку еще резко отставали от требований народного хозяйства. <…>

Разведочные и промысловые геофизические работы в стране не имели единого координирующего центра. Проведением геофизических разведок занималось более 60 различных организаций. Отсутствовала комплексность в разведке, одни и те же работы на одной территории вело несколько организаций. Требовалась серьезная перестройка геофизической службы, основанная на ее централизации и сосредоточении в одной системе всех полевых и промысловых геофизических работ.

По этому вопросу один из ведущих работников ВКГР — заведующий отделом электрической и магнитной разведки А.Я. Ясечко в 1938 г. писал: «Геофизические методы разведок в СССР не имеют единого планирующего и контролирующего центра. Проведением геофизических методов разведки в Союзе занимаются до 65 различных организаций. Такое положение не может быть терпимо в дальнейшем.

Необходимо создать единый Геофизический Всесоюзный Трест. Создание такого треста диктуется условиями работы, задачами социалистического строительства.

ВКГР в настоящее время не является и в этом виде не может являться центром геофизических работ. Существующая организацион-

ная структура ВКГР оказывается тормозом в работе, все отделы занимаются одним и тем же, и никто ни за что не отвечает.

В дальнейшем организационная структура должна быть в корне изменена. Необходимо:

— приблизить руководство к самому производству, т.е. полевым партиям, для этого нужно разъединить методы разведки и поставить во главе метода технического руководителя с группой старших инженеров;

— создать отдел, который занимался бы обобщением результатов геофизической разведки, проектированием и контролем проводимых геофизических работ, с подчинением их производственному отделу во главе с заведующим отделом и главным инженером;

— организовать филиалы (отделения) Геофизического треста в районах деятельности предприятий нефтяной промышленности».

<...>

Неоднократные обращения по этому вопросу коллектива геофизиков-нефтяников в вышестоящие организации на первых порах натолкнулись на попытки ряда ответственных работников отделаться облегченным решением вопроса о центральной геофизической организации путем ее перевода за пределы г. Москвы.

В целях предотвращения неправильного решения судьбы геофизической службы заместитель наркома тяжелой промышленности Завенягин во второй половине 1938 г. обратился в Президиум Моссовета с обоснованием мотивов размещения центральной геофизической организации в г. Москве и просьбой о выделении участка для первоочередного строительства необходимых ей помещений. В письме отмечалось: «В настоящее время Всесоюзная контора геофизических разведок, фактически являющаяся институтом, проводящим производственно-исследовательскую работу по всей территории Союза и чисто научно-исследовательскую работу в стенах своих лабораторий и отделов, не обеспечена соответствующими помещениями для проведения указанных работ.

На основании указанного НКТП выделил для этого строительства в текущем году 2,2 млн. руб. с тем, чтобы, в первую очередь, были построены экспериментальные лаборатории и мастерские для производства в экспериментальном порядке точных гео-

физических приборов, гараж для монтажа и стоянки каротажных и сейсмических полевых станций, лабораторная база этого хозяйства и жилой дом для работников, занятых на указанных предприятиях.

Вторая очередь строительства предусматривает постройку самого института объемом в 25 — 30 тыс. м^3, который в настоящее время со всеми своими лабораториями расположен в подвальном этаже жилого дома по Каляевской, № 5».

Актив инженерно-технических работников ВКГР <...> намечал новые пути улучшения работы полевых и промысловых геофизических партий. Все полевые работы, производившиеся различными геофизическими методами, были объединены в производственном отделе ВКГР. Этот отдел возглавил П.И. Шешин, а его заместителем был назначен А.М. Загармистр. Отдельные геофизические методы в производственном отделе возглавили высококвалифицированные специалисты — технические руководители методов: сейсморазведки — А.Н. Федоренко, электроразведки — Е.Н. Каленов, каротажа — Н.А. Перьков, гравиразведки — В.В. Федынский, газовой съемки — Г.И. Могилевский, магниторазведки — А.Я. Ясечко.

Для обеспечения технической консультации полевых работ к каждой полевой партии был прикреплен старший инженер. Все исследовательские лаборатории ВКГР были объединены в научно-исследовательский отдел (НИО), начальником которого был С.Д. Шушаков, а его заместителем В.Н. Дахнов.

Для контроля за производственными и научно-исследовательскими работами и обобщения материалов геофизических исследований в ВКГР был создан отдел контроля и обобщения во главе с В.В. Чурлиным и его заместителем И.Г. Медовским. При этом был установлен порядок, согласно которому контроль за полевыми работами должен был осуществляться непосредственно на месте работ старшими инженерами этого отдела. В отделе технического снабжения была создана группа технического вооружения в составе инженеров Ю.А. Анисимова, В.П. Компанцева, Медведева и других. На эту группу было возложено обеспечение нормальной эксплуатации существующего парка оборудования, аппаратуры и приборов, а также размещение заказов на их серийное производство.

В конце декабря 1938 г. во исполнение приказа НКТП № 275 был образован Государственный союзный геофизический трест (ГСГТ). <…> С момента разделения Наркомтяжпрома – 24 января 1939 г. – до 12 октября 1939 г. ГСГТ находился в системе Народного комиссариата топливной промышленности, а с 12 октября 1939 г. вошел в систему Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР, с подчинением Главгеологии.

Забегая вперед, отметим, что приказом Наркомнефти от 5 августа 1943 г. ГСГТ был подчинен непосредственно руководству наркомата. Впоследствии при разделении Министерства нефтяной промышленности ГСГТ в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1946 г. и постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1946 г. № 501 был включен в состав Министерства нефтяной промышленности восточных районов. При этом на ГСГТ было возложено производство геофизических работ на землях и в предприятиях обоих министерств нефтяной промышленности.

Таким образом, с 1939 г. начал работу ГСГТ, ставший общесоюзной организацией по внедрению геофизических исследований в нефтяной промышленности СССР. Управляющим ГСГТ был назначен П.А. Поспелов.

Однако созданием треста вопрос централизации геофизических работ все еще не решался. А перед новой организацией были поставлены задачи организационного характера и создания материально-технической базы.

Приказом Наркомтопа СССР от 15 июля 1939 г. № 161 об организации геологоразведочной службы предписывалось: разрешить начальнику Главгеологии Наркомтопа тов. Сенюкову провести в 1939 г. подготовительные работы к строительству экспериментальных мастерских и лабораторий прикладной геофизики на отведенной площадке в Москве (Верхние Котлы) с окончанием строительства в 1940 г.; определить объем годовой продукции как новой геофизической аппаратуры, так и ремонта в сумме 2 млн. руб. Технический проект строительства необходимо было закончить к 15 ноября 1939 г. Главгеологии разрешалось строительство 20-квартирного «Дома геолога» на отведенной стройплощадке под Московой (в Быкове) и проектирование административного здания для Москов-

ского геологоразведочного треста и ГСГТ, намеченного к строительству в Верхних Котлах.

Несколько позднее приказом Наркомтопа от 2 сентября 1939 г. № 186 в плане геологоразведочных работ на 1939 г. предусматривалось проведение дополнительных геологоразведочных работ и выделение средств для геофизических работ и строительства необходимых помещений.

Эти достижения стали возможны благодаря настойчивой и последовательной деятельности коллектива ГСГТ, ведущих инженерно-технических работников геофизической службы. Однако реализация мероприятий, намеченных приказами Наркомтяжпрома и Наркомтопа, происходила очень медленно, несмотря на активную деятельность руководителей ГСГТ.

Академик АН УССР В.А. Сельский, обращаясь к Наркому топливной промышленности в мае 1939 г., писал: «Поскольку в связи с разделом НКТП на ряд наркоматов увеличились задания и расширилось дело поисков и разведок полезных ископаемых, и на геофизиков легли новые обязательства, а положение вещей и обстановка остались неизменными — нужно считать, что геофизика поставлена сейчас в более тяжелые условия, чем те, в каких она находилась раньше.

Производственные задания расширились, количество полевых партий возросло, точность результатов работ должна быть повышена, а для того, чтобы поставить на должную высоту исследовательскую часть, через посредство которой только и возможно улучшить как методику работ, так и аппаратуру, — ничего не сделано.

Равным образом, ничего не сделано и ничего не делается для того, чтобы улучшить дело подготовки кадров путем введения лабораторных занятий, без которых невозможно нормальное усвоение трудных дисциплин.

Единственным средством для разрешения этого большого вопроса могла бы служить перестройка исследовательского института с экспериментальными мастерскими, где могла бы найти достойную обстановку учащаяся молодежь для проведения своих лабораторных занятий и где каждое затруднение, встречающееся в практике при производстве работ, находило бы должный отклик как с теоретической, так и с технической стороны. <…>

Таким образом, мое предложение сводится к одному пункту — разрешить строительство Исследовательского геофизического института, часть которого должна быть отведена для лабораторных занятий студентов. <…>

Те ошибки, какие мы допускаем в производственных работах, сократятся ровно вполовину, если хорошо и правильно будет поставлена исследовательская часть.

Второй вопрос, тоже требующий Вашего вмешательства для его коренной перестройки, — это методика применения у нас крелиусного бурения.

Около 60 % сумм, отпускаемых на геологоразведочные работы, поглощает у нас разведочное бурение крелиусами, причем на него смотрят как на самостоятельный метод разведки.

В таких районах, как Эмбенский, где глубина залегания продуктивного горизонта ограничивается 300 — 400 м, конечно, можно получать при посредстве крелиусов ответы на все вопросы, но и то едва ли экономически выгодно пользоваться крелиусным бурением как самостоятельным видом разведки, требующим большого количества скважин, а потому являющимся средством дорогим и очень длительным.

Но в других местах, где стоимость метра превышает 200 рублей, скорость не выше 150 метров на станко-месяц, а интересующие разведчика вопросы связаны с глубинами — 1500 — 2000 метров — говорить о значении крелиусного бурения, как самостоятельного вида разведки, не приходится.

Основная цель применения геофизики именно в том и заключается, чтобы сократить до минимума разведочное бурение. Им нужно пользоваться только для того, чтобы получить основные параметры, в знании которых в одинаковой степени нуждается как геолог, так и разведчик-геофизик».

8. Предвоенные планы

План разведочных работ ГСГТ на 1940 г. предусматривал исследование ряда новых районов с целью подготовки структур для промышленной разведки глубоким бурением. В частности, была снаряжена крупная Западно-Сибирская комплексная геофизическая экспедиция, перед которой ставилась задача в кратчайшие сроки указать рай-

оны, перспективные с точки зрения нефтеносности, обосновать заложение структурных разведочных скважин и, кроме того, уточнить строение площадей с известными нефтепроявлениями.

Были запроектированы общая и детальная магнитная и гравитационная съемки, электроразведочные работы (ВЭЗ) и сейсмические исследования методами преломленных и отраженных волн.

В нефтяной промышленности в 1940 г. работало 77 полевых (в том числе 23 сейсморазведочных и 24 электроразведочных) и 43 промысловых геофизических партий.

В общей сложности партиями ГСГТ на территории СССР в 1940 г. было исследовано магниторазведкой около 98,4 тыс. км^2, гравиразведкой — около 25 тыс. км^2 и 4 тыс. пог. км с гравиметрами, около 2,5 тыс. км^2 и более 1 тыс. пог. км с вариометрами, электроразведкой — около 6,1 тыс. км^2, сейсморазведкой — около 2,4 тыс. км^2.

Первые успехи в практической деятельности геофизиков-нефтяников в условиях централизации геофизических работ были отмечены приказом Народного комиссара нефтяной промышленности СССР И.К. Седина от 5 июля 1940 г. № 56, наградившего значком «Отличник социалистического соревнования Наркомнефти СССР» за отличную производственную работу следующих работников геофизической службы:

по Украинскому геологоразведочному тресту — Гандзюка Григория Артемовича, начальника Ромненской электроразведочной партии, показавшего высокую производительность труда, досрочно окончившего работы и обеспечившего планы производительности за 1939 г. на 165 %, разработавшего методику применения электрометрии в Днепро-Донецкой впадине, давшей особо ценные геологические результаты.

по ГСГТ — Поспелова Петра Александровича, управляющего трестом, Харкевича Владимира Ивановича, главного инженера треста, за организацию и успешное проведение геофизических работ на территории Второго Баку, Украины, Урала, Сибири, а также на старых эксплуатационных площадях, в результате которых было выявлено 9 новых, возможно нефтеносных структур, подготовлено к крелиусному бурению 6 структур и к роторному бурению 2 структуры; Загармистра Александра Марковича, начальника отдела разведки, за выполнение плана отдела на 103, 6 %; Толмачева Бориса Васильеви-

ча, начальника Домбаровской экспедиции, за выполнение плана работ экспедиции на 220 % и за хорошую организацию работы, обеспечившую выделение 6 шахтных полей; Медовского Иону Григорьевичу, начальника Полтаво-Брединской экспедиции, за выполнение плана работ экспедиции на 199 %; Лушакова Александра Максимовича, начальника Тавдинской электроразведочной партии, молодого специалиста-стахановца, перевыполнившего плановые задания; Ясечко Александра Яковлевича, начальника Домбаровской экспедиции № 2, за выполнение плана работ экспедиции на 360 % и подготовку трех шахтных полей; Панину Евдокию Васильевну, инженера-интепретатора, за качественное проведение интерпретации геофизических данных и перевыполнение плана работ; Альпина Льва Моисеевича, старшего научного сотрудника электромагнитной лаборатории, опубликовавшего ряд научных трудов по теории электрической разведки, имеющих большое практическое значение для развития метода, и разработавшего ряд вопросов, отличающихся высокой практической ценностью для нефтяной промышленности и внедрения в производство; Федынского Всеволода Владимировича, заместителя начальника отдела разведок, одного из лучших специалистов в области гравиметрической разведки, автора ряда крупных научных трудов, способствовавших выяснению геотектоники различных областей и нефтеносных провинций, хорошего организатора, активно внедрявшего социалистические методы труда в разведочных партиях.

Тогда же «Похвальным листом Народного комиссара нефтяной промышленности СССР» были награждены: по «Башнефти» — Зюзин Павел Иванович, заместитель начальника геофизического отдела, за успешное применение сейсморазведки методом отраженных волн, давшего положительные результаты в деле открытия новых нефтеносных земель вокруг Ишимбаево; по ГСГТ — Башлыкин Иван Иванович, начальник Домбаровской каротажной партии, стахановец, сочетавший технические достижения со стахановскими методами работы, доводя выполнение плана до 200 — 250 % и закончивший работу досрочно; Бузинов Григорий Михайлович, начальник электроразведочного отряда Полтаво-Брединской экспедиции, стахановец, выполнявший план в среднем до 232 %; Владимиров Николай Петрович, начальник электроразведочного отряда Домбаровской экспедиции,

проявивший себя как хороший специалист по разведке угля, выполняя нормы до 350 % с хорошими качественными показателями; Гольдберг Илья Наумович, начальник электроразведочного отряда Домбаровской экспедиции, стахановец, обеспечивший высокую производительнсоть отряда и выполнение нормы на 330 % с высокими качественными показателями; Каленов Евгений Николаевич, технический руководитель электроразведки, крупный специалист, при непосредственном участии которого разведывались структуры «Прикамнефти», из которых оказались нефтеносными Краснокамская и Нытвенская, под его руководством успешно проводились работы в затопляемых районах по рекам Волге и Каме; Кроленко Иван Иванович, начальник партии, отличный производственник, благодаря внедрению стахановских методов работы выполнявший план в среднем на 150 %, с досрочной сдачей отчетов по работам, с отличным качеством и снижением себестоимости до 22 %; Цеков Герасим Дмитриевич, начальник партии путем рационализаторских мероприятий в полевых производственных процессах поднявший производительность партий до 200 % месячного задания и обеспечивший досрочное (на 2 месяца) выполнение полевых работ с высоким качеством.

Последние месяцы 1940 г. ознаменовались новой вехой развития советской нефтяной геофизики. 13 ноября 1940 г. был издан долго готовившийся приказ № 276 Наркома нефтяной промышленности И.К. Седина «О централизации и развитии геофизической службы в нефтяной промышленности». Этот приказ дал высокую оценку работы ГСГТ и сыграл прогрессивную роль в истории нефтегазовой геофизической разведки. В нем отмечались успехи геофизиков: «Геофизической съемкой выявлены и разведаны промышленные месторождения нефти в прибрежной зоне Апшеронского полуострова, Аду-Юртинская, Керлеутско-Узунаякская, Бугурусланская, Ново-Степановская, Северокамская, Термен-Елгинская, Ромненская и др. нефтеносные площади». Нарком ставил задачи: «Для обеспечения потребности нефтяной промышленности в 1941 г. необходим разворот геофизических разведочных работ с целью:

— форсирования сейсмической съемки на площадях Апшеронского полуострова для дальнейшей детальной расшифровки его геологи-

ческого строения, с одновременным проведением работы в Прикуринской низменности и на ряде площадей Туркменнефти;

— расширения работ по изучению площадей в районах Ишимбаевского месторождения с форсированием проведения в 1941 г. сейсмической и электрометрической съемки к югу от промысловых площадей;

— изучения геологического строения Восточных Карпат и выявления погребенных структур в зоне депрессии, примыкающей к Карпатам, и дальнейшего изучения Днепровско-Донецкой впадины».

Для обеспечения геофизическими работами районов Закавказья, Туркмении, Второго Баку и Украины и создания необходимой материально-технической базы И.К. Седин приказывал: «Централизовать геофизическую службы, распыленную по организациям Наркомнефти, в Государственном Союзном геофизическом тресте (ГСГТ) путем создания филиалов (отделений) этого треста и возложения на них проведения геофизических работ на территории Закавказья, Турмении, Украины и Второго Баку». Для ведения работ в Закавказье и Туркмении к 1 январю 1941 г. необходимо было организовать в г. Баку Закавказское отделение ГСГТ (управляющий С.Д. Шушаков). Руководителям Азнефтекомбината и треста «Туркменнефть» предписывалось передать новой организации геофизическую аппаратуру, снаряжение и автотранспорт и откомандировать в ее распоряжение геофизиков. Этим же приказом предписывалось на базе недавно созданного Восточного электроразведочного треста Главгеологии создать в г. Уфе Восточное отделение ГСГТ во главе с В.Д. Сапожниковым. «Определить весь объем полевых геофизических работ на площадях «Второго Баку» на 1941 г. в сумме 3,5 млн. рублей». Средне-Волжскому, Нижне-Волжскому и Татарскому геолого-разведочным трестам Главгеологии предписывалось передать Восточному отделению ГСГТ оборудование, геофизическую аппаратуру, транспорт полевых геофизических партий и кадры специалистов-геофизиков к 1 марта 1941 г. В Киеве создавалось Украинское отделение, во главе которого поставили Б.Л. Гуревича. Аппаратура и снаряжение передавалось из трестов «Укрнефтепромразведка» и «Укрнефтеразведка». <…>

Отделу кадров Наркомнефти (т. Липатову) приказывалось направить в течение первых трех кварталов 1941 г. для работы в Закавказ-

ском, Восточном и Украинском отделениях ГСГТ 50 инженеров-геофизиков из числа выпускников геологоразведочных втузов. Главному геологическому управлению (тов. Сенюков В.М.) — обеспечить в 1941 г. окончание строительства геофизического городка в Верхних Котлах. Главгеологии — приступить в 1941 г. к проектированию административного здания в Москве для ГСГТ объемом до 10 000 куб. метров и жилого дома для сотрудников треста на 60 квартир и обеспечить окончание строительства в 1942 г.

Централизация геофизической службы ставила перед коллективом геофизиков-нефтяников новые конкретные задачи, требовавшие расширения и улучшения деятельности ГСГТ. С момента его организации началось более широкое и быстрое развитие геофизических методов разведки в нефтяной промышленности. ГСГТ намечал внедрение геофизических методов разведки в новых районах, выдвигал новые требования по обобщению геофизических материалов с целью подготовки площадей для глубокого бурения. Особая роль в этом деле принадлежала академику АН УССР В.А. Сельскому, управляющему трестом П.А. Поспелову, главному инженеру В.И. Харкевичу, а также В.В. Федынскому, В.М. Сенюкову и другим.

В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 января 1941 г. о поисках нефти в Ленинградской области, приказом Наркома нефтяной промышленности от 27 января 1941 г. № 82-а на ГСГТ было возложено составление сводок по геофизической изученности и сводных геофизических карт этой области, а также проведение комплексных региональных и детальных геофизических работ в Старо-Русском, Псковско-Островском и Кирилло-Белозерском районах. Необходимо было обосновать места заложения глубоких роторных скважин. Бурение возлагалось на Ленинградскую контору Мосгеолтреста.

Для производства геофизических работ в феврале 1941 г. была создана Ленинградская комплексная геофизическая экспедиция, начальником которой сначала был назначен инженер Ф.Н. Ефимов. Однако в связи с намечавшимся широким разворотом работ приказом по ГСГТ от 19 мая 1941 г. во главе экспедиции был поставлен опытный инженер-геофизик Андрей Андреевич Девяткин, а на должность главного инженера — Всеволод Михайлович Запорожец.

Приказом Народного комиссара нефтяной промышленности от 24 мая 1941 г. № 255 в составе ГСГТ была организована хозрасчетная каротажно-перфораторная контора. На нее было возложено производство каротажно-перфораторных работ в бурящихся скважинах Укрнефтекомбината, Укрнефтепромразведки, Главнефтегаза, геологоразведочных трестов Главгеологии: Московском, Средне-Волжском, Татарском, Нижнее-Волжском и др., т.е. нефтетрестов и объединений, не имевших собственной каротажно-перфораторной службы. Директором каротажно-перфораторной конторы ГСГТ был назначен Николай Андрианович Перьков.

Накопление значительного и по количеству и по характеру фонда материалов геофизических исследований со всей остротой выдвинуло задачу их критического анализа и обобщения. 21 апреля 1941 г. на техническом совещании при главном инженере ГСГТ В.И. Харкевиче вопросы обобщения материалов геофизических работ впервые были во всем объеме поставлены на обсуждение широкого круга ведущих специалистов треста. Одновременно был рассмотрен план обобщающих исследований на 1941 г.

В обсуждении приняли активное участие В.И. Харкевич, технические руководители методов: гравиразведки — В.В. Федынский, сейсморазведки — А.Н. Федоренко, электроразведки — Е.Н. Каленов, руководитель группы обобщения А.И. Храмой, начальники геофизических экспедиций: Грозненской — И.Г. Медовский, Западно-Сибирской — А.Я. Ясечко, главный геолог Западно-Сибирской экспедиции А.А. Борисов.

После обсуждения было принято решение, явившееся этапным в организации геофизических работ, и поэтому мы считаем целесообразным привести его здесь: «Работы по обобщению геофизических материалов до сего времени не находятся на должной высоте. В обобщающих работах нет достаточного критического анализа используемых материалов (качество обработки, обоснованность, предпосылки и пр.), нет органического соединения результатов различных методов, основанного на комплексной интерпретации геофизических данных. Многие актуальные вопросы остаются не только не решенными, но зачастую и незатронутыми (эффективность, выбор рационального комплекса и т.д.). Такое положение в значительной степени вызвано тем, что до сих пор

не были четко определены задачи, стоящие перед обобщением. При постановке работ по обобщению не разрабатываются с необходимой полнотой и не обсуждаются технические задания. <…>

Обобщение должно быть активизировано и работы по обобщению из мертвого капитала, каким они зачастую являются, должны стать действенным оружием для решения производственных задач.

Централизация геофизической службы облегчает правильную постановку и проведение таких работ, и тематика 1941 г. должна быть построена уже в полном соответствии с предъявляемыми требованиями. Несмотря на недостаточный опыт в работах по обобщению можно указать несколько общих положений, которыми следует руководствоваться.

Намеченные темы должны быть посвящены районам, наиболее актуальным в отношении разведки на нефть и среди них в первую очередь районам, где сосредоточены крупные геофизические работы.

Обобщение должно преследовать две основные цели: на основе анализа проведенных работ, изучения физических параметров пород, данных бурения и геологической съемки, сопоставления с аналогичным районом, анализе различных косвенных сведений:

— провести наиболее полную и обоснованную геологическую интерпретацию геофизических исследований и дать описание полученных результатов;

— дать для проектирования дальнейших геофизических работ по возможности исчерпывающие материалы, устанавливающие наиболее эффективный комплекс геофизических исследований, методику полевых работ и их интерпретации.

При постановке темы должно быть составлено техническое задание, которое является основным документом для проектирования и выполнения работы по обобщению. В техническом задании с достаточной полнотой и совершенно конкретно должны быть освещены цель и содержание работы, план ее проведения, характер отчетных материалов. <…>

Для достижения сформулированных выше целей и правильного решения задач, стоящих перед обобщением, необходимо в каждом случае выполнять следующее.

Произвести тщательный анализ всех работ, используемых для обобщения; в результате анализа должны быть установлены качество

данной работы (методики полевого материала, топоосновы), достоверность и объективность полученных результатов.

С максимальной полнотой поднять вопрос о физических параметрах, имея в виду, что он является фундаментальным для интерпретации геофизических материалов; для этого не только должен быть собран и обработан имеющийся материал, но и проведены дополнительные работы по определению параметров.

Изучить буровой материал.

Провести переинтерпретацию и комплексную интерпретацию имеющихся материалов на основе всей совокупности собранных данных и с использованием различных усовершенствований.

Сделать критическое сопоставление данных бурения с результатами геофизических исследований.

По результату работы в соответствии с общими задачами дать описание геологических результатов и методические указания относительно дальнейших работ.

В тех случаях, когда материал недостаточен для составления определенных выводов, следует четко сформулировать неразрешенные вопросы и указать конкретные пути к их выяснению.

Работы по обобщению могут выполняться по этапам. В этих случаях этапы должны быть достаточно крупными, чтобы представлять законченное целое. Вместе с тем в техническом задании должна быть указана та общая задача, решению части которой посвящена данная работа.

Совещание считает, что для повышения качества работ по обобщению необходимо обеспечить исполнителей систематической консультацией со стороны старших инженеров методов и геологов. Для этой цели предусмотреть в планах соответствующее время. <…>».

Возникший вопрос об организации обмена опытом между геофизическими предприятиями был частично решен еще в 1940 г. указанием Наркома нефтяной промышленности И.К. Седина от 6 декабря 1940 г. № Д-2221 начальнику Гостоптехиздата: «Для осуществления обмена опытом по вопросам применения прикладной геофизики в деле разведки и эксплуатации нефтяных месторождений предлагаю Вам создать в журнале «Нефтяное хозяйство» специальный отдел, посвященный прикладной геофизике, и включить в состав редакции журнала т.т. Поспелова П.А., Харкевича В.И. и Иванчука П.К.».

Централизация позволила укрепить геофизическую службу, существенно улучшить ее материально-техническую базу, повысила ответственность коллектива ГСГТ за качественное и своевременное выполнение работ.

Строительство геофизического городка в Верхних Котлах (Москва) становилось реальностью. По этому вопросу Народным комиссаром нефтяной промышленности И.К. Сединым был издан приказ от 24 мая 1941 г. № 251, в соответствии с которым для строительства геофизического городка создавалась специальная дирекция, подчиненная ГСГТ.

Этому решению предшествовала большая подготовительная работа. Постановление Экономсовета СССР от 19 августа 1939 г. о строительстве экспериментальных мастерских для изготовления новых конструкций геофизической аппаратуры, гаража для специальных машин (станций) и складов для аппаратуры и оборудования не было выполнено. Сооружение перечисленных объектов было исключено Госпланом СССР из титульного списка как новое промстроительство в Москве, несмотря на то, что Нарком нефтяной промышленности обеспечил своевременное выделение соответствующих ассигнований. Не отрицая необходимости этого строительства, Госплан СССР рекомендовал вести его вне Москвы.

Учитывая, что при сложившихся обстоятельствах следовало, прежде всего, добиться правильного понимания причин размещения геофизического центра в Москве, руководство ГСГТ через Наркомнефть в июле 1940 г. обратилось с письмом к Народному комиссару коммунального хозяйства РСФСР: «В связи с возникшим вопросом о целесообразности местонахождения ГСГТ в г. Москве, Народный Комиссариат нефтяной промышленности СССР доводит до Вашего сведения следующее: ГСГТ является центральной общесоюзной организацией, через которую Наркомнефть осуществляет руководство геофизическими разведочными работами на всей территории Советского Союза; осуществляет оперативное и техническое руководство всеми разведочными работами, которые производятся Украинским (г. Киев), Закавказским (г. Баку) и Восточным (г. Уфа) филиалами; в контакте с институтами АН СССР разрабатывает теоретические проблемы прикладной геофизики, методы разведочных работ, кон-

струкции геофизической аппаратуры и оборудования и обобщает результаты геофизических работ, проведенных на всей территории Союза ССР; осваивает производство новых, специальных видов аппаратуры и оборудования на заводах г.г. Москвы и Ленинграда.

Благодаря высокой эффективности геофизических методов разведки, являющихся новой, передовой отраслью науки и техники, Наркомнефть обращает на них особое внимание. Народный Комиссар нефтяной промышленности СССР тов. И.К. Седин централизовал геофизическую службу и подчинил ее Государственному Союзному геофизическому тресту. Одновременно Нарком тов. И.К. Седин приказал усилить материально-техническую базу ГСГТ. В частности, в 1941 г. должно быть закончено уже начатое в 1940 г. строительство Геофизического городка в г. Москве, состоящего из экспериментально-лабораторного корпуса, специального гаража для монтажа сейсмических станций и складских помещений. Кроме того, в Москве в 1941—1942 гг. будет построен административный корпус для ГСГТ.

Наркомнефть придает исключительное значение совместной работе ГСГТ с АН СССР и исследовательскими организациями различных наркоматов и заводов.

Народный комиссар нефтяной промышленности считает существование ГСГТ в Москве обязательным условием, обеспечивающим выполнение правительственных заданий по разведке нефтяных месторождений. Перевод ГСГТ из Москвы в другой город безусловно сорвет важнейшие мероприятия Наркомнефти и затормозит на ряд лет разведку и введение в эксплуатацию новых месторождений нефти».

В производственных и строительных хлопотах начался 1941-й год.

(продолжение следует)

От редколлегии: В 1970 г. Министерству нефтедобывающей промышленности было передано руководство магистральным трубопроводным транспортом нефти. Предлагаемый читателям документ проливает свет на историю принятия этого стратегического для нефтяной промышленности решения и его мотивы.

Публикуемый документ представляет собой заверенную копию и хранится в Российском государственном архиве экономики (Ф. 70. Оп. 1. Д. 377. Л. 171 – 176); публикуется полностью. Подготовлен к публикации Ю.В. Евдошенко.

«Перебои в транспортировке приводят к снижению добычи нефти...»

Письмо Министра нефтедобывающей промышленности СССР В.Д. Шашина в ЦК КПСС о передаче магистрального трубопроводного транспорта нефти в ведение Миннефтедобычи

Пр. 990-15
9/10 декабря 1966 г.
ЦК КПСС

В.Д. Шашин

Госплан СССР подготовил проект постановления Совета Министров СССР об образовании союзно-республиканского Государственного производственного комитета по транспорту, хранению и поставкам нефти и нефтепродуктов (Союзтранснефть СССР) при Государственном комитете Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

По существу предложений Госплана СССР Министерство считает необходимым высказать следующие соображения.

Прежде всего, здесь необходимо разграничить два разных, самостоятельных направления:

1. Сбор, подготовка, хранение и транспорт сырой нефти от промыслов до заводов.

2. Снабжение народного хозяйства нефтепродуктами.

В первом случае речь идет только о нефти, и затрагиваются интересы лишь нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов. Второй случай касается широкой номенклатуры продуктов переработки нефти, в которых нуждаются многочисленные потребители всех отраслей народного хозяйства.

До организации совнархозов обе задачи решались Министерством нефтяной промышленности, имевшим в своем составе два органа: Главное товарно-транспортное управление (ГТТУ) и Главнефтесбыт.

После упразднения в 1957 году Министерства нефтяной промышленности, на базе этих главков были организованы в РСФСР — Росглавнефтеснабсбыт, в других союзных республиках — нефтеснабсбыты при Советах Министров или совнархозах. При этом на Украине, в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и Киргизии на нефтеснабсбыты были возложены только функции по сбыту нефтепродуктов, а транспортировка нефти на нефтеперерабатывающие заводы была оставлена за нефтедобывающими организациями. В РСФСР и Туркмении нефтесбытовым организациям также передана большая часть магистральных нефтепроводов.

Таким образом, Росглавнефтеснабсбыт, преобразованный в Главнефтеснаб РСФСР, в настоящее время занимается не только сбытом нефтепродуктов через разветвленную сеть нефтебаз и автозаправочных станций, но также транспортом нефти и нефтепродуктов и, кроме того, выступает посредником в поставках нефти на экспорт.

В то же время, даже на территории РСФСР нефтепроводное хозяйство не является единым. Ряд нефтедобывающих организаций (Ухтинский комбинат, объединение «Сахалиннефть», промысловое управление «Ишимбайнефть» в Башкирии, некоторые промысловые управления в Грозном и Дагестане) осуществляет поставку нефти на перерабатывающие заводы без посредничества сбытовых организаций, по собственной системе магистральных нефтепроводов. Так, в ведении Министерства нефтедобывающей промышленности СССР находятся около 4 тыс. км магистральных нефтепроводов, 7 тыс. км подводящих трубопроводов большого диаметра и более 100 тыс. км нефтесборных трубопроводов.

Ряд нефтепроводов в стране («Дружба», Шаим — Тюмень, Гнединцы — Кременчуг) эксплуатируется Министерством газовой промышленности.

По планам капитальных вложений этого Министерства ведется строительство нефтепроводов Усть-Балык — Омск, Баку — Батуми и некоторых других.

Следовательно, планированием, проектированием, строительством и эксплуатацией объектов транспорта и хранения нефти в настоящее время занимаются многие ведомства и организации союзного и союзно-республиканского значения. Практика показывает, что сохранение существующего положения с транспортом нефти далее нетерпимо и нанесет еще больший ущерб последующему развитию нефтяной промышленности страны.

Вопросы внешнего транспорта нефти решаются несвоевременно, при проектировании и планировании строительства допускаются серьезные просчеты и ошибки. Так, нефтепровод Шаим — Тюмень построен на завышенную производительность и длительное время не будет загружен. Серьезной и обоснованной критике подвергается выбор направления и трассы нефтепровода Усть-Балык — Омск. До сих пор не решен вопрос о строительстве магистрального нефтепровода из Ухты, в результате чего приостановлен рост нефтедобычи в этом районе. С большим опозданием был решен вопрос о проектировании и строительстве нефтепровода Мангышлак — Гурьев — Волгоград. Его проект еще не готов, строительство не начато, что сдерживает развитие этого весьма перспективного района.

Серьезные трудности создались с вывозом нефти на Северном Кавказе (в районах Грозного, Ставрополя, Дагестана), в Башкирии и Пермской области.

Сложившаяся обстановка потребовала вмешательства Совета Министров СССР и принятия экстренных мер, так как уже в 1967 — 1968 годах не обеспечивается вывоз из этих районов 6 — 8 млн. тонн нефти.

Приведенные примеры убедительно показывают, что вопросы добычи и транспорта нефти неотделимы друг от друга и должны решаться в едином комплексе, так как малейшие перебои в транспортировке приводят к снижению добычи нефти, а иногда и к полной остановке промыслов (на протяжении последних лет такие случаи происходили неоднократно).

Своевременное и экономически обоснованное решение транспортировки нефти возможно только при глубоком знании геологоразведочных данных, запасов и добывных возможностей отдельных месторождений, перспектив и темпов развития нефтедобывающих районов. При этом в полной мере должно учитываться развитие и размещение нефтеперерабатывающих мощностей.

Такими данными располагает и более всех заинтересовано в правильном и своевременном решении вопросов транспортировки нефти Министерство нефтедобывающей промышленности СССР, целиком отвечающее за развитие этой отрасли.

Отсюда очевидно, что весь комплекс вопросов, связанных с проектированием, планированием строительства и эксплуатацией средств транспортировки нефти, соответствующие объекты (эстакады и причалы для налива нефти, резервуарные парки, насосные станции, трубопроводы, средства связи), а также проектные организации должны быть сосредоточены в системе нефтедобывающей промышленности.

Против такого решения обычно выдвигаются следующие возражения:

1. Необходимость сохранения сложившихся комплексных хозяйств, занимающихся как транспортом нефти и нефтепродуктов, так и сбытом нефтепродуктов в РСФСР и Туркмении.

2. Трудности выделения из нефтесбытовых организаций магистральных нефтепроводов, так как в отдельных случаях совпадают трассы и объединены в одном хозяйстве нефтепроводы и продуктопроводы.

3. Возможность одностороннего решения транспортных вопросов, без должного учета интересов нефтеперерабатывающей промышленности.

Все эти доводы несостоятельны.

Во-первых, в условиях, когда развитие каждого нефтяного района, а следовательно, и нефтедобывающей промышленности в целом, тесно связано с своевременным развитием трубопроводного транспорта, мы считаем менее важным стремление сохранить в одной системе сбытовые организации и трубопроводный транспорт, разные как по своему назначению, так и по структуре, и более важным объединить хозяйство нефтепроводного транспорта и его развитие с нефтедобывающей отраслью.

Не вдаваясь в оценку принятого решения о разделении нефтяной промышленности на ряд отраслей (нефтедобыча, переработка, газ, геология), дальнейшее дробление и выделение из нефтедобывающей промышленности вопросов транспорта нефти нам представляется совершенно неправильным и наносящим вред делу.

Во-вторых, возможность выделения трубопроводного транспорта из системы нефтесбытовых организаций не вызывает ни сомнений, ни трудностей, так как и в настоящее время нефтепроводное хозяйство управляется обособленно. Что же касается продуктопроводов, то в общем объеме трубопроводного транспорта объем перекачки нефтепродуктов составляет лишь 9 % (за 1965 год перекачано 225.720 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов, в том числе 20.447 тыс. тонн нефтепродуктов). Трассы продуктопроводов и нефтепроводов совпадают лишь в направлении магистрали «Дружба» и на участке Уфа — Новосибирск, и вопрос кому эксплуатировать эти продуктопроводы должен занять подчиненное положение. Не вызовет возражений и передача продуктопроводов в систему Миннефтедобычи в составе всего трубопроводного хозяйства.

Наконец, интересы нефтеперерабатывающей промышленности в предлагаемой нами организационной форме найдут наилучшее решение, так как Министерства, добывающее и перерабатывающее нефть, в равной степени заинтересованы в бесперебойной, равномерной транспортировке сырой нефти. При этом будут развиваться и укрепляться прямые, без посредников, связи поставщиков сырья — нефтепромыслов — с потребителями сырья — нефтеперерабатывающими заводами и сложатся лучшие условия для поставки заводам нефтей надлежащего качества и сортности. Упрощаются расчеты между нефтепромысловыми управлениями и нефтеперерабатывающими заводами.

Непонятно стремление Госплана СССР найти любую другую организационную форму для руководства трубопроводным транспортом нефти в стране, кроме передачи этого хозяйства в ведение Министерства нефтедобывающей промышленности СССР, на которое можно возложить ответственность как за развитие нефтепроводного транспорта, так и за обеспечение заводов сырьем.

Государственный комитет Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению призван решать совершенно другие

задачи и возлагать на него ответственность за развитие нефтепроводной сети в стране было бы совершенно неправильно. Характерно, что ни у кого не возникает мысли об изъятии из ведения Министерства газовой промышленности сети газопроводов.

Вместе с тем, снабжение народного хозяйства нефтепродуктами является самостоятельной и очень ответственной задачей, поэтому централизация нефтесбытовых организаций в системе Госкомитета по материально-техническому снабжению нам представляется совершенно необходимой и неотложной. При этом в РСФСР, как и в других союзных республиках, необходимо иметь нефтесбытовые организации для обеспечения нужд республик в нефтепродуктах, находящиеся в подчинении союзных республик.

Исходя из изложенного, мы просим рассмотреть следующие предложения:

Выделить повсеместно нефтепроводный транспорт из системы нефтесбытовых организаций и Министерства газовой промышленности и передать в ведение Министерства нефтедобывающей промышленности СССР.

Создать в Министерстве нефтедобывающей промышленности СССР Главное управление по транспорту нефти на хозрасчете.

Централизовать снабжение народного хозяйства нефтепродуктами в Государственном комитете Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

п.п. В. Шашин
Верно: подпись

Нефтепроводный транспорт СССР 70-х годов XX века

(продолжение, начало в выпусках №№ 17, 19)

В.Е. Петров

В 60-х годах прошлого века политическое руководство страны стало обсуждать поиски более эффективного решения экономических задач народного хозяйства страны. Сначала робко, а потом все увереннее эти задачи стали обсуждаться и на местах, в производственных коллективах. Идеи о материальной заинтересованности работников в результатах своего труда и переводе предприятий на самоокупаемость и самофинансирование были не новы. Еще на заре Советской власти в 20-х годах В.И. Ленин рассматривал принципы хозяйственного расчета. Перед самой войной, формируя планы третьей пятилетки, Политбюро ЦК ВКП (б) обсуждало вопрос о введении хозрасчета в стране, а еще через 20 лет он вновь застрял в головах наиболее активных представителей государственного и партийного руководства.

В то время на предприятиях господствовали административные формы и методы управления, что часто сказывалось на экономической эффективности. Хрущевская «оттепель» дала возможность наиболее талантливым и профессионально подготовленным руководителям по-новому взглянуть и оценить принципы хозрасчета в обстановке, сложившейся в стране. Одним из первых крупных руководителей такой возможностью воспользовался Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Благодаря ему проблема перевода народного хозяйства страны на новые рельсы обрела реальные очертания и впоследствии стала именоваться «косыгинской реформой».

Трудовые коллективы на своих собраниях начали обсуждать принципы хозрасчета применительно к своим предприятиям. Они отмечали, что введение принципов хозяйственного расчета позволит наилучшим образом заинтересовать работников в конечном результате труда — получении прибыли.

В числе передовиков по внедрению хозяйственного расчета были и коллективы работников нефтяной промышленности — буровики, работники нефтедобычи и нефтепроводчики. Особенности внедрения принципов хозрасчета на предприятиях нефтепроводного транспорта рассмотрим ниже, после небольшого экскурса.

К концу 1960-х годов сложилось ситуация, когда вся добыча нефти в стране была в ведении Министерства нефтедобычи СССР. Транспортом нефти на нефтеперерабатывающие заводы занимались нефтепроводные управления (НПУ) Главнефтеснаба РСФСР, Мингазпрома СССР и совсем немного — Миннефтедобычи СССР.

В системе Главнефтеснаба РСФСР находились магистральные нефтепроводы Урало-Поволжского, Северо-Кавказского и частично Сибирского регионов, такие как: Калтасы — Чекмагуш, Салават — Орск, Покровка — Сызрань, Туймазы — Уфа, Бавлы — Куйбышев, Омск — Иркутск, Омск — Туймазы, Тихорецкая — Новороссийск, Крымская — Краснодар, Вознесенка — Грозный, Грозный — Махачкала и некоторые другие. Их общая протяженность составляла всего около 14 тыс. км.

Мингазпрому СССР принадлежали магистральные нефтепроводы Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского регионов: Шаим — Тюмень, Усть-Балык — Омск, Нижневартовск — Усть-Балык, а также участки нефтепровода «Дружба», проходящие по территории Белоруссии и Украины: Унеча — Мозырь, Унеча — Полоцк, Мозырь — Броды и Броды — Ужгород, всего — 5800 км.

В Миннефтедобычи СССР находились малозначительные нефтепроводы, которые в основном были сосредоточены на Кавказе и Средней Азии.

Разбросанность предприятий нефтепроводного транспорта по различным ведомствам отрицательно влияла на развитие единой системы снабжения нефтью нефтеперерабатывающих заводов страны. При этом решения о приеме, транспортировке и сдаче нефти на НПЗ зачастую буксовали из-за разбросанности предприятий трубопроводного транспорта по различным ведомствам. По инициативе В.Д. Шашина было подготовлено и передано в правительство предложение о передаче всех магистральных нефтепроводов в ведение его министерства (см. с. 103-108 настоящего издания).

5 февраля 1970 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 96 о передаче всех магистральных нефтепроводов в систему Министерства нефтедобывающей промышленности СССР, которое вскоре было переименовано в Министерство нефтяной промышленности.

В составе министерства было образовано Главное управление по транспортированию и поставкам нефти — «Главтранснефть». Оно должно было работать на новых принципах хозрасчета, т.е. самофинансирования и самоокупаемости. В стране впервые был образован главк, который стал заниматься вопросами проектирования, контроля строительства новых трубопроводов и эксплуатацией всех 23,5 тыс. км магистральных нефтепроводов страны.

До перехода магистральных нефтепроводов в состав Миннефтедобычи СССР все нефтепроводные управления были транспортными предприятиями, занимавшимися транспортом нефти, но только этим их функции не ограничивались. Заключая договора с нефтедобывающими объединениями на транспорт нефти из пункта «А» в пункт «Б», они были еще и грузополучателями, т.е. покупателями нефти.

Цена одной тонны нефти в различных районах нефтедобычи колебалась в широком спектре и зависела от затрат, которые несли нефтедобывающие предприятия данного региона. Добыча нефти в новых перспективных районах, например в Западной Сибири, обходилась с меньшими затратами по сравнению с южными районами страны, где добыча нефти была более сложной и сопровождалась значительными затратами. Поэтому цена нефти была установлена правительством по каждому нефтедобывающему предприятию с учетом затрат на добычу плюс процент на рентабельную работу предприятия.

Покупая от нефтегазодобывающих предприятий нефть, Главтранснефть должна была сдать ее на нефтеперерабатывающий завод также по установленной правительством единой цене, если не ошибаюсь, по 21 руб. за тонну сырой нефти. При этом цена нефти, установленная НПЗ, была так же достаточной, что бы иметь прибыль. Таким образом, установленные цены обеспечивали рентабельную работу предприятий нефтедобычи и нефтепереработки и соответствовали принципам хозрасчета.

Не трудно заметить, что одни нефтепроводные управления несли убытки от своей деятельности (там, где цена принимаемой тонны нефти была высокой, т.е. выше 21 руб. за тонну), другие (там, где цена тонны нефти была ниже) — получали прибыль. При этом прибыль, получаемая от одних нефтепроводных управлений, покрывала расходы других. Таким образом устанавливалось отраслевое равновесие.

Такое положение нефтепроводных управлений никоим образом не соответствовало принципам хозрасчета. Было решено, что вновь созданный главк министерства должен заниматься только транспортом нефти и получать за это прибыль, также как железнодорожные, речные и автомобильные транспортные предприятия, которые осуществляли перевозки по установленным правительством тарифам, исчисляемым в тонно-километрах. Чем больше перевозимый груз и расстояние его перевозки, тем выше оплата услуги, которая не зависела от перевозимого груза. И это было более чем обоснованным.

Но по устоявшейся традиции тарифов на перекачку нефти по магистральным нефтепроводам никогда не было. В условиях полного администрирования они попросту не требовались. Иначе обстояло дело в условиях хозрасчета, где основополагающим показателем работы конкретного предприятия должна являться работа, приносящая прибыль.

Так почему бы не ввести тарифы на транспортировку нефти по трубопроводам? И эта задача с момента образования главка стала одной из приоритетных.

Первым начальником Главтранснефти был назначен Анатолий Алексеевич Куликов — профессиональный специалист трубопроводного транспорта, закончивший перед войной Московский нефтяной институт, прошедший трудовой путь от заместителя начальника станции № 3 Гурьевской нефтепроводной конторы до руководителя уникальной в мире системы нефтепроводного транспорта страны, аналога которой не было и нет во всем мире.

Заместителем начальника главка был назначен бывший руководитель Управления трубопроводного транспорта Главнефтеснаба РСФСР Зяма Львович Конторович. До этого он с 1952 г. работал главным инженером — заместителем начальника, начальником Татарского НПУ в г. Бугульме. Ему было поручено заниматься вопросами

эксплуатации оборудования магистральных нефтепроводов, также техническим и механо-энергетическим отделами.

Заместителем начальника главка по поставкам нефти на НПЗ и экспорт был назначен бывший начальник отдела транспорта нефти Главного управления по добыче нефти в северо-восточных регионах Миннефтедобычи СССР Василий Петрович Ефремов. В 1950 г. он окончил нефтепромысловый механический факультет Московского нефтяного института по специальности инженер-механик по транспорту и хранению нефти и газа, работал главным инженером Уруссинской нефтебазы Башкирского НПУ. С 1952 по 1957 г. был на различных должностях в отделе трубопроводного транспорта Министерства нефтяной промышленности СССР и Главнефтеснабе РСФСР.

На должность заместителя начальника главка по вопросам капитального строительства был назначен Геннадий Александрович Константинов, работавший до этого главным инженером Управления магистральных нефтепроводов «Дружба». Геннадий Александрович начал свою трудовую деятельность на должности начальника паросилового цеха Улешовской нефтебазы. Работал в Иркутском товарно-транспортном управлении Главнефтеснаба РСФСР, а в 1962 г. был переведен в Львовское управление нефтепровода «Дружба», где проработал до 1970 г.

Начальником планово-финансового отдела — заместителем начальника главка был назначен Александр Михайлович Гусаров. Он в 1958 г. окончил Казанский финансово-экономический институт по специальности бухгалтерский учет, с 1964 г. работал начальником планово-экономического отдела Северо-Западного НПУ Главнефтеснаба РСФСР в г. Бугульме.

Структура центрального аппарата Главтранснефти состояла из 11 отделов.

Отдел эксплуатации магистральных нефтепроводов возглавлял Николай Генчирович Ким, который до этого работал главным технологом Главвостокнефтедобычи Миннефтедобычи СССР. Он окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. акад. И.М. Губкина (МИНХиГП), факультет разработки нефтяных и газовых месторождений по специальности горный инженер.

Отдел эксплуатации был укомплектован квалифицированными специалистами нефтепроводчиками из Управления трубопроводного транспорта Главнефтеснаба РСФСР — главным технологом Юрием Петровичем Карликовым, старшими инженерами Алевтиной Яковлевной Луговской, Валерией Яновной Юрыгиной, Тамарой Дмитриевной Дмитриевой и Любовью Сидоровной Филатовой. Не умаляя заслуг каждого работника отдела, хотелось бы отметить личный вклад Любови Сидоровны в создание технических паспортов всех насосных станций магистральных трубопроводов. В этих паспортах содержались данные по основному и вспомогательному технологическому оборудованию насосных станций, сведения об оборудовании резервуарных парков, а также фамилии руководителей НПС. Перед командировкой можно было предварительно ознакомиться с технической базой нужного объекта, чем я и пользовался в таких случаях.

Отдел эксплуатации был одним из основных отделов главка и по его работе во многом можно было оценивать работу всего коллектива Главтранснефти.

Отделом поставок нефти руководил Юрий Иванович Васильев, опытный специалист, окончивший МИНХ и ГП и проработавший в различных должностях на Московском заводе «Нефтегаз», в В/О «Союзнефтеэкспорт» и Главнефтеснабе РСФСР. Сложная каждодневная, оперативная работа по поставкам нефти на НПЗ и экспорт требовала от руководителя отдела незаурядных знаний, твердого руководства коллективом, умения быстро перестраиваться в часто меняющейся обстановке. Юрий Иванович обладал не только всеми этими качествами, но и поддержкой своего коллектива. А специалисты отдела практически полностью были приглашены из Управления поставок нефти и нефтепродуктов для экспорта Главнефтеснаба РСФСР. Это — главный технолог Виталий Пантелеймонович Бардык, старшие инженеры Тамара Анатольевна Лобова, Софья Леонардовна Горчак, Антуанетта Владимировна Деревенькина, инженеры Наталья Степановна Иванова и Татьяна Васильевна Демидова. Единственный специалист, принятый в отдел поставок не из Главнефтеснаба РСФСР, был заместитель начальника отдела Евгений Иванович Устинов, но он проработал в отделе недолго.

В отличие от отдела поставок, отдел перевозок нефти был укомплектован специалистами, ранее не работавшими в системе магистрального нефтепроводного транспорта. Это — начальник отдела Алексей Никитович Григорьев и старший инженер Евгений Семенович Суханов. Оба «паровозники», работавшие в системе Министерства путей сообщения. Михаил Григорьевич Черников служил капитаном в морфлоте, а Софья Александровна Мордвинова — «местная», из Миннефтедобычи СССР. Старшие инженеры Валентина Андреевна Заболоцкая, Валентина Антоновна Пескова и Лидия Николаевна Борисова также были из других организаций.

Надо отдать должное руководству главка и, в первую очередь, Василию Петровичу Ефремову за рациональный подбор специалистов отдела перевозок, так как система транспортировки нефти не ограничивалась только магистральными нефтепроводами. Осуществлялась транспортировка нефти железнодорожными маршрутами с перевалкой нефти с одного вида транспорта на другой с неизменными пунктами налива и слива нефти из цистерн. Транспортировалась нефть морским и речным путем. И эту работу выполняли квалифицированные специалисты, хорошо знавшие не только работу железнодорожного и водного транспорта, но и имевшие хорошие связи в соответствующих организациях.

При руководстве главка была сформирована канцелярия, которой руководила опытная Таиса Федоровна Тобольская, работавшая до этого старшим инспектором в Главном управлении по добыче нефти в северо-восточных районах Миннефтедобычи СССР. Обладая бесценным опытом работы с людьми, она сумела в короткий срок наладить качественную работу аппарата канцелярии, в первоначальный состав которой входили старшие инспекторы Людмила Ивановна Шапранова, Лидия Ивановна Высочина и секретари Татьяна Гвардиян и Марина Анисимова.

Как правило работниками канцелярии были молодые люди, большинство из них училось на вечернем отделении МИНХиГП. Защитив диплом, они переходили на инженерные должности в отделы главка и становились квалифицированными специалистами.

Период становления главка приходился на период бурного развития добычи нефти в стране и, особенно, в Западной Сибири. Про-

ектировались и строились новые магистральные нефтепроводы, резервуарные парки, сливные и наливные эстакады. Вспоминая тот период, ужасаешься от того потока входящих и исходящих писем, проектной документации и т.п., который захлестнул главк. Работы в канцелярии было невпроворот, и ее сотрудники были завалены почтовыми отправлениями, регистрациями, телефонными переговорами и другой работой. Таиса Федоровна строго, но без всякой злобы указывала на недостатки в работе и очень часто помогала не только советом, но и делом.

— Ну, что вы девочки совсем заснули? Посмотрите сколько еще работы! — часто говорила она.

И действительно, работы было много. На нее могли рассердиться, но не обижались, поскольку атмосфера общения начальника с подчиненными в коллективе напоминала отношения матери и повзрослевших детей. Забегая вперед, хочу отметить, что эти добрые отношения в коллективе канцелярии продолжались на протяжении последующих 20 лет работы Таисы Федоровны в главке.

Помимо канцелярии при руководстве главка числились помощник начальника по кадрам Виталий Александрович Сучков, который в скором времени возглавил отдел кадров, и Николай Иванович Бобин — старший экономист, выполнявший функции спецотдела.

Виталий Александрович Сучков сразу оказался на своем месте. Опыт работы с людьми, накопленный им в райкоме партии, как нельзя лучше пригодился ему на новом месте. Он был немногословен, внешне казался суровым и мало общительным. Его профессиональные способности по подбору кадров не вызывали сомнений у руководства Главтранснефти.

В работе под стать Виталию Александровичу была старший инженер отдела кадров Зоя Николаевна Золкина. Она была ответственной, исполнительной и также немногословной. В обычной обстановке Зоя Николаевна была общительной и простой с людьми, обладала прекрасной улыбкой, но всегда держала язык за зубами. От нее, например, никогда нельзя было выведать что-либо о новых назначениях или перемещениях по службе.

Отдел капитального строительства возглавлял Николай Александрович Ливкин, который до этого работал начальником Горьковского

районного нефтепроводного управления (РНУ) Северо-Западного НПУ в г. Кстово. Николай Александрович в 1952 г. окончил МИНХиГП по специальности инженер-механик по транспорту и хранению нефти и газа. После окончания института он успел поработать на многих объектах нефтепроводного транспорта — старшим инженером ОКС Бугурусланского РНУ, старшим инженером НПС «Вознесенская» Куйбышевского РНУ, занимал должность главного инженера дирекции при строительстве второй нитки магистрального нефтепровода Бавлы — Куйбышев.

Главным технологом ОКС был назначен Сергей Рафаилович Тер-Саркисянц. Должности старших инженеров занимали Тамара Андреевна Митницкая, Ксения Васильевна Родионова, переведенные из Главнефтеснаба, а также Людмила Григорьевна Зейгер, Клавдия Матвеевна Ищенко, Маргарита Александровна Кадочникова, Валерий Яковлевич Бурученков, а также инженеры Станислав Николаевич Орлов и Георгий Аванесович Гарушьянц.

По количеству работающих специалистов отдел капитального строительства был самым большим в Главтранснефти. И это понятно. В начале 70-х годов проектировалось, строилось и вводилось в эксплуатацию большое количество нефтепроводов.

Глядя на эти введенные в первой половине 70-х годов магистральные нефтепроводы, сегодняшние специалисты-нефтяники с трудом могут представить, какой объем работ по созданию единой системы магистральных нефтепроводов был сделан, какие ресурсы страны и усилия трудовых коллективов были задействованы в этом грандиозном деле. Время показало, что изыскания, строительство и ввод в эксплуатацию, проведенные в сжатые сроки в тяжелейших условиях Западной Сибири, были осуществлены на должном уровне и с хорошим качеством.

Технический отдел главка возглавлял Юрий Васильевич Крылов, выпускник МИНХиГП 1960 года по специальности инженер-механик по транспорту и хранению нефти и газа. Свою работу он начал с должности инженера и одновременно диспетчера по перекачке нефти. Пытливый ум заставил его заинтересоваться нештатными ситуациями, возникающими на трубопроводах и, особенно, на подводных переходах. Своими наблюдениями он поделился как-то с руководителем Управления трубопроводного транспорта Главнеф-

теснаба РСФСР, в котором он работал, З.Л. Конторовичем. По молодости Юрий Васильевич не знал, что инициатива почти всегда бывает наказуема.

— Ну, что ж, займитесь этими вопросами, — сказал Зяма Львович и предложил организовать работу по контролю за подводными переходами нефтепроводов через водные преграды, а за одно и водолазную службу.

Уже в скором времени Юрий Васильевич предложил новую технологию устранения аварий на подводных переходах с использованием кессона. Авария, случившаяся в 1963 г. на подводном переходе трубопровода Куйбышев — Брянск через Волгу была быстро устранена и показала перспективность нового метода. Вскоре Юрий Васильевич был назначен начальником отдела капитального ремонта.

Стремление к научно-исследовательской деятельности помогло Юрию Васильевичу стать аспирантом-заочником у профессора В.И. Черникина по теме, связанной с методикой расчета режимов магистральных нефтепроводов. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию по вопросам регулирования работы нефтепродуктопроводов при последовательной перекачке различных сред.

Возглавляя технический отдел, Юрий Васильевич особое внимание уделял финансированию работ по разработке новых механизмов и технологий при капитальном ремонте магистральных нефтепроводов. Он всячески поддерживал предложения К.Е. Ращепкина по созданию и внедрению высокопроизводительной технологии ведения капитального ремонта трубы с применением комплекса машин и механизмов по вскрытию трубопровода, очистке трубы от старой изоляции и нанесению нового изоляционного покрытия.

Главным технологом отдела была назначена Анна Яковлевна Буланкова, окончившая в 1953 г. МИНХиГП по специальности инженер-механик по транспорту и хранению нефти и газа. После окончания института работала на НПС «Субханкулово», «Бавлы», в Куйбышевском совнархозе и Миннефтедобычи СССР. В отделе Анна Яковлевна занималась вопросами подготовки проектной документации на строительство объектов нефтепроводного транспорта, согласованию технических заданий, отводом земель под строительство, выбором площадок и т.п.

Валентина Павловна Майорова работала старшим инженером отдела. Она окончила Уфимский нефтяной институт, после чего работала в объединении «Дальнефть», Башкирском и Средне-Волжском совнархозах, «Башнефти» и Миннефтедобычи СССР. В техническом отделе занималась вопросами финансирования институтов. После назначения в другой отдел Анны Яковлевны Валентина Павловна была назначена на должность главного технолога отдела.

Старший инженер отдела Клавдия Евтеевна Иванова курировала работу института «Гипротрубопровод», другой старший инженер Серафима Израилевна Теплицкая занималась вопросами рационализаторства и изобретательства, Валентина Васильевна Сигачева занималась вопросами научно-технической информации, а сферой моей деятельности были вопросы автоматизации и телемеханизации объектов магистральных нефтепроводов.

Инспектором технического отдела была Вера Михайловна Андропова. До назначения в технический отдел главка она работала секретарем у заместителя министра Шагена Сааковича Донгаряна. Вера Михайловна была хорошо подготовлена к работе в этой должности: великолепно печатала, хорошо знала делопроизводство и другие обязанности, иной раз, гоняла нас, работников отдела, как мышей, когда мы неправильно или не туда подшивали документы или делали что-то не так, как принято в нашем министерстве.

Вскоре после размещения сотрудников Главтранснефти на 2, 3 и 4-м этажах последнего подъезда здания министерства с самого утра в нашу комнату вошли три человека. Со всеми поздоровались, и один из них сказал:

— Как вы разместились, есть ли какие претензии, предложения?

Юрий Васильевич встал и сказал:

— Спасибо, Валентин Дмитриевич, все устроились хорошо.

Только тогда я понял, что сам министр пришел ознакомиться, как устроились его новые сотрудники. До этого момента я никогда не видел В.Д. Шашина и не знал его в лицо. При этой встрече я отметил его красивый, артистический голос, который напоминал голос артиста Качалова, спокойную манеру ведения разговора и то, что человек хорошо воспитан. Эти первоначальные выводы подтвердились позднее, когда Зяма Львович посылал меня на заседания коллегии

вместо себя. Впоследствии я не один раз убеждался насколько права русская пословица — «каков поп, таков и приход». В составе министерства работали такие же замечательные руководители, как и сам министр. Это — Валентин Николаевич Михайлов, Шаген Саакович Донгарян, Марко Аркадьевич Калпин, Михаил Богданович Назаретов, Анатолий Алексеевич Куликов, Зяма Львович Конторович, Василий Петрович Ефремов и многие другие.

Механо-энергетическим отделом руководил Аркадий Георгиевич Чернышев, окончивший в 1966 г. Московский энергетический институт по специальности инженер-теплотехник и работавший до этого начальником отдела энергетики в Управлении трубопроводного транспорта Главнефтеснаба РСФСР.

Главным энергетиком отдела был назначен Семен Семенович Дынин, окончивший в 1967 г. энергетический факультет Московского инженерно-экономического института им. Орджоникидзе по специальности инженер-энергетик.

Старшими инженерами отдела были Александр Михайлович Шокин и Алла Григорьевна Демичева, а также инженеры Вячеслав Степанович Кирьяков и Любовь Анатольевна Ласточкина.

Отделом труда и заработной платы руководил Григорий Карпович Бороденков. Он был квалифицированным специалистом и хорошим человеком, но остался в моей памяти по другой причине. Когда к нему приходили завизировать документ, а он был с чем-то не согласен, то, возвращая его обратно, говорил с волжским акцентом, ударяя на «о»: «Не положено». На должности старших инженеров отдела работали Татьяна Михайловна Козырева и Николай Иванович Бовин, экономист Зоя Николаевна Орлова и инженер Вера Ивановна Фомина.

Отдел комплектации и материально-технического снабжения возглавлял Станислав Михайлович Бенецкий, работавший до этого заместителем начальника отдела комплектации оборудованием Главнефтеснаба РСФСР. В отделе работали старший инженер Людмила Васильевна Сидякина, инженеры Нина Георгиевна Аникина, Алла Григорьевна Дзегиленко и экономисты Валентина Ивановна Полякова и Светлана Викторовна Фролова. Некоторое время после образования главка в отделе работали старший инженер Александр Никитович

Мясников и экономист Валентина Андреевна Новикова, после их ухода в отдел пришли Виталий Евгеньевич Тиунов и Володя Балабайченко, тем самым разбавив женский коллектив отдела.

В отдел бухгалтерского учета и отчетности на должность главного бухгалтера был назначен Михаил Алексеевич Машкин, но он проработал на этой должности немного. На его место пришел другой специалист, но и он проработал недолго, в связи с чем, я даже не запомнил его фамилии.

Главтранснефть была хозрасчетной единицей министерства, и должность главного бухгалтера долго пустовать не могла. Шли поиски и руководство главком, наконец, подобрало нужного специалиста. Выбор пал на главного бухгалтера Всесоюзной конторы связи Управления эксплуатации производственной связи Главнефтеснаба РСФСР Ивана Тимофеевича Дюжикова. Третий выбор оказался удачным. Иван Тимофеевич проработал на должности начальника отдела — главного бухгалтера вплоть до ухода на пенсию в 1983 г.

Иван Тимофеевич был участником Великой Отечественной войны, на редкость простым и душевным человеком, хорошим специалистом и организатором. За короткий срок он сумел создать сплоченный, профессиональный коллектив, снискал к себе уважение работников территориальных управлений магистральными нефтепроводами.

Заместителем начальника отдела — заместителем главного бухгалтера была назначена Тамара Сергеевна Неруш. В отделе кроме нее еще работали два старших экономиста — Людмила Александровна Курганская и Зоя Михайловна Давыдова и старший бухгалтер Лариса Николаевна Ермакова. Серафима Савельевна Пугачева и Людмила Михайловна Тарханова работали бухгалтерами-ревизорами.

В договорно-юридическом отделе работали два специалиста: начальник отдела Нина Александровна Курапова и Мирра Ивановна Зюзина.

Задачи, стоявшие перед коллективом центрального аппарата Главтранснефти были поистине огромны.

Отмечая выше, что самым большим отделом главка был ОКС, следует отметить объем работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию объектов магистральных нефтепроводов, выполненный в первой половине 70-х годов. Это такие магистральные

нефтепроводы, как Усть-Балык – Нижневартовск, Усть-Балык – Курган – Уфа – Альметьевск (УБКУА), Анжеро-Судженск – Красноярск, Красноярск – Иркутск, Омск – Туймазы II, Александровское – Анжеро-Судженск. Общая протяженность их составляла около 5700 км. И это только в Западной Сибири.

Среди других нефтепроводов – Гурьев – Куйбышев, Горький – Рязань II, Куйбышев – Тихорецкая, Тихорецкая – Новороссийск, Уса – Ухта, Ухта – Ярославль, Куйбышев – Унеча II, Мичуринск – Кременчуг. И это только часть нефтепроводов, которые в настоящее время находятся на территории России.

Магистральные нефтепроводы, находившиеся в разных ведомствах, находились и на разном техническом уровне. На начальной стадии было необходимо произвести паспортизацию объектов, выработать единые требования к обеспечению для повышения их технического уровня.

Увеличивающаяся добыча нефти в Западной Сибири поставила перед специалистами нефтепроводного транспорта задачу по увеличению производительности нефтепроводов. Это можно было осуществить, увеличивая диаметр трубы. Стали проектировать и строить нефтепроводы большого диаметра 1020 – 1220 мм. Были даже предложения по увеличению диаметра трубопровода до полутора метров, но от этой затеи вскоре благоразумно отказались.

Для более мощных трубопроводов потребовались новые высокопроизводительные центробежные насосы, новые, более мощные электродвигатели, задвижки с электроприводом, резервуарные емкости до 30 тыс. куб. м с понтонами и газоуравнительной системой. Для надежной работы основного технологического оборудования и поддержания оптимального режима работы нефтепровода насосные станции, резервуарные парки и линейная часть стали оснащаться системами автоматики и телемеханики. На повестке стоял вопрос использования блочно-комплектных насосных станций.

Потребовалось не только новое оборудование, потребовался новый подход к технологическому процессу перекачки нефти по трубе. Стала применяться практика периодической опрессовки действующих трубопроводов, внедрялись новые технологии вытеснения воды, которая скапливалась в низких местах трассы, разрабатывались и внедрялись в практику

устройства для отсечения аварийного участка трубы, новая технология ремонта линейной части трубопровода без остановки перекачки нефти.

С созданием главка разработка тарифов по транспорту нефти по магистральным нефтепроводам была поручена коллективу института «НИИтранснефть». Непосредственными исполнителями работ стали сотрудники лаборатории под руководством Г.Ш. Кудоярова. Исследовательская часть и разработка самих тарифов была непростой, трудно проходили многочисленные согласования, но работа была успешно выполнена, а тарифы утверждены.

Новые тарифы на перекачку нефти позволили предприятиям нефтепроводного транспорта полностью работать на принципах хозрасчета.

Прошло чуть более полугода с момента образования Главтранснефти Миннефтепрома СССР. Постепенно налаживалась работа сотрудников отделов главка и подразделений министерства, работа с территориальными управлениями магистральными нефтепроводами, научно-исследовательскими институтами и опытно-конструкторскими бюро, вышестоящими ведомствами. Все шло своим налаженным чередом и ничего не предвещало каких-то непредвиденных ситуаций. Но, как говорят в народе, — лукавый не спал.

Заканчивалась подготовка к пуску и вводу в эксплуатацию магистрального нефтепровода Узень — Гурьев — Куйбышев, по которому должна была транспортироваться нефть с полуострова Мангышлак. Температура застывания этой нефти составляла плюс 32 градуса по Цельсию и по этой причине она должна была подогреваться на сооруженных вдоль трассы нефтепровода пунктах подогрева. Пуск был приурочен к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Мнения специалистов по пуску в эксплуатацию нефтепровода в преддверии зимних холодов разделились. Наиболее осторожные считали рискованным производить пусковые работы в осенний период холодов, не имея опыта в пуске трубопроводов, перекачивающих высокозастывающую нефть. Другие, основываясь на данных предварительных расчетов, придерживались иного мнения, считая возможным не откладывать пуск нефтепровода до летнего периода.

Тогда еще ни те, ни другие не знали того, что в период укладки трубопровода в траншею были допущены нарушения его изоляционного

покрытия, влияющие на температурный режим, что на горячих участках трубы после выхода нефти из пунктов подогрева могут происходить значительные оплывы изоляции труб. Никто на практике не знал, как может происходить перераспределение температуры по длине трубопровода при возможной остановке перекачки и многое другое.

Доводы оптимистов возобладали и незадолго до октябрьских праздников начались работы по пуску нефтепровода в эксплуатацию. В какой-то период времени закачка нефти в трубопровод прекратилась и появилась реальная возможность заморозить нефтепровод, т.е. полностью вывести его из строя.

Начались аварийные работы по вытеснению нефти из трубопровода в земляные амбары, подогрев ее и снова закачка в трубу. Эти многократные операции, в конце концов, увенчались успехом. Огромными усилиями таких специалистов, как А.И Семьянистов, В.В. Тихонов, А.А. Дергачев, Б.Г. Кочкин, В.П. Балдуев, А.И. Каширский, А.А. Куликов и других трубопровод удалось спасти. На аварию выезжал и министр В.Д. Шашин. Он на месте ознакомился с обстановкой и по возвращению в Москву наметил план по восстановлению перекачки по трубопроводу и выделению средств на оснащение «горячего» трубопровода импортными системами автоматизации и телемеханизации.

Для закупки этого оборудования и проведения переговоров с иностранными специалистами в министерстве была создана специальная группа. В ее состав входили: заместитель начальника Управления по комплектованию оборудованием Марко Аркадьевич Калпин, начальник отдела приборов, радиооборудования и средств автоматизации Петр Павлович Надтока, старший инженер отдела по импорту оборудования Управления внешних сношений Маргарита Алексеевна Аширова, начальник технического отдела Главтранснефти Юрий Васильевич Крылов и я; от Гипротрубопровода — начальник отдела автоматики и телемеханики Юлиан Марианович Дронговский. По мере необходимости в переговорах принимали участие специалисты других организаций.

Переговоры были нелегкими, ведь, чего греха таить, у наших специалистов не было серьезного опыта проведения таких встреч. Не-

обходимо было подготовить технические требования к закупаемому оборудованию, но и опыта эксплуатации «горячего» нефтепровода не было. Приходилось корректировать требования к закупаемому оборудованию, с чем-то соглашаться, что-то отвергать. В результате после долгих месяцев переговоров с иностранными специалистами Минвнешторг СССР подписал контракт на закупку необходимого оборудования.

А.А. Куликов (крайний справа) с группой специалистов в Австрии

Для ознакомления с этим оборудованием была организована группа специалистов во главе с начальником Главтрансфнефти Анатолием Алексеевичем Куликовым. Они должны были выехать в Австрию на заводы, а также на те объекты, где это оборудование работало. В состав группы вошли начальник Управления Приволжскими магистральными нефтепроводами Виктор Васильевич Тихонов и начальник отдела автоматики этого управления Василий Дмитриевич Харитонов, а также заместитель начальника Южного управления магистральными нефтепроводами Александр Александрович Дергачев.

После введения нефтепровода Узень — Гурьев — Куйбышев в эксплуатацию импортное оборудование было установлено на его насосных станциях, пунктах подогрева нефти и введено в эксплуатацию, что значительно улучшило условия эксплуатации и защиту при внештатных операциях. Дальнейшая работа этого оборудования в течение длительного времени показала хорошую надежность.

В те же годы были выделены средства на покупку оборудования насосных станций и резервуарных парков, которое не изготавливалось

отечественной промышленностью или его не хватало, например аппаратуру автоматики насосных станций и резервуарных парков решили закупить в Венгерской Народной Республике.

В 1972 г. после проведения технических переговоров на заводы в Будапешт была направлена группа специалистов для приема оборудования. В ее состав входили: руководитель — Марко Аркадьевич Калпин, а также начальник отдела автоматики и телемеханики Управления магистральных нефтепроводов «Дружба» Анатолий Данилович Дмитрук, руководитель группы Управления связи Юрий Васильевич Ливанов и я.

Я впервые выехал за границу и, безусловно, чувствовал большую ответственность. Предстояло испытать комплекс оборудования для оснащения насосных станций, в основном, для трубопроводов Западной Сибири. Испытания были проведены успешно, и оборудование стало поступать для монтажа на насосные станции.

Во время испытаний на заводе мне пришлось немного разочароваться в том, что я увидел в цехах завода. Рассказы о том, как все хорошо за границей, (ну, уж там-то!!!), которые я слышал от людей, посетивших зарубежные страны, дали мне немного искаженную картину. Оказалось, что станки на венгерском заводе не лучше чем наши ДИП-200, которыми были оснащены отечественные заводы. Полы в цехах земляные, промасленные и т.п. И мне это врезалось в память.

Рассказывая о командировке в ВНР, хочу упомянуть, что до этого времени я успел посетить несколько насосных станций нефтепроводов в Западной Сибири, на которых я раньше никогда не был по причине подчинения их другому ведомству — Мингазпрому СССР.

Очень хорошо помню, как впервые прилетел в Тюмень для ознакомления с состоянием строящихся объектов на магистральном нефтепроводе Усть-Балык — Омск. В тот же день познакомился с начальником Управления магистральных нефтепроводов Западной и Северо-Западной Сибири Михаилом Петровичем Савельевым. Поздоровались, и я спросил:

— А Виктор Савельев, что работает на НПС «Зольное» нефтепровода Зольное — Куйбышев не родственник ваш?

— Да, это мой брат,— ответил он.

Позднее, я узнал, что у Михаила Петровича есть еще один брат — Григорий, который работает в системе продуктопроводов. После короткой беседы мне запомнился этот скромный рассудительный человек, с которым в дальнейшем у меня установились хорошие отношения.

Подняв клубы песка и пыли, наш Ил-14 приземлился на песчаный сургутский аэродром. Первое, что меня поразило — Сургут не был похож на обычный город, но и деревней его тоже назвать было нельзя. Там впервые я увидел деревянные тротуары. Глубокое впечатление произвели на меня большие стаи собак, которые скорее и были хозяевами города, поскольку людей на улицах почти не было. Только по окраинам, почти в лесу, были расставлены, как бог на душу положит, строительные вагончики, окруженные натянутыми веревками с сохнущим бельем.

Спросив первого встречного, где находится дирекция по строительству нефтепроводов, я пошел по указанному направлению, ища глазами соответствующую вывеску.

Зайдя в помещение, я представился секретарю, которая сказала, что я могу пройти в кабинет начальника. «Виктор Александрович Волков — директор дирекции», — представился он. Эта фамилия и имя мне показались знакомыми, и я вспомнил, что он работал до этого директором института «Гипротрубопровод», что о нем хорошо отзывались сотрудники института, поскольку он имел способность находить работу и премии для коллектива.

Мы поговорили о цели моей поездки, транспорте на завтра, обсудили жизнь в этой глуши, поговорили еще о том, о сем. Вечером один из сотрудников дирекции, с которым я должен был работать по заданию, проводил меня к строительным вагончикам на ночлег.

Посетив несколько насосных станций, я с массой новых впечатлений и знакомств вернулся в Москву. Так закончилась моя первая поездка в Западную Сибирь. Но она была далеко не последняя.

(продолжение следует)

Вспоминая свою первую пятилетку (1955-1960 гг.)

А.Г. Стремский

А.Г. Стремский

50 лет спустя, вспоминая начало трудовой деятельности, вспоминаю друзей, своих товарищей, нашу жизнь в эти первые, незабываемые годы. Заканчивая школу в г. Астрахани, я думал о поступлении в Московский авиационный институт, но обстоятельства сложились так, что я поступил в Грозненский нефтяной институт, имея поверхностное представление о нефтяной промышленности. За время учебы в институте я узнал, что профессия нефтяника многогранна и интересна. Прибыв после окончания института в Сталинград в объединение «Сталинграднефть», встретил там своих сокурсников. Мы получили направление в Жирновское НПУ и отправились теплоходом по Волге до г. Камышина и оттуда попутной грузовой машиной — 150 км до села Жирновское, где базировалось НПУ. Приехали туда ночью, в общежитии свободных мест не было, и мы переночевали в подсобных помещениях. С утра отправились в НПУ оформляться на работу и устраиваться с жильем. Село Жирновское было расположено вдоль берега р. Медведицы, несколько выше по рельефу, рядом с сосновым бором находился поселок нефтяников — будущий город Жирновск. Поселок был небольшим, в основном сборно-щитовые бараки — общежития, административные здания, столовая, магазин, киноклуб, больница.

Строительство жилых домов и других зданий только еще начиналось. В 1955 году по направлению сюда прибыло много молодых специалистов из Грозного, Львова, Саратова, которые в первое время испытали трудности с жильем — в общежитиях свободных мест не было, уплотнялись по мере возможности, устраивались в нежилых помещениях. Семейные (их было немного) устраивались в домах у местных жителей.

Я был направлен на работу оператором в цех законтурного заводнения. Начальник участка Николай Панов, окончивший Грозненский институт на год раньше, встретил меня приветливо, познакомил с участком и коллективом, что очень помогло мне, когда через месяц он ушел в отпуск и я остался за него.

Вскоре я познакомился с Ильей Лещинцом, он работал нормировщиком на нефтепромысле, и мы вместе ездили на работу на вахтовой машине. Илья был общительным и интересным человеком. Из молодых специалистов его выделяло то, что только он имел экономическое образование, в те годы в основном стремились получить профессии буровика, «разработчика», геолога. В конце сентября улучшилось наше жилищное положение — для молодых специалистов выделили законченное строительством сборно-щитовое общежитие. Устроившись с жильем и освоившись на работе, мы уже готовились к встрече своего первого трудового Нового года. Эта встреча стала памятной. Перед самым Новым годом погода едва не испортила всем праздничное настроение. В последние дни был сильный снегопад, и 30-тикилометровую дорогу от Жирновска до железнодорожной станции Медведица, куда доставлялись из Сталинграда все грузы для нефтяников, замело сугробами. В магазин не смогли заранее завезти продовольственные товары. Только к ночи 31 декабря колона тракторов с прицепами и бульдозерами подошла к магазину, у которого собралось много людей. Встречать Новый год, кроме как в общежитии, было негде, и трое знакомых выпускниц Сталинградского мединститута предложили встретить праздник в поликлинике, которая была только что построена, но не укомплектована оборудованием и персоналом. Мы (нас было восемь человек) собрали все, что у кого было, и накрыли новогодний стол в самой большой комнате поликлиники. Из сосновых веток сделали елку. Встретили Новый год весело, завершили праздник днем 1 января в сосновом бору, сфотографировавшись на память. Для двоих из нас наступивший год стал знаменательным — Иван Рыбачек и Лилия, врач поликлиники, в ноябре стали молодоженами. В Жирновске это была первая свадьба выпускников 1955 — 1956 годов. Мне с нового года предстояло осваивать новую по профилю работу начальника тематической партии по подсчету запасов

Молодые специалисты 50-х. 1 января 1956 г.

нефти и газа и проектированию технологических схем разработки месторождений.

Тематическая партия была на хозрасчете, имела свой расчетный счет в банке и финансировалась из средств на геолого-разведочные работы. Наша работа требовала детального изучения литолого-физической характеристики каждого объекта разработки, что обусловливало необходимость сотрудничества с промыслово-географической партией. Во ВНИИнефти я прошел стажировку по новой методике технологии разработки нефтяных месторождений. Старшим геологом тематической партии была Мира Анисимова, дочь известного грозненского геолога Тилюпо. Он и ее муж Константин окончили институт на год раньше и работали в геологическом отделе НПУ на нефтепромысле. Мира была хорошим специалистом и помощником. Наша первая защита запасов нефти и газа в ГКЗ СССР и технологической схемы разработки в Миннефтепроме прошла успешно.

В Жирновское НПУ молодые специалисты приезжали ежегодно и в Жирновске сохранялись большие трудности с жильем, тем более, что молодые специалисты обзаводились семьями. Только в

середине 1957 года появились первые многоквартирные дома. Вначале двух-трех комнатные квартиры с отдельными комнатами выделялись соответственно на две и три семьи. В такой трехкомнатной квартире я жил со своими сокурсниками С. Харламовым и Л. Аветисовой. В последующие два года, с вводом новых домов, все «коммунальщики» получили отдельные квартиры.

В Жирновске формировался большой и дружный коллектив молодых специалистов. Этому способствовало то, что большинство специалистов были выпускниками Грозненского института и хорошо знали друг друга. Но и выпускники других институтов тоже были частью одного коллектива.

Выпускники с техническим образованием определенное время проходили стажировку на рабочих местах, затем назначались на инженерные должности. Уже в 1958 году на нефтепромыслах, участках бурения, цехах, ЦНИПРе, аппарате НПУ и конторы бурения инженерами работали молодые специалисты. Для многих это было началом карьерного роста.

Уже в 1959 – 1960 годах молодые специалисты работали на руководящих должностях: в НПУ – В. Закутский, В. Павлов, И. Булаткин, на Жирновском нефтепромысле – Р. Морозов, А. Смирнов, С. Черный, на Бахметьевском – я и мои сокурсники О. Виклейн и А. Яшнев, в бурении – С. Волонсевич, Ю. Ропяной, А. Бутин, В. Городецкий, Л. Багов, начальником СУ-4 – В. Сентюшкин.

В производственной деятельности царили требовательность, взаимопонимание и слаженность. Для всех была одна главная задача – наращивать добычу нефти, внедрять новую технику и новые технологии.

В бытовой жизни также преобладала коллективность. Дружили семьями, совместно проводили выходные дни и праздники. Местом отдыха были благоустроенный участок соснового бора с киноплощадкой и речка Медведица. С большим увлечением играли в настольный теннис, волейбол. Жирновская волейбольная команда, в основной состав которой входили К. Анисимов, Л. Багов, В. Городецкий, С. Волонсевич, В. Сентюшкин, была призером областных соревнований. Зимой были популярны лыжные прогулки (рельеф местности позволял разнообразить их) и катание на коньках на катке стадиона. Когда был построен Дом культуры, все праздничные мероприятия проводи-

Жирновские волейболисты

лись там. Была организована своя художественная самодеятельность — музыканты, певцы, танцоры и др.

Для меня эти пять лет стали судьбоносными, предопределив на последующие 30 лет профиль моей работы — разработка нефтяных месторождений и технология добычи нефти. И.И. Лещинец работал в Волгограде начальником планового отдела объединения, затем заместителем начальника Планово-экономического управления (ПЭУ) Нижне-Волжского совнархоза. Работая в совнархозе, он делал все возможное для развития нефтяной отрасли Нижнего Поволжья. Бывая в Волгограде в командировке, я встречался с ним, иногда в выходные дни ездили на островной волжский пляж. В 1965 году мы разъехались: он — в Москву в Миннефтепром, я — в г. Актау в объединение «Мангышлакнефть». Я и не предполагал, что буду еще работать с ним и под его руководством. Через 18 лет мы встретились снова. В 1983 году, когда я работал в Мингазпроме заместителем начальника отдела по добыче нефти и газа Главморнефтегаза, В.И. Грайфер предложил мне должность начальника отдела планово-экономического управления, объяснив, что нужен специалист с опытом разработки нефтяных месторождений. Илья Иванович был тогда секретарем парткома министерства. Я зашел к нему, встреча была

дружеской, вспоминали Жирновск, Сталинград — Волгоград, друзей. В 1985 году, когда В.И. Грайфер был назначен на должность заместителя Министра нефтяной промышленности — начальника Главтюменнефтегаза, И.И. Лещинец возглавил ПЭУ. Илья Иванович был требовательным, принципиальным руководителем, внимательным к людям и доброжелательным человеком. Проводя совещания с заместителями и начальниками отделов управления, он с вниманием относился к мнениям и предложениям присутствующих и учитывал их, принимая решение. Разработка годовых и пятилетних планов добычи нефти и предложения ПЭУ по ним требовали хорошего знания текущего состояния разработки нефтяных месторождений по нефтедобывающим объединениям. Поэтому необходимо было выезжать в некоторые объединения и там, непосредственно в НГДУ, по первичным материалам оценивать текущее положение и возможности по добыче нефти. Илья Иванович всегда содействовал таким командировкам. Он помог мне глубже вникнуть в экономику, направлял на Высшие экономические курсы при Госплане СССР. Работая заместителем Министра нефтяной промышленности, первым вице-президентом корпорации «Роснефтегаз», вице-президентом ГП «Роснефть», вице-президентом ОАО «НК «Роснефть», Илья Иванович многое сделал для нефтедобывающей отрасли в этот сложный период. Последние годы ему нелегко было работать — он глубоко переживал потерю внучки, потом жены; в эти трудные для жизни годы на его обеспечении была вся семья, и уже сдавало здоровье. Он никогда не говорил об этом, полностью отдаваясь работе. Он вышел на пенсию в 2000 году. 14 ноября 2002 года Илья Иванович неожиданно ушел из жизни. В это время меня не было в Москве. Вернувшись, я испытывал чувство глубокой горечи, от того что Илья Иванович умер, и оттого, что не смог быть на прощании с ним. Илья Иванович был одним из самых высококвалифицированных экономистов, он внес большой вклад в усовершенствование планирования нефтяного производства. Его высокий профессионализм и человеческие качества снискали ему заслуженный авторитет и глубокое уважение всего коллектива отрасли. Он всегда будет жить в памяти всех, кто знал его и работал с ним.

Буровик и геофизик (к 90-летию со дня рождения Т.Ф. Рустамбекова)

Л.Г. Аристакесян

Как-то не так все в этом мире устроено?! Мы знаем, что каждому живому началу неизбежно, рано или поздно, наступит конец. Уходящий из жизни до последнего борется за продление своего существования, а уйдя в иной мир — оставляет осиротевших родных, близких, друзей и коллег. Он уходит, оставаясь в памяти, и освобождает место новой жизни и новой надежде на светлое будущее.

Буровик и геофизик. Т.Ф. Рустамбеков (слева) и Л.Г. Аристакесян

В конце октября 2007 года от нас ушел Тофик Фатуллаевич Рустамбеков. Он родился 4 декабря далекого 1918 года и чуть-чуть не дожил до своего 90-летия.

Я не отношусь к числу его друзей, с кем ему пришлось «съесть ни один пуд соли» при вскрытии нефтяных горизонтов его любимым турбинным способом бурения. Мы познакомились много позже того, как он прославил отечественную школу бурения и заработал репутацию настоящего профессионала, талантливого организатора и руководителя. О его карьерном росте, наградах, научно-производственной деятельности, семье и детях будет обязательно написано. Я хочу поделиться воспоминаниями о том, как встретились и не разошлись два горных инженера — буровик и геофизик.

Шел 1976-й год. В это время я возглавлял трест «Волгоградгеофизика», в котором работал с 1955 года. Перед трестом

стояло несколько основных задач, в том числе проведение геологоразведочных работ, в основном сейсмическими методами, и подготовка под разведочное бурение перспективных на нефть и газ структур; полный комплекс геофизических исследований в скважинах и другие полевые и скважинные работы, включающие попутные поиски и геофизический контроль за разработкой месторождений.

Как следует из основных задач, геофизические службы созданы для повышения геолого-экономической эффективности поисковых работ. Нашими заказчиками были геологические службы нефтяных объединений, а мы, геофизики, были подрядчиками и очень плотно сотрудничали с управлениями буровых работ наших заказчиков, поскольку имели одну цель — открытие новых месторождений нефти и газа. Недаром среди моих коллег и друзей много геологов, буровиков и ученых-нефтяников Волгоградского Поволжья: А.А. Новиков, Т.Д. Дзугкоев, Л.С. Багов, К.П. Анисимов, Ю.С. Ропяной, Н. Усачев, Г. Джавашвили, В.С. Закутский, Ф.И. Шейкин, М. Беккер, В.З. Митрофанов и многие другие.

И так шел 1976-й год. Нас, группу работников ИТ-геофизиков, пригласили в конференц-зал объединения «Нижневолжскнефть» для вручения государственных наград по итогам прошедшей пятилетки (1971 — 1975 гг.). Награждали передовиков всех предприятий нефтяной отрасли Волгоградского региона. От имени Президиума Верховного Совета СССР выступала секретарь облисполкома, а Миннефтепром СССР представлял уполномоченный министра — главный инженер, первый заместитель Главбурнефти Тофик Фатуллаевич Рустамбеков. Он мне и начальнику Волгоградского УБР Т.Д. Дзугкоеву вручил первые наши ордена «Знак Почета». Так состоялось наше знакомство.

На следующий день руководство буровых предприятий и геофизического треста были приглашены Т.Ф. Рустамбековым на совещание по проблемам разбуривания уникального месторождения Тенгиз в Западном Казахстане. Бурение вело специально созданное объединение «Прикаспийбурнефть», в первую очередь силами Волгоградского УБР (Т.Д. Дзугкоев, Л.С. Багов). Горное давление на забое доходило до 1,5 тыс. атмосфер, а содержание сероводородного газа в добываемой нефти — до 25 %. Это создавало тех-

За трибуной начальник треста «Волгограднефтегеофизика» Л.Г. Аристакесян. Крайний справа Т.Ф. Рустамбеков

нологические трудности и большую опасность для здоровья рабочих. Позже, в 1985 – 1986 гг., мне пришлось работать при штабе по ликвидации открытого фонтана на скв. 37-Тенгиз, и я полностью познал последствия этих тяжелых условий, которые героически преодолели грозненский и полтавский отряды горноспасателей. Тогда погиб горноспасатель Бондаренко.

Помимо специфических буровых проблем Тофик Фатуллаевич подробно интересовался геофизическим обеспечением скважин (видами каротажа, геолого-технологическими кабинами, в том числе французской «Геосервис») и т.д. Не обошел вниманием вопросы вахтовых перевозок, проживания и качества общественного питания на каждой буровой.

Я долго и эмоционально докладывал Рустамбекову, доказывая возможности нашей новой техники, выделенной Главнефтегеофизикой (Н.А. Савостьянов). Тофик Фатуллаевич внимательно меня слушал, что-то записывал и, не до конца поверив в наши возможности, выразил желание на следующий день посетить трест и его подразделения. Я был приятно удивлен его интересом к геофизическим методам и их роли в качественном и безаварийном процессе глубокого бурения.

Пообщавшись всего один день с Тофиком Фатуллаевичем, я влюбился в этого искреннего, даже слегка наивного, интеллигентного человека. Его сладкий акцент не отталкивал, а притягивал собеседника, тем более что Рустамбеков владел искусством убеждения — грамотного, профессионального, аргументированного, а не волевого и грубого.

Вечером начальник Волгоградского УБР Т.Д. Дзугкоев пригласил Тофика Фатуллаевича и меня поужинать и прогуляться перед сном по набережной. Я получил возможность узнать нашего гостя в неофициальной обстановке. Оказалось, что он очень любит свою жену, которую называл «Зарочка», и дочерей — Эльвиру и Наиду. Весь вечер он говорил о своих любимых женщинах. Здесь по-новому проявилась его манера ведения разговоров. Говорил он, не утомляя собеседника, всегда с юмором. Мы многое узнали о его биографии, которую он разбил на периоды — азербайджанский, пермский, татарский или московский. Каждый период, насыщенный важными, а порой и тяжелыми событиями, он сопровождал какими-нибудь интересными, порой смешными эпизодами. Оказалось, что сразу после окончания института он связал себя с проблемами турбинного бурения и турбобурами: сначала в Баку, затем в Краснокамске, в Татарии, где приобрел настоящих друзей. Он не хвалился ни должностями, ни званиями, хотя, как я узнал совсем недавно, был заместителем Министра нефтяной промышленности Азербайджана. Зато о родных и близких мог говорить вечно. Помимо жены и дочерей он очень тепло, с любовью рассказывал о Шашине, Байбакове, Филановском, Грайфере.

После ужина мы, как и планировали, прогулялись по Аллее Героев и набережной, где-то выпили кофе с коньяком, и все время говорили. Проводив Тофика Фатуллаевича в гостиницу, мы с Татаркманом Дзугкоевым (по-русски его окрестили Анатолием Даниловичем) вернулись домой. Жили мы в одном доме. В этом же доме жил и Юрий Сергеевич Ропяной, также буровик, заместитель начальника «Нижневолжскнефти», затем начальник Главбурнефти и член коллегии Миннефтепрома СССР.

К сожалению, ни Дзугкоева, ни Ропяного, ни Рустамбекова уже нет с нами. Светлую память о вас, мои дорогие друзья, я свято

храню. Бывая в Волгограде, обязательно вместе с Мишей Беккером мы бываем на могиле Т.Д. Дзугкоева и возлагаем цветы к подножию его памятника.

Наутро мы с Дзугкоевым заехали за Тофиком Фатуллаевичем, позавтракали и поехали к нам, в трест «Волгограднефтегеофизика». Сегодня это успешное ОАО «Волгограднефтегеофизика» во главе с В.Р. Волковым и В.В. Лаптевым. Я горд за свое предприятие, в котором прошел путь от техника до руководителя, добился заметных успехов и много лет удерживал его в числе передовых в районе, городе, области, отрасли и стране. Я горд за сегодняшних лидеров, которые не дали погибнуть тресту, прошли сложный и трудный путь самофинансирования, самоокупаемости и выжили в самые кризисные годы крушения экономики государства. Спасибо им!

Итак, мы осмотрели наше здание, конференц-зал на 700 мест, современный вычислительный центр. У меня в кабинете рассказали о задачах треста, показали геологические разрезы и карты, построенные с учетом данных геофизических исследований скважин, поговорили о перспективах, связанных с картированием подсолевых горизонтов на больших (7 – 10 км) глубинах в зоне Прикаспийской впадины, на которые бурение еще было не готово выходить.

После любимого Тофиком Фатуллаевичем чая мы посетили промыслово-геофизическую базу, где разместились Петровская ПГЭ, экспедиция по испытанию пластов на бурильных трубах, экспедиция геолого-технологического контроля бурения и Центральная партия интерпретации геофизических исследований скважин. Нашему гостю все понравилось, особенно профессиональные ответы на его вопросы. Он особо отметил начальника Центральной партии интерпретации ГИС Елену Жукову, талантливого геофизика и обаятельную женщину.

В конце нашей прогулки Тофик Фатуллаевич захотел еще раз переговорить с Геннадием Шуроновым о пластовых испытаниях. Особенно он хотел убедиться в нашем умении после воздействия на призабойную зону получать кривую восстановления пластового давления. Уходя от Шуронова, я заинтересовался стоящим на полке портретом Эйнштейна, выдолбленном на толстой доске. Геннадий

был приятно поражен моим любопытством и познаниями. «Как только не называли мое произведение?! В лучшем случае — Шолоховым», — возмущался Шуронов. В благодарность он подарил мне этот портрет, который и сегодня напоминает мне о приезде Т.Ф. Рустамбекова и нашем знакомстве.

Во второй половине дня я обсудил с Тофиком Фатуллаевичем одну серьезную проблему. Буровые организации не всегда правильно подходили к процедуре геофизического исследования разведочных скважин. Геофизикам не всегда удавалось проводить полный промежуточный и окончательный каротаж, предусмотренный проектом строительства скважины и договором между геофизиками и буровиками; не всегда соблюдался регламент исследований, скважины плохо подготавливались к исследованиям, в результате кабели с приборами часто обрывались, что приводило к длительным процедурам ловильных работ. Это объяснялось тем, что буровики-сдельщики получали свою зарплату в зависимости от проходки скважины, поэтому любая остановка бурения, будь-то ловильные работ или каротаж, для них была одинаково невыгодна. Буровой мастер, Герой соцтруда Голубев, который по два часа проводил за изучением результатов исследования скважины, — редкое исключение. Типичная психология буровиков поддерживалась на самом верху. Я вспоминаю, как на одном из заседаний партхозактива в Уфе министр Н.А. Мальцев на замечание М.Б. Кадисова о холостых выездах каротажных партий по вине буровиков буквально взорвался: «Не трогать бурение, не сметь жаловаться! Проходка — это главное, всем остальным — подстраиваться!» Я не представляю, что было бы на 37-й скважине Тенгиза, если бы там бурило не Волгоградское УБР, а кто-нибудь другой.

Тем временем командировка Т.Ф. Рустамбекова заканчивалась, но только в Волгограде. На следующий день ему нужно было ехать куда-то еще. Вечером к концу дня мы собрались в кабинете генерального директора объединения «Нижневолжснефть» Ф.И. Шейкина, подвели итоги, услышали впечатления, замечания и пожелания Тофика Фатуллаевича. С учетом хорошей погоды и длинного летнего дня решили поужинать на дачах Ф.И. Шейкина и Т.Д. Дзугкоева, которые имели смежные участки на берегу Волги

ниже платины Волжской ГЭС. Вечер на лоне природы прошел хорошо. Теплой обстановке во многом способствовал наш гость, в поведении которого не было ни позерства, ни снобизма. Он располагал к доверительным беседам, искрил тонким кавказским юмором и окончательно влюбил в себя меня и Дзугкоева, который знал его и раньше.

С тех пор прошло четыре года. Наши встречи в Москве или других городах имели кратковременный характер. Единственным местом нашего общения были гостиницы.

Тофик Фатуллаевич вместе с женой Зарой Казамбиевной неожиданно приехал в Волгоград в самом начале августа 1980 года. Случилось большое горе — в Волгограде умер родной брат Зары Эдуард Гаитов. Мы с Дзугкоевым с самого начала приняли участие в организации похорон и неотступно опекали чету Рустамбековых, заботясь об их проживании, питании и самочувствии. Это горе еще больше сблизило нас.

В ноябре 1980 году я возвращался из Германии и на встрече с начальником Главнефтегеофизики Н.А. Савостьяновым получил официальное предложение стать его замом вместо М.Б. Кадисова, уходящего на пенсию. Кандидатур, как выяснилось, было несколько: Э.П. Халабурда из Татарии, Р.М. Нургалеев из Белоруссии, В.П. Григолюнас из аппарата главка и я из Волгограда. Не знаю, как развивались события с первыми кандидатурами, но Николай Андреевич сообщил мне, что моя кандидатура предварительно уже согласована с министром Мальцевым, который поручил своему заму Г.С. Попову провести со мной собеседование. В этот же день (поскольку я был проездом и вечером вылетал в Волгоград) перед обедом мы с Николаем Андреевичем пошли на прием к Попову. Он нас принял суховато, но доброжелательно. Задал мне несколько вопросов в том числе: «Какие у меня взаимоотношения с партийными и советскими органами?» В конце беседы Геннадий Степанович сказал мне, что мне предстоит командировка с Н.А. Савостьяновым в Западную Сибирь и, если я не испугаюсь объемов работ и масштабных задач, то меня переведут в центральный аппарат Миннефтепрома. Я в свою очередь поблагодарил за доверие и обещал окончательное согласие дать после совета с семьей. На том и рас-

стались, а я поднялся на четвертый этаж к буровикам, где хотел посоветоваться с Т.Ф. Рустамбековым и Ю.С. Ропяным. Тофик Фатуллаевич был искренне рад моему возможному переводу в Москву, а Юрий Сергеевич предостерег, что совещания, заседания, слушания, коллегии, парткомы, народные контроли и пр. пр. не дадут работать, завалят бумагами, постановлениями, письмами и т.д. В общем он был настроен скептически.

В этом же году мы с Н.А. Савостьяновым побывали в Тюмени, Нижневартовске, Сургуте и Нефтеюганске. Меня познакомили с руководством Западно-Сибирского геофизического управления и геофизических трестов. Условия работы и объемы меня не испугали, но я еще колебался, так как Сталинград – Волгоград считал своей второй родиной, имел любимую работу, общественное признание, были и другие причины, которые определяют моральное состояние и материальное существование. Но время шло, а семья моя не приходила к единому согласию на переезд в Москву. Жена и дочь были «за переезд», а мы с сыном – «против». Так незаметно наступил 1982-й год.

В январе перед подписанием приказа о моем назначении заместителем начальника Главнефтегеофизики Н.А. Мальцев спросил Н.А. Савостьянова: «Скажи честно, кто тащит этого армянина в Москву?» Николай Андреевич ответил, что никто иной как он сам заинтересован в переезде Л.Г. Аристакесяна в главк, потому что трест «Волгограднефтегеофизика» является одним из лучших в отрасли. А что касается «армянина», то Аристакесян родился в Хабаровском крае и с 1955 года трудится в Волгограде, где и вырос до руководителя треста. Услышав это, Мальцев в свой личный блокнот записал «Аристакесян – Хабаровск» и подписал приказ. К слову, у меня лично были очень хорошие деловые отношения с Н.А. Мальцевым. В 1977 году он помог нам начать строительство второй очереди производственно-лабораторного корпуса в Волгограде. Мы с ним лично по этому поводу общались в Уфе и Москве. Мы вели доверительные разговоры и при его посещении Центральной геофизической экспедиции. Последний раз мы с ним тепло общались на борту комфортабельного лайнера, перевозившего нас (нефтяников и газовиков) в Аргентину на XIII Мировой конгресс.

Тофик Фатуллаевич принял меня с радостью. Он сразу стал загружать меня проблемами КИП и автоматики для бурения, в частности проблемами обеспеченности датчиками момента скручивания ротора, нагрузки на крюке и забое, числа оборотов ротора, натяжки троса, веса инструмента и т.д. Мы стали единомышленниками в вопросе закупки французских кабин «Геосервис» для геолого-технологического контроля бурения, изготовления отечественных кабин в Саратове и Уфе. Вообще с «Главбуром» я стал тесно работать с первого дня.

Но помимо производства на меня от М.Б. Кадисова перешли функции куратора вопросов капитального строительства. Правда, было обещано, что это временно. В ГУКСе уже не было В.Ю. Филановского, но зато был замечательный человек Джамаль Теймурович Алиев, который очень сильно мне помогал по заданию В.Ю Филановского, работавшего в Госплане СССР, в строительстве первого производственно-лабораторного корпуса в Волгограде.

Т.Ф. Рустамбеков и Д.Т. Алиев во многом помогли мне адаптироваться в специфических условиях аппарата министерства. Меня хорошо приняли и стали помогать мои земляки Ю.С. Ропяной и И.И. Лишенец, Ш.С. Донгарян, Н.Н. Шкурин и другие. Первый заместитель В.И. Игревский сразу меня предупредил, что будет работать со мной напрямую по всем вопросам, в первую очередь связанным с бурением.

Прошло полгода, я давно стал «вхож» во все большие и маленькие кабинеты министерства, Госплана, Госснаба, Минпромстроя Белоруссии и т.д. Работал с удовольствием и много, не давал повода для претензий ко мне, как вдруг, в августе 1982 года, в понедельник утром, вызвал меня первый заместитель министра В.И. Игревский и с порога обрушил на меня свой гнев по поводу того, что они с Т.Ф. Рустамбековым не могли найти меня в воскресенье, так как у меня не оказалось домашнего телефона, а адреса моего спросить было не у кого. «Ты знаешь, что Тофик Фатуллаевич в прошлом заместителем министра был? Он старше тебя, но на первый звонок дежурного по министерству, т.е. мой звонок в выходной день, уже через час был здесь. А ты что, специально не ставишь телефон дома? Почему? Для легкой жизни?» Когда Валерий

Иванович успокоился и предложил мне сесть, я спросил, что случилось? Оказалось на буровой, принадлежащей одному из предприятий министерства в Астраханской области, случилась авария (прихват инструмента). Попросили прислать опытную перфораторную партию из Волгограда. «Т.Ф. Рустамбеков в курсе, идите занимайтесь, если уже не поздно?!» И тут же: «Ленарг Георгиевич! Почему до сих пор Вы без телефона?» Я объяснил, что помимо моих заявлений написано три письма: два за подписью Ш.С. Донгаряна и одно — за подписью Н.А. Мальцева. Ответы одинаковые: новый микрорайон не телефонизирован, не построена АТС. Л.Г. Аристакесяну установят телефон в первую очередь после участников войны и инвалидов I и II групп. Я сходил в свой кабинет и принес В.И. Игревскому всю переписку по поводу домашнего телефона.

И случилось чудо! Нет, действительно, худа без добра. Прочитав мою переписку, Валерий Иванович изрек: «Не к тому обращались!» (Письма на имя министра и заместителя министра связи). Тут же снимает трубку и кому-то звонит с просьбой (в товарищеском тоне) об установке мне телефона, продиктовав мои домашние координаты. Положив трубку, сказал мне: «Сейчас приедешь в Минсвязь, войдешь с бокового подъезда, там тебе выписан пропуск». В Минсвязи я пробыл всего 10 минут и как только вернулся к себе, через 30 минут позвонила моя жена уже с нашего домашнего телефона. Вот так! По этому поводу Тофик Фатуллаевич пошутил: «Жаль, что Игревский полгода не искал тебя? Уже давно был бы телефон».

Как-то мы разговаривали с Тофиком Фатулаевичем о житье-бытье, и он спросил, есть ли у меня дача. Я сказал нет, очень хочу иметь, а пока пользуюсь летом казенными. Он пригласил приехать к нему на дачу в садовом обществе «Нефтяник» под Загорском. В один из выходных дней я приехал к нему с двумя своими гостями — коллегами из Грузии. Нас хорошо приняли Зара Казамбиевна и Тофик Фатуллаевич. Потом нас познакомили с председателем дачного кооператива — симпатичной и энергичной женщиной. Она обещала похлопотать ... Потом я еще раз был на этих дачах. С коллегами по главку мы навещали своего бывшего шефа А.И. Богданова.

Шло время. Мы продолжали дружно работать с буровиками, геологами и у нас даже сформировался коллектив: А.А. Новиков,

Ю.С. Ропяной, Т.Ф. Рустамбеков, М.П. Мурадов и я. Иногда в таком составе мы снимали стресс после бурных коллегий. Обычно это происходило в гостинице «Россия» или в шашлычной на Пятницкой.

Наступило лето 1985-го года. На скв. № 37 Тенгизского месторождения (Западный Казахстан) произошел мощный открытый фонтан нефти с газовым конденсатом со смертельным содержанием (25%!) сероводорода. Был немедленно создан штаб по ликвидации аварии во главе с В.И. Игревским, министром тогда уже был В.А. Динков — Герой Социалистического Труда, до этого — Министр газовой промышленности.

Туда сразу был откомандирован в качестве главного ликвидатора аварии начальник Главбурнефти, член коллегии Ю.С. Ропяной. Он стал правой рукой и опорой начальника штаба — первого заместителя Министра нефтяной промышленности В.И. Игревского. Службы охраны труда и техники безопасности, горноспасатели из Грозного, Украины, Узбекистана и других районов были собраны на скв. № 37.

Когда В.И. Игревский вызвал меня, буровая и все вокруг нее сгорело, в том числе французская станция ГТК «Геосервис» с плотномером. Валерий Иванович поставил передо мной задачу: ствол бурящейся в пределах 800 метров скважины свести с аварийным в соляных отложениях на глубине 3600 метров. Сближение стволов должно быть не более 25 метров. Предполагалось перекрыть аварийный ствол с помощью атомного взрыва в солях. Это готов был выполнить «Средмаш», за заданное искривление ствола скважины отвечал ВНИИБТ.

Вокруг скважины стоял страшный гул. В 200 метрах от нее стоял танк и холостыми снарядами стрелял по устью. Я посоветовал стрелять заряженными снарядами, завести тротил с электродетонаторами, вызвать взрывников и т.д. В.И. Игревский прислушался к моим советам, и по его поручению я помог завести первые две машины тротила из воинской части Волгограда силами треста «Волгограднефтегеофизика».

Работы на скв. 37 было много, и она была опасной. Н.А. Савостьянов привлек к скв. №37 всю «науку», которая якобы прошла опытную апробацию: электрометрию (Векслер), шумометрию (Ларионов), магнитометрию (Уральский филиал АН СССР), инклинометрию в двух вариантах — с непрерывной записью из ВНИИпром-

геофизики (Уфа) и серийный ИК-4 плюс две поверочные установки (операторы Савостьянов из Нижневартовска (от В.Ю. Гарипова) и Леонидов из Уфы (от Н.К. Юнусова). Я со своей стороны добавил цифровую сейсмостанцию, скважинный сейсмограф СИС-49 и сейсмокаротажный зонд. В помощь пригласил В.Д. Щепина из треста «Волгограднефтегеофизика», в прошлом моего шефа.

Однако с научным обеспечением у нас не все ладилось. Израсходовав несколько десятков метров дорогостоящих бурильных труб из легированной стали на электрометрический зонд, мы ничего не добились. Пришлось отказаться от этого вида каротажа, а также и от шумометрии.

Надежно (на пределе возможности) отработали уральские магнитометры, а специалисты ВНИИБТ были обеспечены 100%-ными истинными данными о положении ствола скважины, благодаря правдивым инклинометрическим измерениям с поверками каждого прибора до и после каротажа. И я доказал, что при применении различных инклинометров — можно добиться точности в измерениях $\pm 1^{o}$!

Незаметно, за технологичными хлопотами, пролетело полгода. Вдруг В.И. Игревский дал мне команду собираться и 1 апреля в 9.00 утра быть у В.Ю. Филановского— вопрос на месте. К тому времени моя миссия на скважине подходила к концу.

Первый заместитель министра принял меня тепло, на «ты» и ошарашил новостью: «Ленарг! Министр В.А. Динков принял решение предложить тебе должность начальника управления «Нефтеавтоматика»! В это отстающее управление, о которое, как об тряпку, все вытирают ноги, ты должен привнести геофизическую культуру и резко активизировать работу аппарата».

Я наотрез отказался и просил Владимира Юрьевича замолвить за меня «словечко». На что мне было сказано, что если я так поведу себя у министра, то мне вообще в отрасли не работать, так как министру не принято отказывать в таких случаях! Однако защиту мне пообещал. Я зашел к Т.Ф. Рустамбекову и спросил, что делать. Он был рад нашей встрече, стал расспрашивать про Тенгиз, но был какой-то отрешенный. Когда я ему сообщил о предложении стать начальником Упрнефтеавтоматики, он оживился, стал уговаривать согласиться и даже пообещал поделиться средствами на на-

учно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в части контрольно-измерительных приборов и автоматики для бурения. На мой вопрос, в чем причина его плохого настроения, он ответил: «Стар я стал, устаю, пора уходить на пенсию». Это было 1 апреля 1986 года. Я вернулся на Тенгиз и за два месяца (апрель—май) утвердился во мнении, что меня оставили в покое с новым нежеланным назначением.

1 июня я вернулся в Москву, так как взрыв в скважине откладывался из-за неоднократного продления моратория, а уже 4 июня меня неожиданно вызвал Василий Александрович Динков. До этого я лично с ним не общался. Разыскал меня В.Ю. Филановский и еще раз напомнил, как мне себя вести. Состоялась беседа с министром и в тот же день собеседование в ЦК КПСС с заместителем заведующего отделом тяжелой промышленности Л.М. Кузнецовым. Через месяц — отчет у министра по результатам выполнения его первого задания по Татарии, Башкирии и Западной Сибири. События закрутились, как в карусели:

— пуск Тенгизского полностью автоматизированного нефтегазового комплекса;

— совместная коллегия с Минприбором СССР;

— научно-техническая концепция и комплексная программа автоматизации (совместно с Миприбором);

— целевые зарубежные командировки: в Венгрию с В.А. Динковым и Л.Д. Чуриловым, в США (включая Аляску) с В.Ю. Филановским, в Канаду со специалистами Минприбора и др.; в Польшу, Германию и т.д. (18 стран);

— преобразование управления в главк, при общем сокращении в министерстве, и расширение функций.

Это большая тема целой книги. Главное, все это время рядом был Человек, с которым всегда можно было откровенно поговорить, спросить совета, да и просто снять стресс с помощью рюмочки. Рядом всегда был Тофик Фатуллаевич, который переживал за меня, за мои успехи и промахи. У нас с ним был гимн нефтяников со словами знаменитого Рашида Бейбутова (мы пели):

Я тебя у этой вышки днем и ночью жду,
Я буравлю эту вышку, я тебя найду,

Я найду тебя повсюду, в темной глубине,
Под землею, под водою на Каспийском дне и т.д.

Наступила пора, когда Тофик Фатуллаевич стал серьезно готовиться к уходу на пенсию. Ему стало тяжело скрывать свой недуг — боли в двигательном аппарате, да и годы подталкивали к этому. Но он боялся безделья. Ему же всю жизнь не хватало прямых обязанностей, и он с удовольствием добросовестно вел большую общественную работу. Мы с ним были много лет вместе в Центральном Правлении НТО НГП им. акад. И.М. Губкина, где он возглавлял секцию бурения; сотрудничали в журнале «Нефтяное хозяйство» в качестве членов редколлегии и т.д. Уйдя на пенсию, он еще 6 лет трудился во ВНИИБТ, и это понятно, так как Тофик Фатуллаевич всю сознательную жизнь считал бурение наукоемким производством, занимался его компьютеризацией и автоматизацией, внедрял новую технику и новую систему планирования и экономического стимулирования и др.

В 1988 году Т.Ф. Рустамбеков ушел из министерства в науку, а в 1991 году не стало самого Миннефтепрома, и наука оказалась в тяжелых условиях самофинансирования и самовыживания.

Даже став 100%-ным неработающим пенсионером и попав в Совет ветеранов НК «Роснефти», Т.Ф. Рустамбеков и тут нашел широкое поле для деятельности, являясь последние 15 лет председателем Совета. Я считаю, что это новое открытие в человеке — Человека! Его сердобольности не было предела и нет примера.

Председатель Совета, Аксакал и Друг, Коллега с большим кругозором и желанием помочь близкому. Понять людей, как мог понимать их Тофик Фатуллаевич, — это от Бога! Он любил нас, любил общие чаепития и теплые застолья в узкой и широкой компаниях. Он любил говорить, как все кавказцы, немного длинно, но от души. Он успел нам сказать при жизни много добрых слов, которых, может быть, мы и не стоим, но сказать от души, сказать авансом — он спешил жить, он чувствовал, что не оставляющий его недуг настигнет его. Он уходил болеть, лежал в больницах и возвращался к нам. Для него Совет, его члены, актив уполномоченных стали родной средой, где он жил, любя всех без исключения: больных, капризных, хмурых и веселых. Он был оптимистом и до конца

хотел жить и верил в жизнь, верил, что вернется за рабочий стол, верил и тогда, когда ноги и сердце его перестали слушать. Он до конца своих дней шутил, отвечая на телефонный звонок фразой: «Узнаю с полоборота! Как ты сам, как дети, как супруга? Я нормально, в четверг поеду в Совет – уже заказал машину». Вот так юморил, особенно последний год.

Совет ветеранов, НК «Роснефть», семьи красавиц-дочерей, родные, близкие, друзья и коллеги делали все возможное, чтобы продлить жизнь Тофика Фатуллаевича и не ранить тяжело его верную и любимую жену Зару Касамбиевну.

В конце октября 2007 года он ушел от нас, и мы осиротели.

Пока будем жить – будем помнить.

Я потерял старшего друга и по-братски любимого. Больно ....

К 95-летию со дня рождения Виктора Ивановича Муравленко

Ш.С. Донгарян

В.И. Муравленко

Виктор Иванович Муравленко родился 25 декабря 1912 году и прожил неполные 65 лет.

Чем больше мы отдаляемся от эпохи Муравленко, тем величественнее представляется нам этот человек.

Нефтяником он стал в 18 лет, поступив мотористом в трест «Грознефтеразведка». Это было в начале индустриализации страны. В те годы старшее и подрастающее поколения стали понимать огромное значение высшего образования как для юношей и девушек, так и для страны в целом. Вероятно, поэтому уже в 1931 году Виктор

Муравленко поступил в Грозненский нефтяной институт, который окончил в 1936 году, как написано в его дипломе, «по специальности резко выраженного профиля инженера нефтяника по бурению нефтяных скважин». Его направили бурильщиком в Лок-Батанскую контору бурения «Азнефти». Вскоре Виктора Ивановича призвали в армию, а после службы он уехал в Куйбышевскую область, где работал начальником буровой, директором конторы бурения треста «Сызраньнефть». В 1940 году его перевели на Сахалин, где до 1946 года он работал директором конторы бурения треста «Сахалиннефть», начальником Армуданской нефтеразведки треста «Дальнефтеразведка», главным инженером этого треста, а затем начальником отдела добычи нефти и бурения Дальнефтекомбината.

После войны, в 1946 году, В.И. Муравленко вернулся в Куйбышевскую область и возглавил контору бурения треста «Ставропольнефть», а затем и весь трест. С 1950 года в течение 15 лет Виктор Иванович руководил всей нефтяной промышленностью Нижнего Поволжья: сначала в ранге начальника объединения «Куйбышевнефть», а позднее — начальника Управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза.

Под руководством В.И. Муравленко куйбышевские нефтяники устойчиво наращивали объемы добычи, бурения, капитального строительства, открывали и вводили в эксплуатацию новые нефтяные месторождения. В 1965 году объем добычи нефти вырос до 33,4 млн. т, против 16,3 млн. т в 1958 году, или более чем в 2 раза за 7 лет. По этому показателю объединение «Куйбышевнефть» заняло почетное третье место после «Татнефти» и «Башнефти», обеспечивая 13,7 % общесоюзной добычи нефти.

За успешное развитие нефтяной промышленности Куйбышевской области В.И. Муравленко был награжден двумя орденами Ленина, шестью медалями, удостоен высоких званий Героя Социалистического Труда и лауреата Ленинской премии.

Наступает 1965-й год. Развитию нефтяной промышленности Западной Сибири придается все большее практическое значение. В этом же году в стране происходит серьезная перестройка системы управления народным хозяйством: ликвидируются советы народного хозяйстве всех уровней и создаются министерства — союзные, союзно-рес-

публиканские, республиканские; происходят крупные кадровые перемещения, новые назначения. Параллельно решается вопрос создания крупной структуры по управлению развитием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — Главтюменнефтегаза. В высших органах власти рассматриваются кандидатуры на пост руководителя этого важного главка. Останавливаются на кандидатуре В.И. Муравленко. Это совпадает и с его желанием. Со временем все — от сибирских нефтяников до Председателя Совета Министров СССР — убеждаются в правильности сделанного выбора.

На посту начальника Главтюменнефтегаза наиболее полно раскрылись его организаторский и инженерный талант, ярко выраженные способности харизматического лидера. В глазах людей он обладал особой притягательностью, огромным авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности: мудрости, решительности, справедливости, энергии, героизме. Он одинаково продуктивно работал с руководителями как подчиненных главку предприятий и организаций, так и смежных организаций, предприятий, строительных структур, министерств, районов, областных партийных и советских органов, научных и конструкторских учреждений, центральных органов страны.

Виктор Иванович очень кропотливо, глубоко и решительно занимался подбором, расстановкой, воспитанием руководящих и инженерных кадров, как аппарата Главтюменнефтегаза, так и подчиненных главку предприятий и организаций.

Он обладал огромной работоспособностью, держал под контролем работу всех нефтедобывающих, буровых, нефтеперекачивающих, строительных, снабженческих, транспортных, торговых и других предприятий и организаций. С утра лично звонил многим руководителям, при каких-то сбоях мгновенно оценивал ситуацию и возможные последствия, тут же подключал именно тех лиц, которые могли помочь решить возникшие трудности. Такой стиль оперативной работы становился общим для руководителей всех уровней производства, обеспечивал гармоничное развитие огромного организма западносибирского нефтегазового комплекса.

Виктор Иванович умел поднимать коллективы буровиков, добычников, собственных и подрядных строителей на достижение

фантастических скоростей бурения нефтяных скважин, сверхплановую добычу нефти, ускоренное строительство остро необходимых объектов. При этом он подчинял выполнению этих задач материальные, технические, научные и другие ресурсы главка и его смежников.

При всей этой сверхчеловеческой, напряженной, ответственной работе Виктор Иванович не забывал, а точнее, лучше других знал, что людям постоянно надо делать добро, что труд, старание, достижения специалистов надо отмечать премиями, путевками, квартирами, автомашинами, орденами, медалями, почетными званиями и... словами благодарности. Эта часть его работы доставляла ему радость, удовлетворение, отдохновение. Как правило, он бывал инициатором этих деяний, эта часть работы была одним из компонентов его характера, его натуры, его души.

В Тюменский период работы (1965 – 1977 гг.) В.И. Муравленко был награжден орденом Октябрьской революции, четвертым орденом Ленина, двумя медалями, удостоен Государственной премии СССР, званием «Почетный нефтяник», утвержден в звании профессора.

В.И. Муравленко пользовался огромным авторитетом в широких кругах нефтяников, газовиков, геологов, строителей, энергетиков, машиностроителей, транспортников, всех специалистов, участвующих в освоении нефтяных богатств Западной Сибири.

Его именем назван город в Ханты-Мансийском автономном округе. В г. Муравленко, а также в Тюмени Виктору Ивановичу поставлены памятники.

Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, не имеющего аналогов в мире по своему экономическому величию, по объемам, масштабам и результатам содеянного, связано с именами тысяч и тысяч выдающихся специалистов и организаторов. И в их первой шеренге мы всегда будем видеть лидера сибирских нефтяников Виктора Ивановича Муравленко. Он стоит в одном ряду с другими выдающимися нефтяниками и газовиками СССР – Н.К. Байбаковым, М.А. Евсеенко, В.Д. Шашиным, А.К. Кортуновым, С.А. Оруджевым, В.А. Динковым и другими.

Равхат Шагимарданович Мингареев (к 90-летию со дня рождения)

Ш.С. Донгарян

Р.Ш. Мингареев

Равхат Шагимарданович Мингареев родился 3 октября 1917 года в канун Октябрьской революции в селе Давлеканово Давлекановского района Башкирии в семье служащего. В 1933 году поступил в Стерлитамакский нефтяной техникум, который окончил в 1937 году по специальности «техника эксплуатации нефтяных скважин». В числе отличников он был направлен на учебу в Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина, который окончил в 1941 году по специальности инженер-механик по нефтепромысловому оборудованию. Поскольку природа одарила Равхата Шагимардановича могучим интеллектом, волевым, целеустремленным характером, то и в школе и в техникуме он учился на «отлично», в институте за успехи был сталинским стипендиатом.

После окончания института Р.Ш. Мингареев был направлен на работу в трест «Калининнефть» в Узбекской ССР. Здесь в 1941 – 1944 гг. он прошел все начальные ступени нефтяных специальностей: механик по сдаче нефти Ванновскому НПЗ, помощник мастера, мастер по добыче нефти, инженер-механик, начальник строительно-монтажного цеха промысла. Обладая склонностью к научной работе, Р.Ш. Мингареев добился направления в аспирантуру Московского нефтяного института. Вскоре он был избран освобожденным секретарем комитета комсомола института. В ноябре 1944 года Равхата Шагимардановича приняли в ряды ВКП (б). Все это происходило в годы Великой Отечественной войны.

Пока Равхат Шагимарданович работал на промысле, учился в аспирантуре, нефтеразведчики открыли в Татарии Шугуровское нефтя-

ное месторождение. В 1945 году приказом Наркома нефтяной промышленности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР Р.Ш. Мингареев был направлен на работу на Шугуровский укрупненный нефтепромысел — первое нефтедобывающее предприятие в Татарии, которое явилось родоначальником легендарного объединения «Татнефть им. В.Д. Шашина». Там в полную силу раскрылись инженерные, научные, организаторские способности Равхата Шагимардановича. Очень интересно посмотреть на его служебный путь в Татарии (замечу, что все его служебные перемещения происходили не по его желанию, а по решению вышестоящих организаций, исходя из раскрывающихся способностей этого многогранного, талантливого человека).

Какими же татарскими предприятиями руководил Равхат Шагимарданович:

1945 — 1949 гг. — начальник производственно-технического отдела, сменный помощник директора, главный инженер, директор Шугуровского нефтепромысла, с. Шугуры;

1949 г. — заведующий нефтепромыслом «Ромашкино» вновь созданного треста «Татарнефть», пгт. Новая Письмянка;

1949 — 1950 гг. — главный инженер Шугуровской конторы бурения треста «Татарнефть», пгт. Новая Письмянка;

1950 г. — главный инженер Шугуровского нефтепромысла, с. Шугуры;

1950 — 1951 гг. — заведующий нефтепромыслом № 1 пгт. Новая Письмянка;

1951 — 1952 гг. — директор конторы бурения № 2 треста «Татбурнефть», г. Альметьевск;

1952 — 1955 гг. — управляющий трестом «Бавлынефть» объединения «Татнефть», с. Бавлы;

1955 — 1956 гг. — начальник НПУ «Альметьевскнефть», г. Альметьевск;

1956 — 1957 гг. — главный инженер объединения «Татнефть», г. Бугульма;

1957 — 1960 гг. — главный инженер Управления нефтяной промышленности Совета народного хозяйства Татарского экономического административного района, г. Казань;

1960 – 1963 гг. – начальник этого управления;

1963 – 1965 гг. – начальник самого крупного в стране нефтедобывающего объединения «Татнефть» в составе Совета народного хозяйства Средне-Волжского экономического района, г. Альметьевск;

В 1965 году, после 20 лет работы на предприятиях нефтяной промышленности Татарии, Р.Ш. Мингареева перевели в Москву заместителем Министра нефтедобывающей промышленности СССР.

Послужной список говорит не только о том, что Равхат Шагимарданович руководил многими нефтяными предприятиями. Для многих из них он был первым руководителем, а значит, стоял у истоков их создания.

Страна направляла в Татарию опытных, талантливых руководителей, инженеров, мастеров бурения, добычи нефти, строителей, геофизиков, проектировщиков, выпускников многих вузов страны. Р.Ш. Мингареев заслуженно вошел в когорту талантливых руководителей нефтяной промышленности Татарии, а затем и всей страны.

Не берусь перечислять всех, кто рядом с Мингареевым создавал Татарский нефтяной гигант, ставший в СССР лучшим нефтедобывающим предприятием по объемам добычи нефти, уровню автоматизации, телемеханизации, технологиям разработки месторождений, объемам и скоростям бурения скважин, индустриализации нефтепромыслового строительства, высокой экологической культуре, созданию жилищно-бытовых условий для нефтяников.

Одним из крупнейших достижений отечественной науки и практики в мировой нефтяной промышленности явилось применение на Ромашкинском нефтяном месторождении внутриконтурного заводнения – искусственного поддержания пластового давления, позволившего увеличить добычу нефти из продуктивных пластов и сэкономить огромные суммы государственных средств.

За выдающийся труд «Новая система разработки нефтяных месторождений с применением внутриконтурного заводнения, ее осуществление на крупнейшем в СССР Ромашкинском нефтяном месторождении» группа работников объединения «Татнефть» и сотрудников ВНИИнефти – Ф.А. Бегишев, П.С. Васильев, Р.Ш. Мингареев, М.М. Иванова, А.П. Крылов, Ю.П. Борисов, А.Н. Бучин,

О.В. Дорохов, М.И. Максимов, А.П. Чопоров, В.А. Каламкаров, А.Т. Шмарев – в 1962 году была удостоена Ленинской премии.

Эта филигранная система разработки продолжает улучшаться и совершенствоваться до сих пор и, без сомнения, продолжится в ближайшие десятилетия.

В 2008 году Республика Татарстан, ОАО «Татнефть», нефтяная общественность Российской Федерации и стран СНГ торжественно отметили выдающееся событие – добычу трехмиллиардной тонны нефти из недр Татарии. Фантастическая цифра, фантастическая работа, вызывающая заслуженную гордость за участников этого феноменального достижения. В этом большая заслуга и Р.Ш. Мингареева, многих его соратников и учеников.

Назначение Равхата Шагимардановича в 1965 году заместителем Министра нефтедобывающей промышленности СССР с возложением на него ответственности за добычу нефти, газа, бурение скважин, переработку газа и транспорт нефти было обоснованным и закономерным. Здесь полностью проявились его необыкновенные инженерные, организаторские и научные способности. Это назначение совпало с началом создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, освоением новых нефтяных месторождений в Казахстане, Чечено-Ингушетии, Коми АССР, Удмуртской АССР, Пермской области, Белоруссии. Эта гигантская работа была ему по плечу. Он внес огромный вклад в стремительный рост нефтяной промышленности СССР в 60-е, 70-е и 80-е годы прошлого столетия. В 1974 году СССР вышел на первое место в мире по добыче нефти, опередив Саудовскую Аравию и США. В этом также немалая заслуга Р.Ш. Мингареева.

Его производственную деятельность можно охарактеризовать как звенья бесконечной цепи масштабных, сложных и блестящих решений технических, научных, организационных, практических задач нефтяной промышленности. Начальник Главного геологического управления Миннефтепрома Г.П. Ованесов назвал Равхата Шагимардановича «изящным инженером». Доклады Р.Ш. Мингареева на хозяйственных активах объединения «Татнефть», на заседаниях коллегии министерства, выступления на Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений, на важнейших совещаниях у

министра В.Д. Шашина присутствующие слушали с большим вниманием и интересом. По обсуждаемым проблемам и вопросам Равхат Шагимарданович всегда имел свое мнение, которое он высказывал предельно четко, аргументировано, убедительно, на прекрасном русском языке, даже не глядя на имеющиеся под рукой бумаги. При этом он, не соглашаясь с какими-то положениями уже подготовленного документа или выступлениями предыдущих специалистов, высказывался всегда весьма корректно. Как правило, предложения Р.Ш. Мингареева принимались один к одному. Его высокий профессионализм, отличная память, аналитический ум, доскональные знания проблем добычи и бурения, последних научных разработок позволяли ему по каждому обсуждаемому вопросу иметь собственное мнение, которое в итоге оказывалось самым верным. Эти качества Равхата Шагимардановича глубоко ценили В.Д. Шашин, члены коллегии Миннефтепрома, руководство Госплана СССР, аппарата Совета Министров СССР, руководители нефтедобывающих объединений, предприятий Главтранснефти, научных и проектных институтов, а также смежных министерств — геологии, нефтегазового строительства, химического машиностроения, приборостроения и др.

Он очень ценил талантливых людей, хотел, чтобы они работали на таких должностях, где их способности могли быть максимально востребованы. В конце 1965 года формировался аппарат министерств, при этом крупный специалист нефтяной промышленности, опытный руководитель А.Т. Шмарев остался не у дел: никто не предлагал ему работы. Это очень беспокоило и печалило Равхата Шагимардановича, и он как-то риторически спросил меня: «Как можно не использовать Шмарева в нефтедобывающей промышленности?» Тогда этот вопрос возникал у многих.

Равхат Шагимарданович был выдающимся управленцем и организатором не только нефтяных предприятий и Миннефтепрома в целом, но и блестящим организатором своего личного труда. В министерстве его рабочий день начинался в 9-00 и, как правило, заканчивался в 18-00. При этом в приемной Р.Ш. Мингареева никогда не скапливалось по несколько человек в ожидании приема — он принимал всех и быстро решал их вопросы. Все поступающие доку-

менты, письма, отчеты, сводки он успевал в течение того же дня рассмотреть, дать поручения, подписать. Отвечал на все телефонные звонки. Он не переносил никакие дела текущего дня на следующий день, ведь следующий день приносил новую работу.

С 1972 года здоровье Равхата Шагимардановича стало ухудшаться, за два года он перенес два инфаркта, и в 1974 году обратился с просьбой освободить его от должности заместителя министра. Руководство Миннефтепрома с его согласия и согласия ЦК КПСС назначило Р.Ш. Мингареева директором Всесоюзного научно-исследовательского института организации, управления и экономики нефтегазовой промышленности (ВНИИОЭНГ). За 10 лет работы директором ВНИИОЭНГа Р.Ш. Мингареев укрепил материально-техническую базу института, расширил его научную тематику, привлек к работе крупных ученых, вырастил и воспитал научные кадры. Непосредственно под его руководством выполнены такие крупные научные работы, как: «Генеральная схема развития и размещения нефтяной промышленности на длительную перспективу», «Методология перспективного планирования отрасли на основе научно-технического прогресса»; нефтяной раздел Энергетической программы СССР и ряд других работ.

Равхат Шагимарданович всю жизнь выполнял большую общественную работу. Был депутатом городских советов Бугульмы и Альметьевска, Верховного Совета Татарской АССР, избирался в состав райкомов, горкомов и Татарского обкома КПСС, был избран Почетным гражданином рабочих поселков Бавлы и Азнакаево. Много лет был заместителем руководителя Советской части комиссии СЭВ, заместителем председателя Центрального правления НТО работников нефтяной и газовой промышленности, возглавлял ряд советских делегаций за рубежом — в соцстраны, США, Канаду, Кувейт, Швейцарию. Ему было присвоено звание «Почетный нефтяник», он занесен в Книгу Почета Миннефтепрома СССР. Р.Ш. Мингареев являлся членом горной секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, членом редколлегии «Горной энциклопедии», лауреатом премии им. И.М. Губкина. Равхат Шагимарданович был не только большим специалистом в нефтяном деле. Он был прекрасным человеком.

Он разговаривал со всеми людьми спокойным тоном, давал очень четкие команды, принимал понятные для подчиненных решения, иногда для уверенности повторял их.

Он был надежным, верным товарищем для всех своих знакомых и друзей. С некоторыми из них глубокая семейная дружба сохранилась до конца жизни. Это были однокурсник по Стерлитамакскому техникуму В.Д. Шашин, учебе в Московском нефтяном институте – С.М. Казарян, Касьянов, коллеги по работе: в Узбекистане – Н.Н. Ким, в Татарии – А.К. Мухаметзянов, А.Т. Шмарев, С.Л. Князев, И.Я. Вайнер, Н.С. Ефремов, Л.М. Кузнецов, Ф.А. Табеев, В.Ю. Филановский, В.И. Грайфер, А.В. Валиханов, Р.Т. Булгаков, Б.Н. Донауров, Т.Ф. Рустамбеков и многие другие.

Я знал о нем с 1950 года, а в 1954 году мы познакомились и работали вместе. В течение 11 лет (1954 – 1965 гг.) я был его подрядчиком в Татарии, а с 1965 года мы с ним в одной упряжке были заказчиками строительства для всей нефтяной промышленности СССР. Мы дружили семьями, с 1965 года жили в Москве в одном доме, в одном подъезде. За десятки лет тесной работы и дружбы я не переставал удивляться и восхищаться его остроумием, талантом, добротой, жизнелюбием, чувством юмора.

В отличие от многих руководителей его ранга Равхат Шагимарданович отдыхал не в санаториях, а в родных с детства, красивых местах Башкирии, Татарии. Чаще всего он и Николай Николаевич Ким брали с собой жен, детей и ехали на берега Волги, Камы, Белой и их притоков. Жили в палатках, занимались рыбалкой, сбором грибов, ягод, устраивали в тех же краях туристические походы, игры и т.п. Возвращались загоревшие, отдохнувшие, довольные, всегда в хорошем настроении.

Семья, которую создали Равхат Шагимарданович и Ирина Тихоновна, была образцовой, образованной и интеллигентной в самом прямом смысле этих понятий. Отношения между супругами, между родителями и детьми всегда были доброжелательными, полными любви и уважения. Каждый член старался вносить в жизнь семьи радость, умиротворение, выполнять свои обязательства перед всей семьей, родственниками и друзьями. И сегодня Валерий и Сергей Мингареевы живут в традициях родительской семьи.

За выдающиеся заслуги в развитии нефтяной промышленности СССР Равхат Шагимарданович был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, удостоен Ленинской премии.

Равхат Шагимарданович скончался 24 октября 1990 года в возрасте 73 лет.

В дни, когда нефтяники Российской Федерации, Республики Татарстан и многих нефтяных регионов бывшего СССР отмечают 90 лет со дня рождения Равхата Шагимардановича Мингареева, гордятся тем, что были соратниками и современниками этого выдающегося нефтяника и Гражданина, хочется обратиться к руководству Татарстана и любимого Мингареевым города Альметьевска с просьбой назвать одну из улиц Альметьевска или одно из нефтедобывающих управлений ОАО «Татнефть» именем Р.Ш. Мингареева.

Михаил Тимофеевич Гусман и развитие турбинного способа бурения (к 95-летию со дня рождения)

Д.Ф. Балденко, В.П. Шумилов

М.Т. Гусман

Отечественная нефтегазодобывающая промышленность имеет более чем полутаровековую историю и богатейшие традиции. Она занимает ведущее и определяющее место в экономике страны и вправе гордиться многочисленными научно-техническими достижениями. Одно из наиболее значительных — создание и промышленная реализация идеи забойного двигателя для бурения скважин.

Годы, прошедшие с того далекого времени, когда в Баку рождалось тур-

бинное бурение, с неопровержимой достоверностью доказали правильность, жизнеспособность и далеко не исчерпанные возможности этого направления, фундамент которого был заложен трудами талантливых отечественных ученых и инженеров. Сегодня невозможно представить, как шло бы развитие нефтедобычи в стране, не имей она созданного в невероятно короткие, даже по нынешним меркам, сроки и практически с нуля такого эффективного средства для проводки скважин, как турбобур. Турбобур, турбинное бурение — это предмет законной гордости нашей отечественной горнодобывающей школы. Созданная в 30-е годы прошлого века промышленная конструкция многоступенчатого турбобура ознаменовала начало нового метода бурения забойными двигателями. Этот метод, ставший теперь привычной реальностью на огромных нефтяных пространствах нашей страны и за рубежом, представляет собой одну из самых наукоемких областей приложения инженерных знаний.

История создания турбобура многократно освещена как в специальной технической литературе, так и в ряде популярных изданий, посвященных становлению и развитию отечественной нефтяной промышленности. Сегодня имена создателей отечественного турбобура, определившего новый этап мировой практики бурения, хорошо известны не только каждому специалисту, связанному с бурением, но и многим, кто интересуется техническим прогрессом. И среди этих имен достойное место принадлежит Михаилу Тимофеевичу Гусману.

М.Т. Гусман родился в г. Баку 12 февраля 1914 году в семье служащего. В 1931 году он окончил Бакинский техникум нефтяного машиностроения и в течение трех лет работал техником, а затем инженером-конструктором в Азербайджанском институте нефтяного машиностроения (Азинмаш). В этот период там велись работы по усовершенствованию конструкции редукторного турбобура М.А. Капелюшникова, применение которого на промыслах фактически было прекращено из-за серьезных недостатков, связанных с чрезвычайно низкой стойкостью одноступенчатой турбины. Интенсивные исследования, проводившиеся в институте с участием известных ученых-профессоров Л.С. Лейбензона и И.Г. Есьмана, позволили решить ряд частных задач по увеличению мощности одноступенчатой турбины.

Дух творчества определил среду, в которой развивался и мужал инженерный талант Михаила Гусмана. Для снижения частоты вращения

турбины Г.А. Любимов предложил ввести в турбобур планетарный многоярусный зубчатый редуктор. Новая идея сплотила вокруг себя группу инженеров АзНИИ, в которую вошли будущие создатели многоступенчатого турбобура Р.А. Иоаннесян и Э.И. Тагиев. А сложность и оригинальность решавшихся задач определила творческие интересы начинающего конструктора и в 1932 году М.Т. Гусман поступил в Азербайджанский индустриальный институт, который окончил в 1937 году без отрыва от основной работы.

В начале 1930-х годов в Государственном исследовательском нефтяном институте (ГИНИ) П.П. Шумиловым и группой сотрудников велась разработка турбобура с аксиальной многоступенчатой турбиной. С целью объединения усилий бригада ГИНИ переехала в Баку, и здесь на базе двух организаций в 1934 году была создана Контора турбинного бурения «Азнефти» (с 1937 года — Экспериментальная контора турбинного бурения). В этой организации молодыми и энергичными инженерами были продолжены целенаправленные работы по созданию нового забойного гидравлического двигателя на базе многоступенчатой турбины, как в редукторном, так и в безредукторном исполнении.

Возглавил эти работы талантливый, молодой ученый, создатель теории многоступенчатых гидравлических турбинных двигателей и теоретических основ техники и технологии турбинного бурения Петр Павлович Шумилов, трагически погибший в 1942 году при испытании созданного им реактивного противотанкового оружия.

Первые многоступенчатые турбобуры, созданные и испытанные в 1933 — 1934 гг., на практике подтвердили преимущество многоступенчатых турбин, которые легли в основу эффективного и надежного турбобура и определили пути совершенствования техники турбинного бурения.

В процессе разработки надежной конструкции многоступенчатых турбобуров встретилось немало сложных проблем, на разрешение которых потребовались несколько лет упорных научных поисков, стендовых и промышленных экспериментов. В решении этих инженерных задач М.Т. Гусман принимал непосредственное участие.

Последовательно были созданы 40-ступенчатые редукторные, а затем 100-ступенчатые безредукторные турбобуры. Все эти конструк-

ции были выполнены на упорных шарикоподшипниках, радиальных роликовых опорах со специальной системой принудительной смазки под давлением. Но в сложных условиях эксплуатации турбобуры не сохраняли необходимой долговечности и поэтому не могли широко использоваться в промышленности.

Существенным этапом в разработке промышленных турбобуров явилось создание резинометаллических опор скольжения, способных работать в глинистом растворе. Сначала на этом принципе были применены радиальные опоры, а затем была создана многоступенчатая осевая опора, которая позволила полностью отказаться от системы масляной смазки, лубрикаторов и сальников. Впервые в мировой инженерной практике была создана машина, использующая в качестве смазки абразивный глинистый раствор.

Одновременно велись работы по созданию промышленной технологии изготовления турбин, профилирования лопаточного аппарата, которое предусматривало бы максимально эффективную энергоотдачу для различных условий применения. Была решена задача создания цельнолитой турбины, обладающей высокими энергетическими параметрами и в сравнении с применявшимися до того турбинами с фрезерованными решетками — более дешевой в изготовлении.

В 1939 году решением правительства Экспериментальная контора турбинного бурения была переведена в непосредственное подчинение Наркомата топливной промышленности СССР. К 1941 году ЭКТБ стало мощной опытно-конструкторской и научно-исследовательской организацией, имело свой завод, изготавливавший турбобуры, опытную стендовую базу, экспериментальные буровые и проводило опытное бурение в Баку, Грозном, Ишимбае и Краснокамске.

К этому времени М.Т. Гусман сложился как инженер-конструктор, получил большой опыт и практические результаты в области конструирования турбобуров и технологии их применения. Трудно переоценить его личный вклад в решение фундаментальных проблем турбинного бурения в нашей стране. Именно в этот период впервые в мировой практике была доказана эффективность разбуривания твердых пород шарошечными долотами на высоких оборотах, применение которых обеспечило в последующем высокие темпы развития восточных нефтяных месторождений. Одновременно была доказана необходи-

мость создания специальных, в первую очередь трехшарошечных, долот для турбинного бурения.

В результате комплекса работ и при действенной поддержке со стороны государства к началу 1940-х годов впервые в мировой практике бурения был создан мощный многоступенчатый безредукторный турбобур. Его создателями были члены сплоченного коллектива ЭКТБ: П.П. Шумилов, Р.А. Иоаннесян, Э.И. Тагиев и М.Т. Гусман. Большой вклад внесли работники буровых предприятий, которые накануне Великой Отечественной войны приступили к освоению новой техники, тем самым заложив основы широкого промышленного применения новой технологии. После войны турбинное бурение сыграло решающую роль в освоении новых месторождений. Помимо авторов многоступенчатого турбобура во внедрении и совершенствовании конструкций и технологии турбинного бурения самоотверженно и плодотворно работали высококвалифицированные специалисты-нефтяники: Я.А. Гельфгат, Т.Ф. Рустамбеков, И.Е. Блохин, А.Т. Шмарев, Н.И. Буяновский, Б.Д. Малкин и многие другие.

А в начале войны, в августе 1941 года, для ускоренного развития нефтедобычи на Востоке страны по специальному постановлению Государственного комитета обороны весь состав ЭКТБ, буровое оборудование, подчиненный ему завод им. Мясникова, опытные стенды были переведены в г. Краснокамск Молотовской (ныне Пермской) области, где началось широкое промышленное внедрение турбинного, наклонно направленного и кустового бурения.

В то время бурение роторным способом скважин глубиной 1100 м на угленосную свиту в условиях крепких пород Краснокамска длилось несколько месяцев. При бурении каждой скважины аварии с остродефицитными в военное время бурильными трубами происходили в среднем 10 раз. Применение турбинного способа бурения позволило получить колоссальный эффект: при том же парке буровых установок было пробурено и сдано в эксплуатацию в 3 раза больше скважин.

Первая наклонно-направленная скважина, № 1385, пробуренная при невращающейся бурильной колонне, была закончена в первые месяцы войны в тресте «Сталиннефть» в Баку. В середине 1942 года перед пермскими нефтяниками встала сложная задача — при отсутствии опыта быстро освоить наклонно-направленное и кустовое бурение турбинным

способом в крепких породах Урало-Поволжья. В Краснокамске первая наклонно-направленная скважина с проектной глубиной 1000 м была закончена в феврале 1943 года. Отклонение забоя составило 600 м, глубина спуска кондуктора — 200 — 250 м. В дальнейшем бурение было продолжено, в один куст были объединены 12 скважин. Этот опыт широко стал применяться в других нефтяных районах Урало-Поволжья, а позднее — и в Сибири. М.Т. Гусман принимал непосредственное активное, творческое участие в этих работах.

Труд создателей многоступенчатого турбобура в тяжелейшем военном 1942 году был высоко оценен страной присвоением четырем его авторам, в числе которых был и М.Т. Гусман, звания лауреата Сталинской премии.

Значение, придаваемое развитию нового метода бурения, обусловило создание в Наркомате нефтяной промышленности СССР отдела турбинного бурения, куда в качестве главного инженера отдела был переведен М.Т. Гусман, проработавший в аппарате Наркомнефти (в последствии Миннефепрома) до конца 1948 года.

После окончания Великой Отечественной войны руководством отрасли была поставлена задача — обеспечить массовый перевод эксплуатационного бурения на турбинный способ. К 1949 году на турбинный способ было переведено все бурение в Туймазах. Коммерческие скорости повысились в два-три раза. Турбинное бурение начало внедряться во многих нефтедобывающих районах страны. Это потребовало совершенствования всего комплекса оборудования и, прежде всего, создания новых конструкций турбобуров. Для решения этих задач в Москве при Министерстве нефтяной промышленности СССР в 1949 году было создано Специальное конструкторское бюро по турбобурам и долотам (СКБ-2), с 1953 года вошедшее в состав вновь созданного Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИбурнефть, впоследствии — ВНИИБТ).

М.Т. Гусман являлся одним из основателей нового института, где возглавил и на протяжении более сорока лет руководил отделом турбинного бурения. В институте были широко развернуты опытно-конструкторские и экспериментальные работы по созданию новых конструкций турбобуров, долот различных типов, забойного оборудования, растворов, технологической оснастки и других средств, в первую

очередь направленных на совершенствование техники и технологии турбинного бурения.

Все усовершенствования конструкций турбобуров и направления исследовательских работ в большой степени определялись требованиями разработки крупнейших нефтяных месторождений. Было установлено, что для различных геолого-технических условий необходимо иметь большое число типов забойных машин, удовлетворяющих тем или иным требованиям проводки скважин.

Основным, наиболее эффективным объектом применения турбинного бурения в 1950-х и начале 1960-х годов являлись месторождения Татарской АССР. Буровики Татарии выполнили огромный объем технологических работ по установлению рациональных режимов бурения. Эффективное разрушение горных пород, слагающих татарские месторождения, определялось повышенными скоростями вращения долота и увеличением нагрузки на забой.

Обобщение большого промыслового и конструкторского опыта нашло отражение в книге М.Т. Гусмана «Турбинное бурение нефтяных скважин» (Гостоптехиздат, 1952). Эта книга, а также ряд его статей стали основой кандидатской диссертации, при защите которой на объединенном совете Азербайджанского института нефти и химии в 1961 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук.

М.Т. Гусман (крайний справа) с буровой бригадой на испытаниях

М.Т. Гусман не был кабинетным ученым. Принимая самое непосредственное участие в практической реализации всех новшеств и усовершенствований техники и технологии бурения, участвуя в промысловых испытаниях, он постоянно поддерживал тесные де-

ловые контакты с инженерно-техническими работниками буровых предприятий и заводов-изготовителей турбобуров.

Усовершенствования в технологии бурения диктовали необходимость изменения характеристик турбобуров, улучшения его конструкции. Прежде всего, это — увеличение отношения между вращающим моментом на долоте и частотой его вращения. В практике бурения были найдены соотношения, определившие развитие конструкций турбобуров и направление исследований в области гидромеханики турбин. Особенности работы малогабаритных турбин турбобура, многоступенчатость его рабочих органов потребовали дальнейшей разработки теории проектирования турбин. Начало этой большой работы было положено классическими трудами П.П. Шумилова, в которых наряду с разработкой теории построения малогабаритных многоступенчатых турбин рассматривались задачи движения жидкости в гидравлическом тракте буровой. На основе этих работ стал возможен научно обоснованный подход к выбору конструкций турбобуров, бурильного инструмента и насосных установок. Дальнейшим исследованиям и развитию этих вопросов были посвящены работы целого ряда талантливых ученых и инженеров. И в перечне имен, оставивших неизгладимый след в буровой науке, М.Т. Гусман занимает особое место.

Характерной чертой деятельности Михаила Тимофеевича была постоянная нацеленность на практический результат. Он обладал не часто встречающимся и вместе с тем крайне необходимым для творческой личности качеством почти интуитивно, еще на самом раннем этапе предвидеть значимость и практическую осуществимость той или иной идеи. И, как правило, его прагматизм давал конкретный результат. Примером тому могут служить практически все рожденные в его отделе конструкции турбобуров, которые вошли в серийное производство и составляют техническую основу современного турбинного бурения. Сейчас над их усовершенствованием работают многочисленные ученики Михаила Тимофеевича.

Отечественные и зарубежные исследования в середине 1950-х годов показали, что с увеличением глубины скважины большое влияние на эффективность разрушения породы оказывает гидростатическое давление на забой скважины и поэтому необходимо увеличивать нагрузку на долото и поднимать ресурс долота за счет снижения скорости вращения.

Проверка турбин на заводе. М.Т. Гусман в центре

Повышение вращающего момента и снижение частоты вращения долота в безредукторной конструкции турбобура могло быть достигнуто, прежде всего, за счет увеличения числа ступеней турбины. Серьезным шагом на этом пути явилось создание в 1953 – 1956 гг. коллективом авторов под руководством М.Т. Гусмана конструкций секционных турбобуров с числом ступеней турбин от 200 до 500 в одном агрегате.

Обширными технологическими экспериментами, проведенными на промыслах Главтюменнефтегаза, было установлено, что требованиям скоростного бурения тюменских месторождений отвечают шпиндельные турбобуры с турбинами точного литья, разработанные под руководством М.Т. Гусмана. Шпиндельная конструкция позволила в сложных условиях этих районов сократить до минимума перевозки турбобуров и непроизводительные затраты времени на буровой, а также по-новому решать проблему уплотнения выхода вала турбобура.

Бурение гидромониторными долотами при высоких перепадах давления, впервые в промышленных масштабах осуществленное в Западной Сибири, активизировало исследования в области резинометаллических и шаровых опор турбобуров.

В вопросах теории трения опор в абразивной среде конструкторы турбобуров располагали только собственным опытом. Необходимо было разработать теоретические методы расчета опор турбобуров и создание специальных стендовых установок. Эту работу возглавил М.Т. Гусман.

Более чем 20-летние исследования на стендах в сочетании с изучением промыслового опыта применения опор турбобуров различного типа позволили создать научно обоснованные методы проектирования опор турбобуров, обладающих лучшими характеристиками трения.

Этот опыт нашел отражение в книге М.Т. Гусмана (в соавторстве с А.В. Кольченко и А.А. Силиным) «Резинометаллические подшипники турбобуров» (Гостоптехиздат,1959) и в многочисленных публикациях М.Т. Гусмана и его сотрудников, в том числе в изданной М.Т. Гусманом совместно с Б.Г. Любимовым, Г.М. Никитиным, И.В. Собкиной и В.П. Шумиловым книге «Расчет, конструирование и эксплуатация турбобуров» (Недра, 1976), где представлены результаты всесторонних исследований по созданию конструкций турбобуров и их основных узлов и деталей.

В создании низкооборотных гидравлических забойных двигателей большое значение имело возвращение к конструкциям редукторных машин. Определенные успехи, достигнутые в системах гидрозащиты рабочих органов редукторов, позволили развернуть работы по созданию новых видов редукторных турбобуров, свободных от недостатков своих предшественников. Ряд таких разработок проводился и в отделе турбинного бурения, и в Пермском филиале ВНИИБТ, большая роль в организации которого принадлежала М.Т. Гусману. Бесспорна и его роль как инициатора и творческого участника многих конструктивных решений, как в системах редукторов открытого типа, так и маслонаполненных машин, важный вклад в создание которых сделан его учеником Н.Д. Деркачем.

Большое значение для развития техники турбинного бурения имела необходимость проходки наклонно-направленных скважин. Объем бурения таких скважин непрерывно возрастал, особенно в связи с развитием бурения в Западной Сибири. Разработка морских месторождений вообще была немыслима без бурения наклонно-направленных скважин. Эти проблемы всегда находились под пристальным внимание М.Т. Гусмана, под руководством которого были сконструированы специальные турбобуры, шпиндели-отклонители и другие технические средства, используемые в различных условиях этого вида бурения.

На основе применения турбобуров еще в 1949 – 1958 гг. была создана техника и технология реактивно-турбинного бурения (РТБ) скважин увеличенных диаметров как для нужд нефтяной, так и для других отраслей промышленности. М.Т. Гусман являлся одним из авторов и непосредственных создателей этого метода бурения, большая роль в дальнейшем развитии и внедрении которого принадлежала Г.И. Булаху.

Результаты работ по развитию техники и технологии турбинного бурения и успехи, достигнутые в СССР по его внедрению, вызывали пристальное внимание и интерес зарубежных специалистов.

В 1956 году сначала американская компания по производству нефтяного оборудования «Дрессер Индастриз», а затем западногерманские фирмы «Зальц-Гиттер Машиненбау» и «Ганиэль унд Люэг» заключили с Всесоюзным объединением «Машиноэкспорт» контракт на покупку лицензии на право производства турбобуров. Одновременно эти фирмы приобрели партии советских турбобуров различных размеров. Факт покупки иностранными, в особенности американскими, фирмами лицензий на советские турбобуры имел широкий общественный резонанс, так как в отечественной практике это был беспрецедентный случай.

В 1957 году в ФРГ было произведено опытное бурение турбобурами. Американская компания «Дрессер Индастриз» проводила опытное бурение советскими турбобурами в различных условиях США с 1957 по 1959 год. Испытания турбобуров были проведены также во Франции. М.Т. Гусман был направлен для инженерного руководства испытаниями и успешно выполнил эту сложную миссию.

Опытные работы по применению турбинного бурения за рубежом были продолжены в 1960-е годы. Так, опытное бурение советскими турбобурами в Мексике в условиях твердых и абразивных пород показало пяти — шестикратное увеличение механической скорости при снижении проходки за рейс не более 20%.

Анализируя результаты использования наших турбобуров за рубежом, М.Т. Гусман приходит к выводу, что для получения эффективных показателей в большинстве условий необходимо увеличение проходки в турбинном бурении за рейс не менее, чем на 60 — 70%. Решение этой важной проблемы, связанной с повышением эффективности турбинного бурения, являлось предметом пристального внимания и творческих поисков М.Т. Гусмана.

Широта профессиональных интересов М.Т. Гусмана проявилась и в его участии в создании способа бурения на обсадной колонне, в инициировании работ в нашей стране по созданию телеметрических систем, в совершенствовании керноотборного инструмента и ряде других проблем.

Если в целом охарактеризовать результаты деятельности М.Т. Гусмана по созданию, совершенствованию и внедрению тур-

бинного бурения, то важно выделить два, по нашему мнению главных, аспекта.

Первое. На протяжении многих последних десятилетий доля турбинного бурения по стране превышала 80 %; и по настоящее время оно остается превалирующим способом бурения. И неоспоримым фактом является то, что основной его объем обеспечивается турбобурами, разработанными под непосредственным руководством Михаила Тимофеевича Гусмана.

И далее. Одним из главных преимуществ турбинного двигателя является возможность реализации мощности в высокооборотных режимах. Понимая это, М.Т .Гусман много сил отдал созданию двигателя для алмазного бурения. И сегодня, когда интерес к высокооборотному бурению усиливается благодаря возрастающему объему использования алмазотвердосплавных долот, перспективность высказанных им идей и предпринятых разработок становится вполне реальной.

В начале 1960-х годов революционные усовершенствования шарошечных долот привели к отставанию технических показателей турбинного бурения по сравнению с роторным. Долота с маслонаполненными опорами и твердосплавным вооружением, появившиеся за рубежом, предназначались для роторного бурения, а характеристики безредукторных турбобуров не позволяли получать частоты вращения ниже 300 – 400 об/мин с обеспечением необходимых крутящих моментов и приемлемого уровня давления насосов. Перед отечественной нефтяной промышленностью встала дилемма: либо переходить к роторному бурению, либо создавать низкооборотный забойный двигатель. Надо отметить, что за многие годы приоритетного и исторически оправданного развития турбинного способа бурения отрасль существенно отстала от мирового уровня техники роторного бурения: отсутствовали бурильные трубы и буровые установки соответствующего технического уровня.

Кардинальное решение проблемы создания в промышленном масштабе забойного гидравлического двигателя с характеристиками, в наибольшей степени отвечающими требованиям новых конструкций долот, было найдено в переходе к объемным гидравлическим машинам винтового типа.

После всестороннего анализа и испытаний различных схем объемных двигателей авторский коллектив под руководством М.Т. Гусмана и

С.С. Никомарова впервые в мировой практике разработал и запатентовал (1966 г.) конструктивную компоновку забойного винтового гидравлического двигателя с многозаходными рабочими органами.

Винтовые забойные двигатели (ВЗД) оказались единственным типом объемных гидромашин, сравнительно долговечными при перекачивании жидкостей, содержащих примеси и не обладающих достаточными смазывающими свойствами. Это достигается за счет особенностей принципа действия и конструктивного исполнения их рабочих органов, включающих эластичную обкладку статора и износостойкий металлический ротор.

Анализ технической и конъюнктурной ситуации, сложившейся в то время в мировой практике бурения, показывал, что американские специалисты, используя схему обращенного одновинтового насоса с однозаходным ротором, ставили своей задачей создание нового гидравлического двигателя как альтернативу турбобуру, прежде всего для наклонного бурения, в то время как в России начали разрабатывать ВЗД как техническое средство для привода низкооборотных долот.

В последующие 10 – 15 лет под руководством М.Т. Гусмана, С.С. Никомарова, Д.Ф. Балденко, Ю.В. Вадецкого и А.М. Кочнева во ВНИИБТ и его Пермском филиале был проведен большой объем НИОКР, в результате которых были созданы основы конструирования и расчета рабочего процесса, разработана технология бурения с использованием этих машин и организовано промышленное производство ВЗД.

Однако путь становления ВЗД оказался весьма тернистым. После разработки конструктивной схемы и удачных испытаний модели и первых образцов наступили трудные годы внедрения ВЗД. Прежде всего, обнаружилось, что двигатель имеет «капризный» характер и обладает нестабильным запуском. Позднее М.Т. Гусманом и его ближайшими сотрудниками было найдено объяснение этому «феномену». Использованная в первых образцах двигателей пространственная геометрия рабочих органов в сочетании с низким качеством изготовления и состоянием бурового раствора в ряде случаев приводила к самоторможению двигателя в процессе пуска.

Для выявления этого потребовались длительные промысловые испытания и исследования. М.Т. Гусману всем своим авторитетом уда-

лось противостоять скептикам как во ВНИИБТ, так и за его пределами и переломить к лучшему сложившуюся ситуацию. Например, была коренным образом усовершенствована геометрия рабочих органов и технология их изготовления. В таком исполнении ВЗД выпускаются и в наше время.

Говоря об этих трудных годах становления ВЗД, необходимо отметить, что вместе с сотрудниками ВНИИБТ и его Пермского филиала большой вклад в отработку конструкции ВЗД внесли буровики Татарии и, прежде всего, Альметьевского УБР во главе с Т.Н. Бикчуриным.

Известно, что винтовой двигатель изначально конструировался с использованием апробированных элементов турбобура, его шпинделя, резьбовых и конусных соединений, уплотнений вала и др. Однако в двигателе имеются принципиально новые узлы, для создания которых потребовалось инженерное искусство и серьезная стендовая и промысловая отработка. Речь идет, в частности, о соединении статора и его ротора и вала шпинделя, а также о конструкции переливного клапана.

В решении этих сложных конструкторских задач большая заслуга, как в творческом плане, так и в организации работ принадлежит М.Т. Гусману.

За давностью лет забывается, что в 1970 – 1980-е годы ввиду ограниченных экономических возможностей изготовления полноразмерных статоров и проблем с очисткой буровых растворов срок службы рабочих органов составлял в ряде регионов 50 – 80 часов. В то время весьма актуальными вопросом явилось секционирование рабочих органов как способ повышения долговечности двигателей и, как следствие – его нагрузочной способности. При непосредственном руководстве и творческом участии М.Т. Гусмана были разработаны 4 альтернативных схемы секционирования, успешно применявшихся в различных условиях эксплуатации. Тогда же был предложен и реализован метод восстановления рабочих пар, внедрение которого позволило сэкономить тонны дефицитных роторов и остовов статоров.

Вышедшие в 1970 – 1980-е годы книги (М.Т. Гусман, Д.Ф. Балденко. Винтовые забойные двигатели. – М.: ВНИИОЭНГ, 1972; М.Т. Гусман, Д.Ф. Балденко, А.М. Кочнев, С.С. Никомаров. Забойные винтовые двигатели для бурения скважин. – М.: Недра,1981) обобщили опыт первых лет создания и внедрения ВЗД.

За это время ВЗД прошли эволюционный путь развития, превратившись в эффективное техническое средство для бурения и ремонта нефтяных и газовых скважин, а также для развития новых технологий.

Уже в первые годы становления ВЗД М.Т. Гусман и его сотрудники предложили агрегатировать винтовой двигатель с турбобуром. Эта машина — турбовинтовой двигатель — получила признание и нашла свою нишу в номенклатуре забойных гидравлических машин.

Развитие и совершенствование ВЗД потребовало принятия масштабных организационно-технических решений. По инициативе руководства ВНИИБТ производство ВЗД было организовано в Пермском филиале. Вместе с директором ВНИИБТ А.О. Асан-Нури и директором ПФ ВНИИБТ Ю.В. Вадецким М.Т. Гусман активно работал над созданием научно-производственной базы филиала, решая многие сложные проблемы, в том числе обращаясь в Правительство и Миннефтепром СССР. В результате уже к концу 1980-х годов Пермский филиал превратился в ведущее машиностроительное предприятие России.

Ныне на базе ПФ ВНИИБТ организовано ООО «ВНИИБТ — Буровой инструмент», которое на протяжении последних лет обеспечивает выпуск не только опытных образцов, но и значительную программу серийного производства ВЗД в нашей стране.

В наши дни нефтяная отрасль страны имеет на вооружении свыше 60 типоразмеров двигателей, обеспечивающих практически основные потребности бурения.

Объем применения ВЗД постоянно растет и к 2007 году он превысил 30 % общей проходки, а в горизонтальном бурении и капитальном ремонте ВЗД выполняется 90 — 95 % всех буровых работ.

Следует также подчеркнуть, что с именем М.Т. Гусмана связана продажа в 1981 — 1982 гг. ведущим западным фирмам лицензий на ВЗД с правом изготавливать и эксплуатировать на Западном рынке отечественные винтовые многозаходные гидравлические двигатели.

Факт продажи лицензий на ВЗД поднял технический авторитет отечественной буровой техники и закрепил лидирующие позиции ВНИИБТ.

Уместно привести отзыв авторитетного журнала Oil & Gas, который отнес создание в России многоступенчатых турбобуров и многозаходных винтовых двигателей к выдающимся достижениям буровой техники XX века.

Ограниченные рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на всех аспектах многогранной деятельности и личных качествах Михаила Тимофеевича. Здесь хочется особо отметить его умение создавать вокруг себя атмосферу творческого поиска в разработках наиболее актуальных задач буровой науки и техники. Он умел работать в условиях творческой конкуренции, умел сам и нацеливал своих коллег доводить научные и инженерные идеи и начинания до стадии практического результата.

Являясь ученым с мировым именем, доктор технических наук, профессор М.Т. Гусман подготовил и воспитал десятки специалистов высшей квалификации, создал школу ученых и конструкторов, которые многие годы трудятся как в нашей стране, так и за рубежом. Ему принадлежит более 200 научных трудов, более 150 изобретений, в том числе и запатентованных за рубежом, шесть книг по проблемам бурения скважин забойными двигателями.

Все, кому посчастливилось работать рядом и под руководством Михаила Тимофеевича, характеризуют его как в высшей степени ответственного, доброжелательного и отзывчивого человека, которого всегда отличала скромность, демократичность и интеллигентность в общении. Блестящий оратор, он умел ясно и доходчиво говорить о самых сложных и важных проблемах, не чураясь острой полемики и не отказывая себе в острословии. Общение с ним всегда было по-настоящему интересно и поучительно.

Выдающиеся заслуги М.Т. Гусмана были отмечены многими правительственными наградами, в том числе пятью орденами, многими медалями. Дважды он удостаивался Государственных премий СССР, являлся Заслуженным деятелем науки и техники, Почетным нефтяником, имел многие профессиональные знаки отличия.

Михаил Тимофеевич Гусман прожил большую, интересную творческую жизнь. Он ушел из жизни в июне 1999 года. 12 февраля 2009 года ему исполнилось бы 95 лет. Его друзья, коллеги, многочисленные последователи и ученики чтут память этого выдающегося человека, ученого, инженера, плодотворная деятельность которого заслужила глубокое уважение и признание буровиков в нашей стране и далеко за ее пределами.

К 80-летию Л.М. Кузнецова

Н.М. Еронин

Л.М. Кузнецов

Мое знакомство с Л.М. Кузнецовым относится к началу 60-х годов прошлого века. К этому времени он прошел знаменитую в нефтяной промышленности кадровую школу «Татнефти», из помощника мастера он вырос в директора газоперерабатывающего завода и начальника крупнейшего в стране НПУ «Альметьевнефть». Но наша первая встреча произошла в Казани, когда Лев Михайлович работал заведующим Отделом нефтяной и химической промышленности Татарского обкома КПСС. Он произвел на меня очень хорошее впечатление своей застенчивой улыбкой, спортивной выправкой и добротой. Пожалуй, доброта была самой примечательной чертой его характера. После той встречи я уже не мог не следить за карьерным ростом Льва Михайловича.

В конце 1966 года по решению ЦК КПСС и Миннефтедобычи Л.М. Кузнецов был направлен на работу в Саратовскую область на должность начальника объединения «Саратовнефтегаз». Там Лев Михайлович приобрел хороший опыт руководства крупным нефтегазовым производством. В 1972 году по инициативе министра В.Д. Шашина его перевели в Москву, в Миннефтепром СССР, где необходим был руководитель Главного управления по переработке нефтяного газа. Одновременно Л.М. Кузнецов был утвержден членом коллегии министерства.

В период, когда заново формировался костяк аппарата воссоздаваемого Миннефтепрома СССР, в Москве собирались высокопрофессиональные специалисты, которые прошли хорошую школу в Татарии. Оттуда были В.Д. Шашин, Р.Ш. Мингареев, Ш.С. Донгарян, Н.А. Мальцев, Н.С. Ерофеев, В.Ю. Филановский, В.И. Грайфер, М.М. Иванова и многие другие. Татарская школа заложила в каждом из них прочный

фундамент из теоретических знаний и практического опыта. К этой славной когорте, безусловно, принадлежал и Лев Михайлович.

Руководителям и инженерам того времени приходилось работать в сложных условиях. Ведь бурный рост нефтедобычи означал не только большой успех. Он породил многие трудности — производственные, технологические, организационные, кадровые и другие. Накопившиеся к концу 1970-х — началу 1980-х годов проблемы требовали своего разрешения.

Сложившаяся к 1978 году обстановка в нефтегазовой промышленности остро поставила вопрос о необходимости укрепления руководства базовыми отраслями промышленности со стороны ЦК КПСС. В аппарате ЦК сектор нефтедобывающей и газовой промышленности был разделен на два подразделения. Нефтедобывающий сектор остался за мной, а во главе нового сектора газовой промышленности и строительства отраслевых предприятий был поставлен В.И. Зубков, с которым мы тесно сотрудничали. Заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС И.П. Ястребов поручил мне подобрать достойную кандидатуру на должность заместителя заведующего отделом по нефти и газу. Это должен был быть человек с хорошим опытом хозяйственной и партийной работы. Я сразу же вспомнил о Льве Михайловиче, который много лет проработал на производстве и в партийных организациях ТАССР. Кроме того, мне импонировали его порядочность, демократичность, взвешенность и неторопливость при решении ключевых вопросов, системность в работе. В результате недолгих размышлений я предложил кандидатуру Л.М. Кузнецова.

Очень быстро я понял, что не ошибся. Лев Михайлович прекрасно знал технические вопросы, технологию производства, следил за развитием научно-технического прогресса в нефтегазовой отрасли. Работая в ЦК, он много внимания уделял совершенствованию управления производства, трудовых отношений, развитию социалистического соревнования. В отрасли стали широко известны его саратовские нововведения, связанные с балльной системой оценки итогов соцсоревнования и учетом коэффициента трудового участия.

Наша совместная десятилетняя работа оказалась весьма плодотворной. Лев Михайлович старался направлять усилия работников

нашего отдела на решение неотложных и важнейших задач, прежде всего — формирование годовых и пятилетних планов, составляемых Госпланом СССР, отраслевыми министерствами, партийными и советскими органами на местах. Много внимания он уделял организации постоянной помощи предприятиям в выполнении плановых заданий по добыче нефти и газа, строительству жилья и социальной инфраструктуры, сооружению магистральных трубопроводов, внедрению новой техники и передовых технологий.

Конечно, темой особой важности для ЦК КПСС была Западная Сибирь. Для развития этого региона были приняты десятки важнейших постановлений, которые готовились с участием аппарата ЦК. Так, уже в ноябре 1978 года по нашей инициативе ЦК КПСС рассмотрел вопросы повышения эффективности использования ресурсов природного и попутного нефтяного газа, а также выполнения ранее принятых решений о развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В ноябре 1979 года рассматривались вопросы повышения эффективности буровых работ. Судьбоносное значение имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 года «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Его приняли после того, как на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС В.И. Долгих остро поставил вопрос о необходимости принятия срочных мер помощи западносибирским нефтяникам. В результате в Тюменскую область были направлены строительные организации от всех союзных республик, Москвы и Ленинграда, ряда промышленных министерств и был сделан большой рывок в строительстве региона.

Контроль за реализацией этого важнейшего постановления был возложен на Отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС. Большую работу по координации этой трудоемкой работы выполнял Л.М. Кузнецов. Высокие темы роста добычи нефти и газа при ограниченных финансовых и материальных ресурсах требовали от всех нас, сотрудников аппарата ЦК, постоянного поиска неординарных, в том числе политических, решений.

В конце 1981 года по нашей инициативе ЦК КПСС рассмотрел вопрос «Об организаторской и политической работе Тюменского обкома партии по повышению уровня экономической работы на предприятиях

Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». В мае 1984 года ЦК КПСС выпустил «тревожное» постановление «Об увеличении ресурсов нефти и нефтепродуктов, экономном и рациональном их использовании». Эти постановления призывали к экономии, бережливости, рациональному использованию нефти и газа, принятию грамотных научно-проектных технических и технологических решений.

Однако трудности в нефтяной промышленности нарастали. В 1984 году впервые за весь послевоенный период в нашей стране было допущено снижение добычи нефти. В 1985 году падение уровня добычи нефти было отмечено и в основной нефтяной житнице — Западной Сибири. Главтюменнефтегаз недодал к плану 33 млн. тонн нефти.

Политическое руководство страны старалось исправить ситуацию. 29 ноября 1984 года Политбюро ЦК КПСС приняло постановление, которое поддержало инициативу Башкирского и Татарского обкомов партии об оказании помощи в наращивании производственных мощностей по добыче нефти в Тюменской области силами предприятий и организаций объединений «Башнефть» и «Татнефть». Это сыграло положительную роль, но не остановило наметившегося падения.

В те напряженные для нефтяников годы делалось все возможное. Трудовые коллективы работали в полную силу и те памятники, что установлены в Татарии, Западной Сибири, Москве и других районах страны, стоят вполне заслуженно.

Большое значение для наращивания добычи нефти в Западной Сибири имела поездка в Тюменскую область в сентябре 1985 года М.С. Горбачева и проведение там партийно-хозяйственного актива.

Подготовка этого мероприятия потребовала от всех министерств, ведомств, Совета Министров СССР и, конечно же, Отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС неимоверных усилий. Надолго нам запомнилась кропотливая работа по подготовке материалов к докладу генсека. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс был назван тогда сердцем базовых отраслей экономики. В докладе были названы сложности и недостатки развития нефтедобычи в этом огромном регионе.

С апреля по сентябрь 1985 года был разработан целый пакет документов по вопросам производства новых технологических установок и оборудования, технического перевооружения предприятий нефтегазового профиля, в том числе строительных и монтажных организаций Западной Сибири.

Эта поездка дала мощный импульс для развития предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири. Были приняты меры к ликвидации отставания Главтюменнефтегаза от плановых заданий. На всех уровнях — от предприятия до ЦК — велась напряженная работа по реализации принятых решений. Большой вклад в исправление ситуации внес назначенный в 1985 году начальником Главтюменнефтегаза В.И. Грайфер. Всем вместе нам удалось повысить эффективность работы всех звеньев власти, министерств, ведомств, предприятий, бригад. И перелом наступил.

В марте 1986 года среднесуточная добыча нефти вернулась на прежнюю отметку — 1 млн. тонн. Как, известно, наибольший успех нефтяников был достигнут в 1988 году — 624,3 млн. тонн, а в Главтюменнефтегазе — 415 млн. тонн.

Работники секторов нефтяной и газовой промышленности ЦК КПСС, которыми руководил Л.М. Кузнецов, вплоть до ликвидации отраслевых отделов ЦК в 1988 г., продолжали упорную борьбу за нефть и газ.

Годы работы Л.М. Кузнецова, с 1978 по 1988-й, были очень напряженными для нефтяников и газовиков страны. Он внес большой вклад в развитие нефтегазового комплекса страны и его заслуги не зря отмечены многими правительственными наградами и почетными званиями.

Вечная ему память!

О моем отце А.С. Эйгенсоне

(продолжение; начало в вып. 20)

С.А. Эйгенсон

В начале марта отец улетел на север, в наркомат за назначением. Летели через Сталинград, и он очень запомнил вид сверху на большой и полностью, до фундамента, разрушенный город. Фронт к этому времени ушел довольно далеко на запад, за Харьков, Краматорск, Ростов-на-Дону, оставив за собой почти миллион квадратных километров выжженной земли.

А.С. Эйгенсон на одной из конференций

Из Москвы он уехал в Молотов (Пермь), один из главных центров Второго Баку. В 1929 году там нашли первую нефть Урало-Поволжья, а в 1936-м начали добычу на Краснокамском месторождении, в 30 километрах от областного центра. Собрались строить большой нефтеперерабатывающий завод, но началась война. В августе 41-го эвакуировали крекинг-завод из Бердянска (тогда — город Осипенко) на Азовском море. Ну, что значит — эвакуировали? Колонны и печи не увезешь, вывезли работников завода, демонтировали какие-то насосы и измерительные приборы, забрали приготовленные для ремонта (лето же!) трубы и оборудование, кое-какие реагенты. А остальное взорвали, чтоб не доставалось врагу. Привезли личный состав и матценности на берег Камы и начали строить завод, т.е. для начала пилить и корчевать лес на площадке и параллельно проектировать. Люди кое-как поместились в бараках и в избах у местных мужиков.

Александр Сергеевич сначала полгода проработал начальником техотдела Молотовнефтекомбината, которым руководил его старый бакинский знакомый, знаменитый буровик Эйюб Измайлович Тагиев. Рядом начальником отдела бурения был «Шурёк», его двоюродный брат Александр Генрихович Эйгенсон. Совпадение имен и фамилий вызывало некие ... ну, скажем, необычности. Тагиев, чтобы не писать все подробно, стал экономно ставить на бумаге «АС» — если она касалась переработки и должна попасть к Александру Сергеевичу, или «АГ» — если дело было о бурении и исполнителем должен стать Александр Генрихович. Через некоторое время начальник, совсем «обнаглев», стал просто писать: «С» или «Г» — ограничиваясь, как видите, инициалами отчеств.

Да и со стороны. Однажды у отца зазвонил телефон. «Кто говорит?» — «Папанин». Тот самый, с Северного Полюса. В это время он

уже не в палатке на льдине, а служит начальником Главсевморпути и уполномоченным Государственного комитета обороны по перевозкам на Севере. Отец «обалдел», но и сам представился: «Эйгенсон». — «Тебя-то мне и надо! Тебя ведь Шурой зовут? Слушай, Шура, мне нужно для Севморпути одну вещь. Одну, всего одну буровую установку!» — «Но у меня нет таких вещей, Иван Дмитриевич». — «Всего одну! У тебя таких много, я знаю!» И со всем своим грубоватым обаянием навалился по проводу. Еле-еле удалось ему внушить, что хотя он и Эйгенсон, и, действительно, Александр — но другой человек и из другого отдела, помочь не может. Понял и бросил трубку, но дяде Шуре почему-то не перезвонил. Может, нашел где-то в другом месте или отпала потребность.

Через полгода отца назначили директором того самого строящегося завода. Он переехал в Краснокамск из гостиницы-«семиэтажки» в областном центре. НПЗ к этому времени уже работал, принимал нефть, давал бензин и мазут, но работы было еще невпроворот. Кто строил? Частью эвакуированные из Приазовья работники, частью местные, частью подневольные спецпереселенцы и трудармейцы. Работа, конечно, тяжкая, особенно с учетом северо-уральского климата. Отец написал потом для заводского музея небольшие воспоминания, цитату из которых недавно привела пермско-лукойловская газета «Пермская нефть» (http://permneft.lukoil-perm.ru/article.php?idissue=142&idarticle=2584&): «Над дымящейся паром от мороза водой виднелись силуэты слесарей. Над ними по бровке ямы бегал усатый Крыласов с бидончиком спирта. Время от времени он «взбадривал» из кружечки неутомимых и безотказных тружеников. Щеткин и Бутолин в «ледяных доспехах» (нам смотреть страшно, а они не замечают) торопились восстановить нормальную работу трубопровода и завода. Каждый в то время не мог не быть патриотом, готовым пожертвовать всем для фронта, для Победы».

Мой папа вообще тогда впервые увидел настоящий метровый снег, сугробы, метели и прочие российские «прелести». Ни в Армавире, ни в Баку ничего подобного не водилось, а довоенные командировки в Москву и Ленинград тоже дать хорошее представление не могли. Он, кстати, и теперь несколько раз съездил в Москву, по тем же делам с авиабензином. Новый нефтяной нарком Седин, тот самый, который

его извлек из зубов бакинских органов, включил Эйгенсона в состав спецгруппы по увеличению объемов производства высокооктановых бензинов. Во время одной из московских командировок они жили в одном номере с его знакомым, очень им почитаемым человеком, знаменитым физико-химиком Андреем Фростом. Писали некий документ для наркомата (и далее, судя по всему). Ну, выпили потом, что Бог послал в суровых военных условиях. Фрост несколько разошелся и стал громко сообщать своему соседу и коллеге: «Тут, в гостинице «Москва», и стены имеют уши!» Отец пытался его урезонить, но без большого эффекта. Еще запомнились пустые, почти без транспорта, московские улицы и французы, летчики из эскадрильи «Нормандия», которые вечером, на такой вот безмашинной улице Горького играют в чехарду, прыгают друг через друга.

Во время одной из таких поездок к нему подошел узнаваемый по газетному фото подполковник, прославленный «Красной Звездой» и «Правдой» как «капитан Симонов». Он попросил присмотреть за отправляемой в том же вагоне в Москву мамой. С этого момента началось знакомство со знаменитым советским поэтом, которого отец всю жизнь глубоко уважал и считал за очень крупного писателя. Они потом несколько раз отдыхали вместе в Кисловодске, и для отца это было истинным праздником.

Вернемся в Краснокамск. Разумеется, тут была та же анархия снабжения, как и при строительстве бакинского завода взрывчатки. Ну, как говорится — «Для этого вас здесь и держим». К примеру, тут же в городке громадный целлюлозно-бумажный комбинат. Лесу у него — море, может поделиться этим главным для Приуралья стройматериалом. А на НПЗ бывают ситуации, когда какие-то налитые нефтепродуктом цистерны оказываются «больными», текут. Положено в таком случае, не глядя ни на какие разнарядки, сливать содержимое, чтобы только не пропало. Куда — решает железная дорога или, в данном случае, руководство НПЗ. В общем, все живут и дают жить другим. Но на ЦБК появился новый директор, который начал самоутверждаться. В частности — отказал соседу в сверхлимитном лесе. — Не положено! Что тут докажешь? Действительно — не положено.

Оказалась «больная» цистерна. Слили, как и раньше, у бумажников, но не в «подарок», а записали в счет разнарядки. Потом еще раз

и еще. Вскоре от них приехали за положенным по плану. — Все, товарищи! Вы свое на этот квартал выбрали. Вот документы, вот и вот. — А как же ...?! — Не положено, спросите у своего директора. Тот туда-сюда. Оказалось, что у палки два конца. А у его «эмки» нет бензина съездить в областной центр. «Повинился», дал лесу, дальше жили как нормальные соседи.

Бред, конечно. Как говорится: «Вот Вы говорите — не может быть!» И я говорю — «Конечно, не может быть. Но — было».

Все давалось тяжело. И вся большая Победа, и конкретные достижения на конкретном заводе. Вот мы упомянули о местных кадрах на этом строительстве. А большую часть из них составляли 15-летние мальчишки, выпускники здешнего ФЗУ. Отец вспоминал, что как-то раз проходил мимо насосной, а оттуда какой-то смех, в общем, — непроизводственные звуки. Зашел, а там стояли паровые насосы, такие, где общий шток в паровых и гидравлических цилиндрах. Очень надежная штука, между прочим. Я видел такие на московском «Нефтегазе». Им было чуть ли не сто лет, а главный инженер не хотел их менять. Штоки на этих насосах ходят взад-вперед, а мальчишки-слесаря на них катаются и веселятся. Дети же! И притом, работающие по двенадцать часов в сутки, как и все.

Еще кадры поставлял НКВД. Этим, конечно, было тяжелее всего. Одним из самых больших отрядов были немки-спецпереселенки из Поволжья и других областей. Одна из них оказалась отцовой старой знакомой.

Эта история началась в середине 30-х в Баку, где одной из ярких дам в его компании была некто Женя, по прозвищу почему-то «Коварная маркиза». Работала она лаборантом в их же НИИ. Общались на вечеринках, ходили всей компанией в театр, филармонию. Одним словом — «наш круг». А тут идет он утречком пешком из своего коттеджа на завод, а мимо гонят колонну. Грязные, конечно, оборванные. Вдруг одна подбегает к нему и говорит: «Вы меня не помните, Александр Сергеевич. Я — Женя!» Ну, вспомнил. Действительно, она — немка, а по тому времени это уже состав преступления. А что он может? Она уже в колонну вернулась, он пошел к себе на завод. В ближайшие дни выяснил — где, что и как? Вскоре их энкавэдэшник начал жаловаться, что-де «кадров нету», некому

кальки снимать. «Так ты ж сам своих не знаешь, — начал отец. — Я по Баку знаю одну из твоих немок, вполне грамотная девка и с кальками справится. А у тебя лопатой машет со всеми». Следующий раз он ее видел уже более или менее прилично одетой, на той самой копировальной должности. С жильем тоже как-то как бы само устроилось. Все же не в бараке.

В следующий раз он ее увидел лет через десять в знаменитом кисловодском ресторане «Храм воздуха». Сидел-ужинал, а тут вошла шумная компания, в центре которой блистала дама — та самая. Делая заказ, она достаточно сурово отозвалась об умственных способностях «кавказских аборигенов». Отец доел, а проходя мимо их стола, наклонился и сказал: «От Вас, Женя, я этого не ожидал».

К чему я об этом? Скорей всего к тому, что в прошедшей кровавой и изнурительной истории страны есть, конечно, абсолютные жертвы и абсолютные палачи, но гораздо более тех людей, которых судьба выносила на позиции, где либо они давили, либо давили их — как уж сложится, независимо от них самих.

Еще одна бакинская история имела продолжение на берегах Камы — это история изобретателя Приземного. В начале этой истории в АзНИИ раздался звонок из ЦК компартии Азербайджана. Голос в трубке властно требовал прекратить зажим и волокиту в рассмотрении предложений этого новатора. Начали выяснять — кто такой? А никто не знает. А ЦК-то надо отвечать. Не детский сад! На счастье, пришел назавтра в институт большой конверт с этими самыми предложениями. Это, значит, он одновременно отправил по почте свою инновацию и жалобу с мудрым предвидением о зажиме со стороны «институтских консерваторов». Но не учел, что письмо в ЦК с почтамта полетит, как птица, а в институт может и немного отстать.

Смысл новации заключался в разработке ректификационной колонны не вертикальной, как у всех, а горизонтальной. От этого обещались большие выгоды, в первую очередь в смысле противовоздушной обороны (тогда был такой пунктик в проектировании). Действительно, торчат и демаскируют. Видели когда-нибудь? В принципе можно разделить колонну на секции, скажем, в каждой одна тарелка. И составить их рядком на земле. Никакого «торчания». Единственная проблема в том, что в обычной колонне противоток жидкости и газа получается ав-

томатически — легкий газ стремится вверх, тяжелая жидкость течет вниз, по пути контактируют и обмениваются компонентами. А тут движение газа в нужном направлении сделать не проблема — он сам пойдет туда, где меньше давления, в голову колонны, а вот жидкость в каждой из наших массобменных ячеек придется отбирать снизу и отдельным насосом перекачивать вверх следующей ячейки. Оч-ч-ч-ень сложно, ненадежно и дорого! В общем, идея старая, о чем данный изобретатель, конечно, не подозревал, но нереализуемая. Мертвая.

О чем, конечно, институтские «спецы» сообщили автору при последовавшей встрече, оправдав его мудрое предчувствие насчет консерватизма и «зажима творческой мысли». Но избавиться от него, однако ж, не удалось. Была у него где-то наверху «рука», то ли в НКВД, то ли в ЦК. И слух, что это чуть ли не новый союзный нарком товарищ Берия. Да мало ли таких работ? Вот у нас в институте ВНИПИгазпереработка в 70-х годах всерьез тратились время и деньги на разработку «газоперерабатывающего завода с диаметром, равным диаметру газопровода». И компрессора, и холодильники, и все аппараты — одним диаметром. Сколько я не пытался дознаться у ученых и проектировщиков, занятых в этом деле, зачем оно вообще нужно — без результата.

Плетью обуха не перешибешь. Пришлось институтским тратить на «новатора» время и силы. Он приходил с новым вариантом — ему объясняли, почему это — чепуха. Он внимательно слушал, записывал и в следующий раз уже старался использовать вновь освоенные слова и выражения. Еще время от времени «постукивал» наверх о продолжающемся зажиме его творческой мысли со стороны ученых, вызывая новые «накачки» сверху. В общем, вся эта эпопея без особых результатов протянулась до начала войны. А далее А.С., как упоминалось, ушел строить завод взрывчатки и более о Приземном не слыхал.

Прошло время. Отец еще не директор, но уже начальник отдела Молотовнефтекомбината. Приехал на завод, там, в углу территории какое-то сооружение. — Что это? Ему объясняют, что установка «товарища Приземнова». Оказалось — тот самый, только две буквы себе в фамилии успел руссифицировать. И все с таинственным видом намекают, что товарищ Приземнов имеет очень-очень высокое, московское покровительство. Пришлось отцу опять продолжать свои бакинские мытарства

с этим «изобретателем». Пытался избавиться, но местный энкаведешник ему сказал, что этого делать не надо. Времена такие — не заспоришь. Вообще же у «изобретателя» было в городе два могущественных покровителя — уполномоченный НКВД и еще горвоенком.

Самый изобретатель, увидев старого бакинского знакомого, выразил большую радость и «надежду на успешную совместную работу», но ответной любви не встретил. Впрочем — выгнать его не выгнали, не по силам, он продолжал что-то сооружать, появляясь у директора завода только с требованиями: слесарей, материалов и прочего. Конечно, приходилось отрывать.

Вдруг с одним из его покровителей случилась катастрофа. Горвоенком провел всю войну в стратегическом тылу и у него, что бывает с тыловиками, накопилась большая нереализованная ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Будучи под большой мухой за рулем казенного виллиса, он въехал в колонну немецких пленных. Подавил людей. Трибунал, разжалование, штрафбат. Новый военком стал разбираться в делах и, среди прочего, обнаружил, что военнообязанный Приземнов четвертый год тихо уклоняется от призыва. Забрали — и под суд. Никакие намеки на «руку» не помогли.

А жизнь продолжалась, завод строился. Среди прочего у Александра Сергеевича сменилось семейное положение. Он же был, если помните, разведенный. Жил один в коттедже, по совету «аборигенов» посадил под окнами брюкву, по-местному — калегу. Она возьми и неожиданно вырасти. Пермяки калегу парят в русской печи, в перевернутом горшке, заткнутом соломой. Кавказец Эйгенсон этого не умел, но строгал сырую, как салат. Все-таки витамины. Тут приехал в Молотов замнаркома (потом нарком) Байбаков. Проводит совещание. А секретарша у Тагиева заболела. Ее заменяет Мита Кузьминых из техотдела, местная коренная пермячка. Байбаков ее спрашивает: «Как Вас зовут, девушка?» «Маргарита Александровна!» Все начальнички так и грохнули: Маргарите Александровне-то двадцать один год от роду, а выглядит еще моложе. В общем, отец положил глаз, после совещания пригласил на футбол, потом проводил. Короче — влюбился. И в мае 45-го в этот самый коттеджик она вернулась с кулечком из роддома.

В марте 1946-го наркомат был разделен на два, теперь уже министерства. А отца вызвали в Москву, чтобы работать заместителем на-

чальника техотдела Главнефтепереработки новообразованного Министерства нефтяной промышленности восточных районов. Обещали жилье, в коммуналке, конечно, но с перспективой на улучшение. По факту, когда они с мамой приехали, оставив меня у деда с бабкой в Молотове, оказалось, что жилье не в Москве, а деревянная летняя министерская дача в Томилино, чуть ли не та, на которой ночевала Фаня Каплан перед поездкой на завод Михельсона. Без теплых сортиров, газа и прочих удобств.

Тут отца услали в длительную командировку на Дальний Восток, на строительство Комсомольского НПЗ. Летели три дня на «Дугласе». По пути отец от нечего делать переводил английские надписи самолета, в том числе — на бачке с антиобледенительной жидкостью, которой в годы Второй мировой войны был, как понимаете, этиловый спирт. Было там обозначено, что перед посадкой этот бачок надо опорожнять. Это сообщение крайне обрадовало экипаж. Собственно, они и раньше так делали, но нынче впервые узнали, что действуют строго по инструкции изготовителя.

В Комсомольске-на-Амуре оказалось, что основная рабочая сила — это японские военнопленные. Причем, в отличие от немцев, попадавших в советский плен в ходе боевых действий, то есть «россыпью», части Квантунской армии сидели в своих гарнизонах на месте всю войну, дожидаясь августа 45-го и Красной Армии. Так что сдавались и содержались в плену они с сохранением своей структуры. Под Комсомольском, в лагере содержалась целая японская дивизия во главе со своими же командирами и генералами, только что над ними были советские начальники. Эти японцы и работали, но работали, по мнению своих советских хозяев, слабовато. Когда этот вопрос обсуждался нашим руководством с участием японских командиров, то комдив, виновато улыбаясь, сказал: «Конечно, так и должно быть. Потому, что наш солдат любит «ласку». Если офицер его «приласкает» — он все делает намного лучше. А вы же запретили». Ну, официально разрешить самураям применять телесные наказания или хоть просто бить своих солдат — это было невозможно. Но договорились, что советские политвоспитатели и строительные начальники будут смотреть в сторону.

Вернулся отец осенью в Москву, а мама вся в слезах от этого дачного житья. Да и работа в министерских коридорах — согласования и

визирования — на любителя. Реального влияния на техническую политику не получалось. Отец стал довольно скоро проситься из министерства в провинцию, на конкретную работу в одном из районов Второго Баку. Подавал заявления министру. Министром был старый бакинский знакомый Евсеенко, парттысячник, выпускник Азизбековского института, назначенный сразу, в 1936 году, управляющим трестом. Он отказывал. Все это могло бы продолжаться очень долго, но помог случай. Началась очередная партийная кампания. Министр выступил на партсобрании с призывом шире развертывать большевистскую критику и самокритику, невзирая на лица. Коммунисты стали выступать, но без энтузиазма, жизнь ведь завтра не заканчивается. Тут встает замначальника технического отдела и начинает говорить про какое-то распоряжение министра, по его мнению, не особенно умное. Прямо так, по-большевистски. Все так внутренне и ахнули. Следующее заявление на уход уже было подписано. Евсеенко был умным человеком, специалистов уважал, но и протестанта иметь в аппарате не хотел. Александр Сергеевич уехал в Уфу.

Столица Башкирии уже была заметна на карте советской нефтепереработки, а предстояло ей звездное будущее главного центра отрасли. Отцу хотелось создать тут научную организацию, которая могла бы полностью обеспечить любые потребности существующих и будущих заводов. Сначала он пробыл четыре месяца начальником центральной заводской лаборатории 417-го завода, т.е. «старого» Уфимского НПЗ, потом перешел в только что организованный институт УфНИИ главным технологом, потом стал заместителем директора.

Этот институт существует и сейчас. Он занимается бурением, добычей нефти, повышением нефтеотдачи, а тогда несколько лет в нем был и отдел переработки. Отдел этот сразу был не очень связан со всем институтом, даже и географически. Уфимский нефтяной НИИ находился в центре Уфы, на улице Ленина, а отдел переработки сразу «поселился» в двадцати километрах оттуда, в городке нефтепереработчиков и авиамоторостроителей Черниковске, рядом с 417-м заводом. Мы и жить стали недалеко, в Соцгороде, в роскошном по тем временам доме, известном тогда, как «Гэ-один», а позже как «Индийская гробница».

В этом же доме жило много черниковских нефтяных и строительных начальников, в том числе новый отцовый приятель, директор

строящегося Новоуфимского завода Борис Майоров. Я смутно помню, как они, на радость и развлечение всем обитателям дома, перекликаются с балконов, приглашая друг друга на завтрак после первомайской демонстрации. И совсем хорошо помню встречу Нового, 1951-го, года у Майоровых, с елкой, на которой было два вида украшений — мандарины и водочные чекушки.

Веселились нечасто. Отец много работал. Помощь заводам, создание нового, отдельного, нефтеперерабатывающего института, лекции в недавно созданном Уфимском нефтяном институте. Студенты его и побаивались, и любили. А он всю жизнь гордился успехами своих выучеников, как например известного нефтехимика Равгата Масагутова.

Намекнули, что пора бы защищать диссертацию. В 1949-м Александр Сергеевич собрал свои текущие работы по защелачиванию бензина из высокосернистых башкирских нефтей и повез защищать в Москву, в головной институт отрасли ЦИАТИМ (будущий ВНИИ НП). Остановился он у своего вузовского приятеля Петра Ильина, работавшего в Кремле референтом Председателя Совета Министров, сами понимаете — кого. Они очень дружили всю жизнь, до ранней смерти Ильина.

А.С. Эйгенсону надо было сдавать экзамен кандидатского минимума по специальности. Пришел он к циатимовским корифеям, сели напротив друг друга. Непонятно, что же спрашивать? Не студент, не аспирант, специалист «ихнего» же уровня. Наконец кто-то спрашивает: «Вот скажите, если взять средний газойль каталитического крекинга — можно ли его использовать как дизельное топливо?» — А черт его знает! В СССР каткрекинга еще нет, о свойствах такого газойля можно только прочитать в «Ойл энд Гэз». — Вроде можно. Но надо бы знать то-то, то-то и то-то. Экзаменаторы покачали головами, дескать, надо бы знать, но экзамен, конечно, засчитали. Вечером отец вернулся к Ильину, рассказал. А тот — в хохот. «Мы, — говорит, — им этот вопрос третий год задаем, не могут твердо ответить. Они думали — может, ты знаешь!»

Отец защитился, вернулся домой, работает. Жизнь у него пошла совсем хорошая и интересная. И начальство уважало. На выборах в местные советы 1953 года его выдвинули депутатом Черниковского горсо-

вета. Он был в командировке в Ленинграде, зашел к своему кузену, известному астрофизику Морису Эйгенсону — так тот просто не поверил насчет депутатства. Сами знаете про конец зимы 53-го, люди с такими фамилиями более собирали теплое белье для поездки в Сибирь. Прошли выборы — и почти сразу умер Вождь. Отец, как и все, очень горевал. Но когда я запуганный школьными разговорами, спросил его: «Папа, что же теперь? Враги-американцы нападут на нас, раз Сталина нет?» Он меня утешил «У товарища, — говорит, — Сталина остались ученики и соратники — товарищ Молотов, товарищ Маленков, товарищ Ворошилов. Будут продолжать руководство. Не бойся!»

Уже после смерти Вождя и реабилитации «врачей-убийц» наехала и на него «национальная политика». Дело было так. Последние два года при жизни Сталина министром государственной безопасности был Семен Игнатьев, из партработников. Он-то, собственно, и раскручивал это и другие дела того времени. После смерти Хозяина эти ведомства забрал Берия, а Игнатьева назначили первым секретарем в Уфу, где он уже поруководил во время войны. Через месяц после его назначения отца вызвали в Черниковский горком, как и других руководящих евреев городка (например упомянутого директора строящегося Новоуфимского завода Майорова). Там им сказали, что их долг, как коммунистов, подать заявление на увольнение. Все подали, были переведены на должность собственных заместителей и продолжили работу. Через какое-то время весть об этой самодеятельности башкирского обкома дошла до Москвы. Главный игнатьевский враг Лаврентий Берия к тому времени уже закончил свой бурный жизненный путь, но инициатива Игнатьева не была одобрена и все вернулись в свои кабинеты.

Отец же, с его верой в Партию и Советскую власть пережил это очень трудно. Чуть с ума не сошел. В собственные замы он не пошел и жил техническими переводами с английского из «Oil & Gas Journal»и других специальных журналов. Мама, правда, говорила, что эти месяцы, без отцовских разорительных командировок, были самыми денежно-обеспеченными. Меня в эти дела не посвящали, но вот тома журналов с латинскими буквами и роскошными картинками, разбросанные на столе и по полу, я помню хорошо.

Все утряслось. Отец снова работал в УфНИИ. Ночью 20 января 1954 г. раздался жуткий взрыв на 417-м Уфимском НПЗ, всего в по-

лутора километрах от нашего дома. У нас и в соседней школе многие окна повылетали. Погибло сразу 33 человека, тушили пожар двое суток. Как будто, если я понимаю правильно, дело было в пирофорном железе на внутренней поверхности газового резервуара. Но тогда это было все очень секретным, в духе времени. Хотя как такой ужас скроешь? Завод, конечно, мертво встал. Вот в эти дни рано утром, еще до того, как мне идти в школу, пришел к нам Яков Григорьевич Соркин, который работал тогда в объединении «Башнефтехимзаводы» и они с отцом что-то очень громко обсуждали. Потом я понял, что отца обком поставил главным инженером на развалины 417-го завода, чего он не очень хотел.

Он проработал там больше двух лет. Кстати, директором туда назначили его старого знакомого Аренбристера. Отец потом говорил, что почти сразу категорически запретил тому рассуждать с сотрудниками завода на технические темы. Это, наверное, и к лучшему. Дядя Сева — человек хороший, но по профессии он — «начальник широкого профиля». Сразу после вуза он попал на нефтепровод Баку — Батуми комсомольским секретарем. Работали они хорошо. Я это знаю по тому, что завод восстановили, а еще по тому, что спустя много лет, когда я сам работал, какой-нибудь немолодой оператор или слесарь, узнав, чей я сын, тут же просил поклониться Александру Сергеевичу «от Марата с АВТ» или «от Гриши-электрослесаря». Чувствовалось, что уважают. Это бывает нечасто. Кстати, зашли мы в ту пору с родителями как-то в заводской клуб, там висела стенгазета с шутками про видных на заводе людей. Про Эйгенсона было написано: «Любит шутить, но не любит шуток». Мне в мои десять лет это запомнилось.

После истории с товарищем Приземным(овым) к изобретателям и рационализаторам отец относился с некоторым сомнением. Хотя новая техника и бюро по рационализаторству и изобретательству (БРИЗ) относились к его епархии. Он не был против патентного права, но полагал, что создание новой техники — дело очень серьезное, а среди новаторов с улицы много «шпаны». В связи с этим он иногда приводил историю с самым коротким рацпредложением, которое подал в то время один трудящийся 417-го завода, ни много — ни мало — «повысить октановое число бензина, выпускаемого на установке «Луммус» на два пункта». В записке описывалось, как было бы

хорошо, если бы это удалось сделать и какие бы вышли показатели у завода. Вызвал отец трудящегося и спрашивает: «Ну, хорошо, а как поднять на два пункта? Тут не описано». «Вы — инженеры, вот и решайте, что и как должно быть устроено», — ответил «изобретатель».

Совсем же неприличными отец считал рацпредложения тех, кто по службе обязан заниматься техническим прогрессом. Например — рацпредложения от главных инженеров и директоров. За ним такого никогда не водилось, и он с возмущением говорил об одном из черниковских «главинжей», у которого это дело было поставлено на поток.

Времени на меня и моего младшего брата за всеми этими производственными делами оставалось немного. Но когда было, отец старался как-то развивать нас. Я помню, как он был доволен, когда я разумно объяснил, почему окрашенный след от таблетки хвойного экстракта в ванне идет не от того места, где в ванну падает горячая вода из крана, а в противоположную сторону, к крану. Горячая-то вода идет поверху в дальний конец ванны, а оттуда возвращается чуть остывшая понизу назад к крану.

Надо сказать, что определенный вклад в мое развитие вносил и дядя Шура, Александр Генрихович. Он тоже перебрался в Башкирию, работал в Октябрьске главным инженером бурового треста. Наезжал иногда к нам. Как-то он меня очень серьезно экзаменовал по части технических и научных знаний. Не сумел я тогда ответить на вопрос: «В чем разница между бензином и керосином?» — и очень почувствовал себя опозоренным.

Все-таки с завода отца опять тянуло в лаборатории. Наконец, весной-летом 1956 года, его мечта исполнилась. Миннефтепром издал приказ о создании Башкирского научно-исследовательского института по переработке и назначении директором этого института Эйгенсона А.С. Он проработал в этом институте с перерывами семнадцать лет и это, конечно, — главная работа его жизни. Правда, тут он чуть не попал совсем в другом направлении. И виноват был, в общем-то, сам. Еще когда он работал в УфНИИ НП, пришла им разнарядка на посылку сотрудников в Давлекановский район на уборку картошки. Ну, сами знаете, как это бывало — полулагерные условия жизни, копание в грязи без особого аграрного результата, все, кто может, добывают медицинские освобождения. А Александр Сергеевич предло-

В Башсовнархозе, 1962 г.

жил совсем сделать по-другому и его предложение приняли и горком, и давлекановские районщики. Они выехали всем отделом переработки, человек пятьдесят, на местном поезде. Отдельно поехали две машины с продуктами, кухней и палатками. За два дня все сделали и с триумфом вернулись.

Вскоре отец стал директором. К нему пришли из отдела переработки УфНИИ и из других мест бывшие бакинцы М. Черек и Дора Осиповна Гольдберг, бывший ленинградец Миткалев, грозненец Красюков, москвич из ЦИАТИМа Вольф, местный кадр Евгения Ивченко, недавний выпускник Нефтяного Масагутов и вчерашние выпускники — Берг, Иоакимс и другие. Объем работы сразу был большой — и исследование нефтей, и коксование, и каталитические процессы, и решение текущих задач башкирских заводов и многое другое. Отец, это было видно даже ребенку, «горел» на работе, учил молодых, подавал идеи, руководил самыми важными работами. Многие работы, которыми позже был славен БашНИИ НП, начались именно в этот пионерный

период и делались по началу «на коленке». Об этом коллеги написали в сборнике, выпущенном к 45-летию института, да и устно вспоминали.

Начальственная мысль, однако, рассудила через два года «в целях укрепления» поставить директором В.С. Акимова, главного инженера Новоуфимского НПЗ. А Эйгенсона перевели замом по научной части. Почему и как — не мое дело. Возможно, поэтому он без возражений перешел в сентябре 1959 г. в Башкирский совнархоз начальником производственно-технического отдела.

К этому времени у него произошло одно, довольно редкое по тем временам, приключение. Он съездил в Брюссель на выставку. Тогда в Бельгии проводилась первая послевоенная всемирная выставка. Все блеснули, чем могли. У нас, конечно, главный хит — спутник. Но и автомобили, самолеты, вертолеты принесли кучу медалей. Вообще, эти вот годы, «вокруг XX съезда», как мне кажется, венец Советского периода, самое его Золотое время, вершина реализации потенциала страны. А кроме экспонатов Советское правительство и лично Никита Сергеевич вдруг удумали послать на выставку еще и посетителей. Набрали по всей стране руководителей, специалистов, ученых достаточно высокого служебного уровня — и послали два теплохода в Антверпен. Там в каютах они и жили, а в Брюссель их возили на арендованных автобусах, заодно показывая Бельгию — Гент, Брюгге, уленшпигелевский Дамме.

Рейсы эти повторяли, пока не закончилась экспозиция, так что с выставкой познакомились многие тысячи руководящих советских кадров. На отца эта «заграница» произвела большое впечатление. Он наснимал с десяток пленок, потом мы всей семьей рассматривали фото с Атомиумом, крепостными стенами и монашками на велосипедах. Помимо прочего, он вдруг обнаружил, что может понимать и объясняться по-французски. Сказались занятия с бонной в детские годы, хотя много лет он полагал, что этот язык забыл напрочь.

Вернулся, работает в совнархозе. Это время можно, кажется, отнести к его лучшим периодам жизни. Предсовнархоза был Степан Иванович Кувыкин, бакинский буровик, потом многие годы начальник «Башнефти». Отец его всю жизнь глубоко уважал, после его смерти и до смерти отца фото Кувыкина с надписью стояло на отцовском столе. Сколько понимаю, уважение было взаимным. Отца сде-

лали членом совета народного хозяйства, и его мнение было очень авторитетным.

Надо сказать, что и первый секретарь обкома Зия Нуриевич Нуриев тоже очень считался с Александром Сергеевичем, советовался с ним. Эйгенсон стал членом обкома партии. Отец полагал, что это в большой мере началось после его выступления на некоем республиканском совещании, где шел разговор о подготовке местных национальных научных кадров. Высказывались мысли о том, что поскольку башкиры — угнетенная в царское время национальность, не имевшая к 17-году вообще никаких научных кадров, то и нужны для выходцев из коренного населения скидки — упрощенная система сдачи кандидатского минимума, пониженные требования к работам и вообще «царский путь» к вожделенным кандидатским и докторским дипломам.

Оно по факту ведь так и было в национальных республиках, посмотрим правде в глаза. Откуда и идет милая шутка про «кандидата киргизских наук». Но тут люди хотят это уже ввести в виде закона. Некоторые выступающие это дело поддержали. Дошло дело до Эйгенсона. Он сразу сказал, что все это — чепуха, которая только повредит формированию национальной интеллигенции, что тут получатся «кандидаты наук второго сорта», что это будет очень унизительно для республики, что он может привести примеры очень качественных ученых татар и башкир из числа своих учеников. И привел. Его поддержал новый, недавно сменивший того самого Игнатьева, руководитель республики — Зия Нуриев. Ну, а народ и партия — едины! Теперь уж поддержали все. Тем более, про Александра Сергеевича знали, что он — чуть ли не единственный из приезжих, который старается понимать, когда при нем говорят по-башкирски или по-татарски. Тут, конечно, помогал его азербайджанский.

Отец много ездил по республике. Иногда эти поездки на легковой машине были просто опасны. Ну, например, в Белорецк через зимние уральские перевалы на тамошний металлургический комбинат. Это, надо сказать, было уникальное предприятие. Выпускал он не «чушки» и прокат, как все, а экзотику — часовые пружины, легированную проволоку, металлокорд для шин. Вот с часовыми пружинами вышел у отца «облом». Он насмотрелся, как девушки в этом цеху скручивают пальцами пружины перед отправкой на часовые заводы — и пожалел

их. Нашел по справочникам и журналам простой автомат для навивки и привез чертежи в Белорецк, показывать тамошним директору и главинжу. Думал открыть им свет в конце тоннеля. А они взмолились: «Не надо!»

Почему? Боялись социального взрыва, который при социализме, конечно, невозможен, но от этого не менее опасен. Эти самые девушки, как они объяснили — самые завидные невесты Белорецка. За навивание пружин платят, и платят очень хорошо. Вот девушки и стараются. Останутся без работы — как бы не взбунтовались и бузу не устроили. А экономика, себестоимость?! При общественной собственности на средства производства это все оказывалось не так важно.

Но во многих других местах отцовы советы производственникам и проработки при строительстве новых объектов шли очень хорошо. Он ведь, хоть и специалист по переработке нефти, а знаний в вузе получил много и по другим инженерным дисциплинам. Что, собственно, для главного технаря совнархоза и требуется. Например, он долго придумывал, как высушить огромную кучу бурого угля в Кумертау, пока не додумался до использования поверхностно-активного вещества. Хотя именно нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия были основой совнархозовской индустрии. Оборонка-то им не подчинялась. В общем, отец справлялся с делами хорошо.

В 1961-м его послали в длительную командировку в Британию. Внешторг покупал у «Эмпириал Кемикл Индастриз» несколько заводов по производству полимерных волокон, в том числе известный Могилевский. Отец поехал как эксперт, провел в Лондоне месяца три. Я в прошлом году был на площади Тэвисток-сквер, видел Тэвисток-отель, в котором он жил. Тоже была для него очень познавательная поездка, многое понял о мире, что, впрочем, его большевистскую твердокаменность не разрушило. По возвращении он несколько раз в большой аудитории рассказывал о своих впечатлениях, в том числе и у нас в школе. Имел успех. Он, вообще, был великолепным рассказчиком и очень обаятельным человеком. Я уж старался не водить своих девушек домой, чтобы они не сменили прицел.

Но и дома, конечно, рассказам конца не было. Лондон все же! Среди прочего до сего дня запомнилась история, как их пригласил к

себе в недавно приобретенный замок вице-президент ICI, коренастый веселый и, конечно, рыжий ирландец. Вечер, они у камина, хозяин предлагает выпить и спрашивает — кому что? Папа мой сходу отвечает: «Джин-энд-тоник». Дворецкий, который и собирает пожелания, несколько замялся и сказал, что «попробует найти». Отец никак не предполагал дефицитности джина либо тоника и, когда батлер ушел за напитками, спросил у хозяина причину заминки. Тот сразу ответил: «Джентльмены после обеда джин не пьют». И продолжил: «Впрочем, и так было ясно, что вы не джентльмены».

Ну, сами понимаете «суровую» долю советского человека за границей. Отец внутренне сгруппировался, пришел в состояние готовности к отпору антисоветским провокациям и выпадам, а капиталистическая акула, улыбаясь, разъясняет: «Вы же не можете быть джентльменами, если вы гости у меня-неджентльмена. Замок-то я купил недавно у лорда Имярек, и дворецкий мне достался по наследству от него. Я постоянно замечаю, что он просто кипит от моей неаристократичности и от демократического круга моих гостей и партнеров». Ну, отлегло!

Однако, всему хорошему приходит конец. Пришел конец и работе в совнархозе. Весной 1963-го совнархозы еще не закрывались (это произошло еще через полтора года). Но они реорганизовывались — сливались Татарский, Башкирский и Куйбышевский совнархозы в один большой Средне-Волжский. Председателем назначали известного нефтяника-буровика, старого знакомого отца, который пригласил последнего в Куйбышев на должность начальника производственно-технического отдела. Отец отказался. Он уже к тому времени «прирос» к Башкирии, к Уфе. Да и хотелось вернуться в созданный им НИИ.

Акимова перевели директором на Черниковский НПЗ, а оттуда он вскоре уехал в Москву, а Александр Сергеевич вернулся в институт. Было это в марте 1963-го, и мы почти сразу переехали из старой части Уфы, где жили, когда отец работал в совнархозе, назад в Черниковск, который тем временем стал частью города Уфы. В этой квартире отец уже жил до своей смерти.

У нас дома все более или менее вышло на стационарный режим. Конечно, у отца на это не очень хватало времени, особенно из-за командировок. Вела дом мама, и она же занималась большей частью воспитанием детей. Когда же отец проводил вечер в кругу

А.С. Эйгенсон (крайний слева) на VIII Московском Международном нефтяном конгрессе, 1971 г.

семьи, то иногда, чем позже, тем реже, мы все сидели на диване — мама, папа, я и младший брат Митя, рассуждали о чем-нибудь, а то и пели песни. Ну, в основном, из сборников и радиопередачи «Запомните песню», «Шумел сурово брянский лес», «Шли по степи полки со славой громкой», «Щорса» и тому подобное. А когда отец печатал и проявлял фотографии в специально переоборудованной «темнушке», то его репертуар был совсем другой, из его юности. Например — «Есть в Батавии маленький дом» или ««Марьянна», французское судно уходит в далекий Сайгон». А то еще был очень жалостный и с «революцьонным» пафосом романс «Кто знает песнь о верном сыне? В одной из дальних, дальних стран солдат-китаец жил в Пекине, простой китаец Ли У Ан». Дальше там солдатик решил пройтись по посольскому кварталу и сильно пострадал от британского капитана, начальника патруля. Ну, и привет из Москвы, от Коминтерна.

Любил отец стихи. И, надо сказать, его уровень был тут не «Брянский лес». Маяковский, Пастернак, Ахматова, Мандельштам. Библиотека была у нас довольно большая, но ничего раритетного — собрания сочинений Толстых, Пушкина, Лермонтова и так далее. Поэ-

зия, россыпью книжки о путешествиях. Многотомные курсы мировой истории, истории искусств. А непечатавшиеся в ту пору стихи он помнил на память из своих 20-х годов.

Еще отец любил рисовать, у него была пара альбомов, и он иногда туда делал рисунок. У меня все это отсканировано, хочу со временем вывесить в Сеть. Мне своих художественных талантов он не передал, а вот брат, когда работал журналистом, часто печатал свои статьи с собственными иллюстрациями, по-моему, очень приличными. Картами, охотой или рыбалкой отец никогда не интересовался, видимо, все сыграл его отец, армавирский доктор С.А. Эйгенсон. Хотя на шашлыки к речке, как тогда было принято, мы ездили не хуже людей и папа наш, конечно, блистал как тамада.

В театр он ходил во время московских командировок довольно часто. Привозил потом в Уфу программки, буклеты, журнальчик «Театральная жизнь». Одну из театральных историй он мне потом рассказывал. Оказались они в гостинице «Москва» вместе с его приятелем, известным нефтяным руководителем. Мы его будем именовать просто Алексеем, чтобы не вызывать кривотолков. Из руководящего органа, по коридорам и кабинетам которого ходили целый день, они выпали уже около восьми. Что делать вечером? Алексей говорит: «Пошли в театр». — Какой театр, какие билеты, давно уж все занавесы поднялись. «Ничего, пойдем в «Ромэн», там нам никаких билетов не надо».

Действительно, в разных биографиях его производят то из бедных крестьян, то из казаков, то из родовитого дворянства, а на самом-то деле он был родом из оседлых коломенских цыган. Соответственно, для артистов недавно открывшегося «Ромэна» — родной человек. Пришли, сели в одной из комнат за кулисами, начали открывать шампанское. Звезды и звездочки театра споют на сцене песенку — и бегут к ним, выпить шипучего, расцеловать и спеть «К нам приехал наш любимый». К окончанию спектакля явно было, что выпито достаточно и даже несколько чрезмерно. Отец стал склонять своего приятеля к возвращению из гостиницы «Советская» в «Москву», в свой номер. Но его коллега разгулялся и начал звать к своей тетке: «У нее шикарный коньяк!» А тетю его звали Ляля Черная. Мой отец представил себе, как они вваливаются в одиннадцатом часу ночи в дом народного артиста Яншина, который был мужем знаменитой певицы. В общем, он

уехал к себе. А Алексей вернулся под утро, помятый и с раскаянием: «Ты был прав, надо было домой ехать. Я у тетки спьяну горку с хрусталем уронил!»

Но развлечения — это же совсем малый процент времени, а большая часть уходила на работу. Почти каждый день, кроме командировок, отпусков, партконференций и прочих уважительных обстоятельств, в половине восьмого он уезжал или иногда уходил пешком в институт. И так до августа 1976 года. С утра, до начала рабочего дня разбирался с почтой, потом шел обходом по лабораториям, задерживаясь там, где горячая работа, на ходу решал быстрые вопросы, потом — совещания и поездки к заказчикам, в обком и т.п. Практически, и это не мои личные умозаключения, а мнение его сотрудников, не было в институте работы, в которую он не внес бы личный творческий вклад, вне зависимости от того — числился ли он руководителем. Как написал один из его учеников, Генрих Берг, в сборнике материалов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня его рождения: «С ним не легко было работать, но было очень интересно».

Это не значит, конечно, что он был идеальным боссом. После него директором института стал человек, не отметившийся особенно по научной линии, хотя и доктор наук. Но вот что он сделал почти сразу — добыл институту первую категорию, то есть заметное повышение зарплаты и себе, и сотрудникам. Тут такое дело, что при Советской власти НИИ делились на категории в зависимости от числа сотрудников, а оклады — в зависимости от категории. Чепуха, конечно. Но так было. Ну, а Александр Сергеевич этому, как и вообще денежной компоненте, уделял пониженное внимание. Идеалист! Но не все же из его сотрудников могли себе позволить такой идеализм.

Начальство его уважало, часто ему прощали и злой язык, а он не жалел ни коллег, ни самих же начальников. Министр нефтепереработки Федоров всегда внимательно выслушивал его мнение на коллегии или техсовете министерства. Хотя не особенно любил, возможно, что по старым довоенным конфликтам. Про благоволение первого секретаря обкома мы уже говорили. Хотя были обкомовские люди, которые его терпеть не могли. Скажем, некая дама из отдела промышленности, которая при разборе одного конфликта сказала, что она «чует, что тут

что-то не так». На что и получила мгновенный ответ: «Чутье должно быть у служебной собаки, а партработнику нужнее знание обстоятельств и большевистская принципиальность».

Вели они работы по коксу, по очистке сточных вод (ведущие по отрасли), по битумам (тоже ведущие), по обследованию и модернизации установок на заводах Башкирии, очень качественные работы по исследованию нефтей, ректификации (с очень интересными экспериментальными установками).

Дома я все время слышал о двух процессах, о которых позже узнал по своей работе. Первый красиво назывался «подамен». Это значит — полимеризация-деполимеризация амиленов. Тут сюжет в том, что при пиролизе и дегидрировании получаются как изо-, так и нормальные амилены. Изоамилены нужны для дегидрирования в изопрен, который нужен для каучука. Если провести димеризацию амиленовой фракции, а потом расщепить димер, то доля изоамилена сильно возрастает. Этот процесс был доведен от нуля до полупромышленной установки, регламента и проектирования — и заело. Как и многое другое в стране.

Другой процесс, «главная любовь» отца и тогдашнего БашНИИ НП, это — «добен». Деасфальтизация остатков бензином. Как будто бы, однажды после работы засиделись Александр Сергеевич и его старый приятель, известный нефтяник, в ту пору начальник Башнефтехимзаводов Михаил Ефимович Черныш. Разговор шел о судьбе тяжелых остатков высокосмолистых башкирских нефтей. Каталитическая их переработка практически невозможна — любой катализатор сразу забьется, «отравится» асфальтенами и смолами. Процесс деасфальтизации известен, можно обработать мазут или гудрон пропаном и они разделятся на асфальт и деасфальтизат. Но горе в том, что асфальта получается две трети и куда его девать, а это — многие миллионы тонн, непонятно.

В то же время есть лабораторный метод выделения асфальтенов, без смол, осаждением петролейным эфиром, т.е. с более тяжелым растворителем. Так не попробовать ли выделять самую тяжелую часть, которой будет намного меньше?

Работой этой институт занимался многие годы. Придумали несколько путей использования того твердого асфальтита, который получается в ходе процесса, в том числе — засыпать в виде гидрофобной постели в траншеи трубопроводов. Разработали непростое аппаратур-

ное оформление, научились управлять технологией. И все-таки не пошло! Хотя могло бы, ведь показатели получались вполне приемлемыми. Почему же?

Процесс добена разрабатывали лет тридцать до начала «перестройки». И в эти десятилетия не шло, и так было не только с добеном и не только с БашНИИ НП. Я работал во ВНИИ НП, где разрабатывали процесс гидроочистки-гидрокрекинга в трехфазном кипящем слое. Тоже — вполне работоспособно, можно было строить, но не строили. И таких примеров — десятки. Слишком бурно в эти десятилетия росла нефтедобыча, на мазут переводили электростанции даже в районах угледобычи. Действительно — выгодней и удобней угля. Это «богатство» и обрекало нефтепереработку на застой. С одной стороны, приличия требовали от руководства отрасли призывать к глубокой переработке нефти, к увеличению выхода светлых, к «догонянию» в этом отношении Америки и других передовых стран. А с другой стороны, все реальные обстоятельства требовали производить мазут для энергетики и не возиться со вторичными процессами. Угадайте с трех раз — что было сильнее. Конечно, отцу и его коллегам в 50-х в жизни бы не приснилось, что мазут через полвека все еще будет давать более 30 % потребления нефтепродуктов на территории Советского Союза.

Надо сказать, что у отца была, как мне кажется, и одна личная ошибка насчет будущего, впрочем, вполне понятная и объяснимая. Он наблюдал тогда мировые, отечественные и, конкретно, башкирские тенденции изменения состава добываемых нефтей и пришел к выводу, что доля тяжелых, высокосернистых, высокосмолистых нефтей будет возрастать. В то время это представлялось очень правдоподобным, но пока этого не происходит: на смену высокосмолистому и высокосернистому Арлану пришли легкие нефти Западной Сибири, да и в мире такая же картина.

Если посмотреть работы института в годы руководства Александра Сергеевича (особенно, связанные с добеном) — они в большой мере ориентированы на утяжеление сырья для переработки, повышение содержания асфальтенов, смол и серы. И если этого пока не случилось, то, по-видимому, еще предстоит. Стоит вспомнить о том, что запасы тяжелых нефтей бассейна Ориноко примерно равны запасам самой нефтеносной страны — Саудовской Аравии. А если еще

вспомнить о битуминозных песках и сланцах, которыми обязательно придется заняться, раз такие цены за баррель!

Но произойдет это, очевидно, на несколько десятилетий позже, чем полагал отец.

Еще отец создал школу, воспитал учеников и «духовных наследнико». Когда я несколько лет назад был в этом институте в гостях у тогдашнего директора, своего однокурсника, то не один старый работник подходил ко мне, чтобы сказать о своем уважении к старому директору в пику всем последовавшим. Но практически никто из его соратников ничего не сделал бы и вряд ли бы захотел (в этом меня убедили попытки вместе с ними что-нибудь сделать) для памяти отца. Да и времена были такие, что все были сами за себя. Иначе не выживешь. Нужно ли, по силам ли вообще России то громадное число НИИ, которое образовалось к концу Советской Власти? Мне кажется, что здесь мы не ответим на этот вопрос — стало быть, и рассуждать не стоит.

Отец считал, что поступает правильно, когда отдал этой административной, в сущности неблагодарной, деятельности свои таланты и незаурядные знания. Мог бы заниматься чисто научной работой и сделал бы, без сомнения, много больше. Но он решил по-другому. Отдал полжизни БашНИИ НП. Он сразу или почти сразу отказывался, когда поступали альтернативные предложения: ехать советником от ООН в Танганьику, перебираться в Москву начальником Техуправления Миннефтехимпрома или директором головного ВНИИ НП, переезжать в Томск под крыло благоволившего к нему Егора Лигачева директором академического Института химии нефти. Он не хотел, не привлекали его ни новые возможности, ни матблага. Да и понимал, что снова начинать уже поздно.

Ну, и его, действительно, уважали все, с кем он работал. Научным же признанием он, в общем, тоже не был обделен. Был он одним из самых влиятельных членов какого-то совета по изучению серы (или что-то в этом духе) АН СССР и других научных и технических советов. Яркими пятнами в его жизни были участие в Московском нефтяном конгрессе (он был там вице-председателем семинара по переработке высокосернистых нефтей), поездки на Бухарестский и Токийский конгрессы.

Что до поездок — то одной из самых интересных была командировка в середине 60-х в Чили.

Предполагалось, что будет советская реконструкция тамошнего НПЗ в Конконе. Добирались они до самой Огненной земли, и отец привез фотографии тамошнего поселка нефтяников, безумно для меня интересные. Среди прочего был у них и завтрак с председателем чилийского сената, которым был в ту пору доктор Сальватор Альенде. Позднее, когда он стал президентом республики и одной из самых ярких фигур того времени, я им очень увлекался. Когда отец к слову упомянул о том завтраке и о том, что он даже говорил с Альенде, я, конечно, загорелся. «Ну, и что ты ему сказал?» — «Попросил передать соус». — «А он?» — «А он — передал». Папа мой, правду сказать, во все эти «романтики» и «социализмы с человеческим лицом» не очень верил, считал, что социализм может быть только такой как у нас — по всем правилам и с конвойными вышками. Потому, как враждебное окружение.

В общем, работой своей он был доволен. Он, конечно, не захотел бы уйти посреди дел из своего кабинета в шестьдесят один год. Пришлось. В республике сменилось начальство. Нуриева забрали в Москву министром, а для новой метлы благоволение предшественника было обстоятельством отягчающим. Конечно, силы у Александра Сергеевича еще вполне были, что и показала его дальнейшая деятельность на неначальственных должностях и на пенсии. Именно тогда он и занялся главной научной работой своей жизни — исследованиями закономерностей состава нефтей и их связью с происхождением нефти. Но об этом — в следующий раз.

Николаю Петровичу Макарову – 80 лет!

Н.П. Макаров

17 декабря 2007 г. исполнилось 80 лет потомственному нефтянику-буровику, бывшему начальнику Управления организации труда, заработной платы и рабочих кадров ОАО «НК «Роснефть» Николаю Петровичу Макарову.

Н.П. Макаров родился в 1927 г. в Пестровском районе Самарской области. В 1933 г. семья Макаровых переехала в Грозный.

В 1943 г. в возрасте 15 лет Н.П. Макаров устроился на работу в механическую мастерскую конторы бурения и попал в комсомольско-молодежную бригаду, которую вскоре возглавил. Бригада Николая Петровича занималась ремонтом и монтажом бурового оборудования.

После войны Н.П. Макаров окончил школу рабочей молодежи и Северо-Осетинский горный техникум по специальности «Бурение нефтяных и газовых скважин». В 1952 г. его направили на работу в Татарию. Николай Петрович начал бурильщиком, стал буровым мастером. Со временем его перевели на инженерную работу в нормативно-исследовательскую станцию. В 1965 г. Н.П. Макаров окончил МИНХ и ГП, получил квалификацию инженера-экономиста и некоторое время работал начальником отдела труда ПО «Татнефть».

Когда было создано Министерство нефтедобывающей промышленности, Н.П. Макарова пригласили в Управление организации труда, заработной платы и рабочих кадров, в котором он проработал до упразднения министерства. После он работал в созданной на базе Миннефтепрома корпорации «Роснефтегаз» и нефтяной компании «Роснефть». Перед уходом на пенсию в 1998 г. Николай Петрович возглавлял управление в аппарате НК «Роснефть».

Николай Петрович проработал в нефтяной промышленности 55 лет. Его заслуги отмечены орденом «Знак Почета», многими медалями СССР, ему присвоены звания «Почетный нефтяник», «Заслуженный экономист РСФСР» и др.

Игорю Павловичу Чоловскому – 80 лет!

И.П. Чоловский

15 января 2008 г. исполнилось 80 лет профессору Игорю Павловичу Чоловскому.

И.П. Чоловский окончил МНИ им. И.М. Губкина (ныне РГУ нефти и газа). Профессиональную деятельность начал старшим геологом треста «Татбурнефть» (1953 – 1957 гг.). Затем он работал начальником бюро разработки НГДУ «Бугульманефть» (1957 г.), руководителем лаборатории ТатНИИ (1958 – 1964 гг.), начальником отдела нефтегазопромысловой геологии и разработки нефтяных месторождений Пермского филиала Гипровостокнефти (1965 г.), начальником отдела проектирования нефтяных месторождений Главгеологии Миннефтепрома СССР (1969 – 1978 гг.), заместителем директора по науке Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР (1978 г.).

В 1962 г. И.П. Чоловский защитил кандидатскую диссертацию «Особенности геологического строения Ромашкинского нефтяного месторождения и их влияние на эффективность системы разработки», в 1975 г. – докторскую диссертацию «Методы геолого-промыслового анализа при разработке нефтяных месторождений с заводнением».

Игорь Павлович – член ЦКР Роснедра (с 1966 г.), эксперт Государственной комиссии по запасам (с 1968 г.), член диссертационного совета РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина (с 1979 г.).

И.П. Чоловский является автором 100 научных работ, в том числе 2 монографий и 7 учебников. Он продолжает работу в РГУ нефти и

газа, читает лекции по дисциплине «Нефтегазопромысловая геология и гидрогеология». И.П. Чоловский подготовил 6 кандидатов наук и руководит 3 аспирантами.

Игорь Павлович награжден правительственными и отраслевыми наградами. Он является дважды лауреатом премии им. И.М. Губкина (1989, 2000 г.)

Виктору Николаевичу Коломацкому – 80 лет!

В.Н. Коломацкий

30 июля 2008 г. исполнилось 80 лет одному из крупных специалистов нефтепромыслового дела Виктору Николаевичу Коломацкому.

В.Н. Коломацкий родился в 1928 г. в г. Мерефа Харьковской области. В 1953 г. после окончания Львовского политехнического института он работал слесарем, старшим механиком, начальником участка, начальником цеха, главным механиком конторы турбинного бурения треста «Туймазабурнефтъ» ПО «Башнефтъ». В 1959-1961 гг. работал бригадиром по монтажу буровых установок, советником Комиссии по нефти и газу в Индии. Затем вновь трудился в тресте «Туймазабурнефть».

В 1964 г. Виктор Николаевич был направлен в Западную Сибирь на должность главного механика объединения «Тюменнефтегаз». Потом он был назначен главным механиком созданного Главтюменнефтегаза. В 1974 г. за разработку технических средств по разбуриванию сибирских месторождений кустовым способом Виктор Николаевич в группе инженеров был удостоен Государственной премии СССР. В том же году В.Н. Коломацкий был переведен в Миннефтепром СССР на должность начальника Управления главного механика, заместителем начальника Главного управления по производству продукции машиностроения, эксплуатации и ремонту оборудования.

С 1988 г. он работал заместителем начальника Управления по эксплуатации энергомеханического оборудования Миннефтепрома, а в 1991 - 1993 гг. - заместителем директора Департамента машиностроения и энергомеханических служб корпорации «Роснефтегаз».

В 1993 г. В.Н. Коломацкий был направлен объединением «Зарубежнефть» в США. В 1994 - 2001 гг. он работал главным специалистом СП «Камнефть».

Виктор Николаевич принимал активное участие в создании и внедрении газлифтной добычи нефти, передвижных газотурбинных электростанций. Им подготовлено немало квалифицированных специалистов - механиков и машиностроителей.

В.Н. Коломацкий награжден многими правительственными и отраслевыми наградами. Он - лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР.

Шагену Сааковичу Донгаряну – 80 лет!

Ш.С. Донгарян

26 сентября 2008 г. исполнилось 80 лет известному нефтянику-строителю, бывшему заместителю Министра нефтяной промышленности СССР Ш.С. Донгаряну.

Ш.С. Донгарян родился в 1928 г. в с. Матраса Шемахинского района АзССР; в 1950 г. окончил строительный факультет Азербайджанского индустриального института им. М. Азизбекова.

Трудовой путь Ш.С. Донгарян начал в Татарии мастером СУ-2 Татарского терстройуправления Миннефтепрома СССР. Быстро пройдя первые ступени строительной карьеры, Ш.С. Донгарян в 1959 г. возглавил крупный трест «Бугульманефтестрой», в 1960 г. – Управление строительства Татарского совнархоза, а в 1963 г. – комбинат «Татнефтестрой». В это время Шаген Саакович участвовал в обустройстве нефтяных месторождений ТАССР, разработке и внедрении индустриальных методов

строительства, усовершенствовании организации и графиков строительных работ.

В 1965 г. В.Д. Шашин пригласил Ш.С. Донгаряна на должность заместителя Министра нефтяной промышленности СССР по капитальному строительству. На этой должности Шаген Саакович проработал без малого четверть века. За это время он внес большой вклад в обустройство нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири и создание сети магистральных трубопроводов. За разработку и внедрение высокоэффективных научно-технических и инженерных решений освоения Самотлорского месторождений он вместе с другими инженерами был удостоен Государственной премии СССР.

В 1989 - 1990 гг. Ш.С. Донгарян был представителем Миннефтепрома СССР в Ираке и Кувейте, затем короткое время работал на Российской товарно-сырьевой бирже. В 1992 г. вместе с В.И. Грайфером Ш.С. Донгарян создавал ОАО «РИТЭК», где до 1997 г. работал первым заместителем генерального директора.

С 2001 г. он — член Научно-технического совета ОАО «НК «Роснефть»; в 2002 - 2006 гг. — советник первого вице-президента ОАО «АК «Транснефтепродукт».

Труд Шагена Сааковича отмечен многими правительственными и отраслевыми наградами. Он активный автор нашего сборника «Ветераны».

Ивану Александровичу Кондратьеву — 75 лет!

И.А. Кондратьев

20 января 2008 г. исполнилось 75 лет известному геологу-нефтянику, более 30 лет проработавшему главным геологом объединения «Краснодарнефтегаз», Ивану Александровичу Кондратьеву.

И.А. Кондратьев родился в 1933 г. в г. Малгобеке. В 1957 г. он окончил Грозненский нефтяной институт и получил квалификацию «инженер-геолог». Его направили на работу в Краснодарский край. В июле 1957 г. его зачислили в геологический

отдел НПУ «Абиннефть». Став инженером-геологом, через год он уже был старшим геологом, а затем главным геологом Ахтырской конторы бурения. Через некоторое время его отправили в командировку в Афганистан главным геологом конторы бурения. В 1964 г. он вернулся в ПО «Краснодарнефтегаз» на должность начальника геологического отдела, в 1974 г. его назначили главным геологом — заместителем начальника объединения. В этой должности он проработал долгих 30 лет.

За время работы Иван Александрович прекрасно изучил геологию Краснодарского края, участвовал в открытии некоторых месторождений Кубани (Терноватого, Сладковского, Варавенского, Стрельчанского и др.). В области разработки нефтяных месторождений под руководством И.А. Кондратьева проведены работы по стабилизации добычи нефти на старейшем месторождении региона Анастасиевско-Троицком; они были отмечены премией Правительства РФ. В 1981 г. Иван Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Его труд был отмечен орденом «Знак Почета», почетными званиями «Почетный нефтяник» и «Заслуженный работник Топливно-энергетического комплекса Кубани».

Евгению Ивановичу Осадчуку — 75 лет!

Е.И. Осадчук

2 февраля 2008 г. известному советскому нефтянику, бывшему начальнику объединения «Зарубежнефть» Евгению Ивановичу Осадчуку исполнилось 75 лет.

Е.И. Осадчук родился в 1933 г. в г. Житомире; в 1956 г. окончил Львовский политехнический институт и в течение 10 лет работал в объединении «Сталинграднефть». В 1966 г. его перевели начальником отдела Управления главного механика Миннефтепрома СССР.

С образованием при Миннефтепроме объединения «Зарубежнефть» Евгений Иванович был назначен заместителем начальника, а через некоторое время начальником объединения. Он за короткий срок сумел укомплектовать объединение специалистами и по существу возглавил всю деятельность министерства по оказанию помощи развивающимся странам, а также по обеспечению нефтяной промышленности СССР импортным оборудованием. В те годы «Зарубежнефть» вела активные работы по поиску, обустройству и эксплуатации нефтяных месторождений в Ираке, Сирии, Анголе, Алжире и других странах.

Успешная деятельность Е.И. Осадчука не осталась без внимания руководства Государственного комитета по внешним экономическим связям. В 1974 г. в Миннефтепром была направлена просьба дать согласие на назначение Евгения Ивановича экономическим советником в Ираке. По межправительственному соглашению «Зарубежнефть» и аппарат экономического советника приняли непосредственное участие в обустройстве и вводе в эксплуатацию месторождений Западная Курна, Северная и Южная Румейла и др.

В 1978 г. Е.И. Осадчука назначили заместителем председателя Государственного комитета по внешним экономическим связям. На этом посту и в период работы заместителем Министра внешней торговли (после слияния комитета и Министерства внешней торговли) Евгений Иванович координировал выполнение программ в области нефтегазовой промышленности в Сирии, Алжире, Ливии, Ираке, Египте, Индии, Йемене. Он лично участвовал в создании СП «Вьетсовпетро».

В 1991 г. Евгения Ивановича назначили торговым представителем России в Польше. Из-за свертывания экономических отношений с этой страной после распада СЭВ Е.И. Осадчук принял решение вернуться в Москву и последний период своей деятельности работал советником в РВО «Зарубежнефть».

В 2004 г. Евгений Иванович стал членом Союза писателей России, в 2007 г. вышел сборник его повестей и рассказов «Большая прогулка».

Владимиру Павловичу Павлову — 75 лет!

В.П. Павлов

23 июня 2008 г. исполнилось 75 лет бывшему начальнику отдела запасов нефти и газа Главного управления по геологии и разработке нефтяных и газовых месторождений Миннефтепрома СССР Владимиру Павловичу Павлову.

Владимир Павлович родился в 1933 г. в г. Кирове в семье служащих. В 1951 — 1956 гг. учился на нефтяном факультете Свердловского горного института им. В.В. Вахрушева и получил специальность «горный инженер — геолог».

Трудовую деятельность В.П. Павлов начал оператором по добыче нефти в НПУ «Туймазанефть», затем стал старшим инженером ЦНИЛ. В 1958 г. он возглавил технологический отдел НПУ «Арланнефть», а вскоре его назначили заместителем главного геолога НПУ. В 1965 г. Владимир Павлович возглавил отдел разработки ПО «Башнефть». С 1967 по 1971 г. он был консультантом при объединении «Нефть и газ» в ГДР и участвовал в вводе в эксплуатацию месторождения Лютов. По возвращению заведовал сектором в БашНИПИнефти и принимал непосредственное участие в подсчете запасов крупнейших нефтяных месторождений Башкирии.

В 1982 г. В.П. Павлов был переведен на работу в центральный аппарат Миннефтепрома СССР на должность начальника отдела. Работая в министерстве, Владимир Павлович состоял ученым секретарем Центральной комиссии по запасам МНП СССР и был экспертом и членом Экспертно-технического совета Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых СССР. Коллеги отмечали его высокий профессионализм и деловые качества.

В 2002 г. В.П. Павлов ушел на пенсию и в настоящее время является членом Бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть».

Евгению Георгиевичу Арешеву – 70 лет!

Е.Г. Арешев

5 сентября 2008 г. исполнилось 70 лет известному геологу-нефтянику, заместителю генерального директора ФГУ «Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых» Евгению Георгиевичу Арешеву.

Е.Г. Арешев родился в 1938 г. в Баку; в 1960 г. окончил МИНХ и ГП им. И.М. Губкина.

Трудовую деятельность Е.Г. Арешев начал на Сахалине, где на различных должностях в объединениях «Дальнефть» и «Сахалиннефть» проработал с 1960 по 1978 г. При участии Евгения Георгиевича были определены основные направления поисково-разведочных работ на о. Сахалине, что позволило открыть ряд крупных месторождений. В 1974 г. Е.Г. Арешев защитил кандидатскую диссертацию.

В 1978 – 1981 гг. Евгений Георгиевич был командирован в Алжир. В 1981 г. он вернулся на Сахалин, где проработал до 1988 г. заместителем директора, и.о. директора СахалинНИПИморнефтегаза. В это время Евгений Георгиевич руководил и участвовал в разработках и внедрении методов повышения нефтеотдачи пластов, в том числе тепловых, а также в составлении методики разработки сложнопостроенных месторождений нефти и газа.

В 1987 г. Е.Г. Арешев был командирован в СП «Вьетсовпетро», где возглавил НИПИморнефтегаз. Под непосредственным руководством Евгения Георгиевича была открыта уникальная залежь в гранитоидах фундамента месторождения Белый Тигр на шельфе Южного Вьетнама и составлены первые технологические документы по разработке и обустройству нефтяных объектов месторождения. За большой личный вклад в освоение шельфовых месторождений Вьетнама Е.Г. Арешев награжден орденом Дружбы РФ и орденом Дружбы СРВ. В 2001 г. за большой вклад в развитие страны Евгению Георгиевичу было присвоено звание «Герой Труда» Социалистической Республики Вьетнам.

Поздравляем юбиляров!

Кувыкин Степан Иванович (1903 – 1974)

С.И. Кувыкин

7 ноября 2008 г. исполнилось 105 лет со дня рождения известного нефтяника, Героя Социалистического Труда, бывшего начальника Башнефтекомбината и заместителя Министра нефтяной промышленности СССР Степана Ивановича Кувыкина.

С.И. Кувыкин родился в 1903 г. в с. Алай Саратовской губернии. Трудовой путь начал в 1927 г. на нефтепромыслах Баку, окончил Бакинский нефтяной техникум (позднее — Московский нефтяной институт), работал на бакинских заводах.

В 1938 г. С.И. Кувыкина перевели в Урало-Поволжье, где до 1942 г. он возглавлял контору бурения, а затем трест «Бугуруслан-нефть». В апреле 1942 г. Степана Ивановича назначили начальником Башнефтекомбината, а в январе 1945 г. — объединения «Башнефть». В годы войны и первые послевоенные годы в Башкирии были открыты крупные нефтяные месторождения — Кинзебулатовское, Серафимовское, Шкаповское, Арланское и др. В 1955 г. добыча нефти в БАССР превысила добычу в Азербайджане и составила 15,3 млн. т. В 1948 г. С.И. Кувыкин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

С.И. Кувыкин возглавлял «Башнефть» до 1957 г., а затем был заместителем председателя, председателем Башкирского совнархоза. В 1963 г. Степана Ивановича назначили первым заместителем председателя СНХ РСФСР. Когда было создано Министерство нефтедобывающей промышленности СССР, его пригласили на должность заместителя министра, которую он занимал с 1965 по 1970 г. В последний пе-

риод жизни С.И. Кувыкин работал в МИНХиГП им. И.М. Губкина.

Заслуги С.И. Кувыкина были отмечены многими орденами и медалями, почетными званиями.

Степан Иванович Кувыкин скончался 16 сентября 1974 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Евсеенко Михаил Андрианович (1908 – 1985)

М.А. Евсеенко

1 февраля 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного советского нефтяника, руководителя нефтяной промышленности Михаила Андриановича Евсеенко.

М.А. Евсеенко родился в 1908 г. в г. Хашури (Грузия) в семье рабочего-железнодорожника. Трудовую деятельность начал в 1924 г. учеником слесаря. В 1936 г. окончил Азербайджанский индустриальный институт и работал на нефтепромыслах «Азнефти»: сначала рядовым инженером, а через год после окончания института — управляющим крупнейшим трестом «Ленинеефть».

В 1937 - 1938 гг. М.А. Евсеенко был председателем Бакинского Совета депутатов трудящихся. В 1938 г. его перевели в Москву на должность начальника Главнефтедобычи НКТП СССР. С 1939 по 1940 г. он был заместителем Наркома нефтяной промышленности. В 1940 — 1942 гг. он возглавлял Азнефтекомбинат.

В 1942 — 1944 гг. в должности заместителя, а в 1944 — 1946 гг. — первого заместителя Наркома нефтяной промышленности он отвечал за бесперебойное обеспечение фронта нефтепродуктами, занимался перебазированием нефтяных предприятий в восточные районы страны, являлся одним из организаторов освоения месторождений Второго Баку.

В 1946 г. М.А. Евсеенко стал Министром нефтяной промышленности восточных районов СССР, при объединении нефтяных министерств в 1948 г. — первым заместителем министра. В это время он

уделял много внимания развитию геолого-разведочных работ на нефть и газ, совершенствованию техники и технологий бурения глубоких скважин.

В 1955 – 1957 гг. М.А. Евсеенко был Министром нефтяной промышленности СССР и внес большой вклад в подготовку разведанных запасов нефти и газа, решение проблем рациональной разработки месторождений и др. В 1958 – 1963 гг. Михаил Андрианович являлся председателем Чечено-Ингушского СНХ.

В 1963 г. М.А. Евсеенко был назначен заместителем начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров СССР, затем заместителем председателя Геологического комитета РСФСР, а в 1965 г. – первым заместителем Министра геологии СССР.

В 1976 г. по состоянию здоровья Михаил Андрианович ушел на пенсию.

Заслуги М.А. Евсеенко были высоко отмечены Родиной. Он отличался сильной волей, требовательностью, ответственностью и доброжелательностью.

После тяжелой и продолжительной болезни 2 марта 1985 г. М.А. Евсеенко ушел из жизни. Он похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Бакиров Александр Александрович (1908 - 1986)

А.А. Бакиров

2 марта 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного ученого-геолога, профессора Александра Александровича Бакирова.

А.А. Бакиров родился в 1908 г. в г. Троицке Оренбургской губернии; в 1930 г. окончил институт ускоренной подготовки при Ленинградском горном институте, а в 1940 г. экстерном - Московский геологоразведочный, получив квалификацию «горный инженер-геолог».

С 1931 по 1939 г. А.А. Бакиров работал в системе Главного геологического управления Наркомтяжпрома СССР, прошел путь от гидрогеолога до руководителя производственного отдела главка. В 1939 г. А.А. Бакирова перевели в систему нефтяной промышленности, где до 1947 г. он работал руководителем нефтепоисковых экспедиций. С 1947 г. А.А. Бакиров - заместитель по научной части Московского филиала Всесоюзного нефтяного геологоразведочного института; с 1949 по 1953 г. — заместитель начальника Геологического управления Министерства нефтяной промышленности СССР. В 1945 и 1950 гг. А.А. Бакиров защитил кандидатскую и докторскую диссертации. За участие в открытии газового месторождения Газли в Западном Узбекистане А.А. Бакиров был удостоен Ленинской премии.

В 1953 г. А.А. Бакирова избрали заведующим кафедрой Академии нефтяной промышленности, а после ликвидации Академии в 1956 г. перевели в Московский нефтяной институт, где он длительное время был заведующим (1960 — 1978 гг.), а затем до самой кончины в 1986 г. профессором кафедры теоретических основ поисков и разведки нефти и газа.

А.А. Бакиров был ученым с мировым именем, блестящим геологом, талантливым педагогом и организатором науки. Под его руководством и при его непосредственном участии написано 8 учебников,

5 учебных пособий, 30 монографий, опубликовано около 300 работ по фундаментальным проблемам нефтегазовой геологии.

Заслуги А.А. Бакирова были отмечены правительственными и отраслевыми наградами.

Байбаков Николай Константинович (1911 – 2008)

Н.К. Байбаков

31 марта 2008 г. скончался старейший нефтяник нашей страны, бывший Министр нефтяной промышленности СССР, Председатель Госплана СССР, Герой Социалистического Труда Николай Константинович Байбаков.

Н.К. Байбаков родился 6 марта 1911 г. в Баку; в 1932 г. окончил Азербайджанский нефтяной институт и работал на промыслах. В 1935 – 1937 гг. служил в РККА, а вскоре после демобилизации возглавил трест «Лениннефть». В 1939 г. Н.К. Байбакова назначили начальником объединения «Востокнефтедобыча», а затем Главвостокнефтедобычи, в 1940 г. – заместителем Наркома нефтяной промышленности СССР.

После начала войны Н.К. Байбаков руководил аппаратом наркомата, эвакуированным в Уфу. В летом 1942 г. Николай Константинович возглавлял особую группу Наркомнефти, которая ликвидировала нефтепромыслы на Кубани и в Грозном. В 1944 г. Н.К. Байбаков возглавил Наркомат нефтяной промышленности СССР, в 1946 г. стал министром.

В 1955 – 1957 гг. Н.К. Байбаков возглавлял Госплан СССР, с 1958 г. руководил Краснодарским (позже Северо-Кавказским) совнархозом.

С 1963 г. в ранге министра Н.К. Байбаков возглавлял Государственный комитет по химии, затем – химической и нефтяной промышленности, нефтедобывающей промышленности. На этом посту он руководил первыми шагами по освоению нефтяных и газовых место-

рождений Западной Сибири. В этот период Николай Константинович был удостоен Государственной премии СССР.

С октября 1965 г. Н.К. Байбаков — заместитель председателя Совета Министров СССР — Председатель Госплана СССР. В течение 20 лет он возглавлял Госплан.

В октябре 1985 г. Н.К. Байбаков оставил пост Председателя Госплана СССР и стал государственным советником при Совете Министров СССР. В 1988 г. он ушел на пенсию.

Уйдя из большой политики, Николай Константинович снова сосредоточился на решении проблем нефтяной промышленности в Институте проблем нефти и газа РАН.

Вклад Н.К. Байбакова в развитие нефтяной промышленности страны, в целом — в развитие советской экономики, многими правительственными наградами.

Н.К. Байбаков прожил долгую и замечательную жизнь. В ней были взлеты и падения, успехи и неудачи, но всегда он отдавался своему делу с полной самоотдачей и ответственностью. Его жизнь должна стать примером служению своему делу, стране и ее народу.

Левин Самуил Матвеевич (1911 – 2007)

С.М. Левин

16 октября 2007 г. на 95-м году жизни скончался один из старейших нефтяников страны, большой специалист в области экономики нефтяной промышленности, бывший заместитель начальника Главного планово-экономического управления Миннефтепрома СССР Самуил Матвеевич Левин.

С.М. Левин родился в 1911 г. в Москве в семье ремесленника, окончил технические курсы в Ленинграде и работал техником-плановиком.

В 1941 г. С.М. Левин окончил Московский экономический институт и более 20 лет посвятил нефтегазовому комплексу Коми АССР. Сначала Самуил Матвеевич возглавлял плановый отдел укрупненного нефтепромысла в системе Ухтнефтекомбината, с 1947 г. — плановый отдел всего комбината, а после

его ликвидации — планово-экономическое управление СНХ Коми АССР. В период Великой Отечественной войны и первые десятилетия после нее этот регион снабжал горючим северные районы страны и поставлял сырье для нефтехимической промышленности. На этой работе С.М. Левин приобрел огромный опыт и стал прекрасным экономистом-нефтяником.

В 1962—1965 гг. С.М. Левин работал в Комитете нефтедобывающей промышленности при Совете Министров СССР, а в 1965 г. его назначили заместителем начальника Планово-экономического управления Миннефтепрома. На этой должности Самуил Матвеевич проработал до ухода на пенсию в 1986 г.

После ухода на пенсию Самуил Матвеевич работал в одном из НИИ, а с 1991 по 1998 г. на договорной основе выполнял отдельные экономические исследования для ОАО «ЛУКОЙЛ» и ОАО «НК «Роснефть». Будучи сторонником вертикальной интеграции нефтяных компаний, он пропагандировал эту форму организации нефтяной промышленности, разрабатывал новые методические положения для ее осуществления.

Заслуги С.М. Левина отмечены правительственными и отраслевыми наградами.

Алексин Александр Георгиевич (1911 – 2008)

А.Г. Алексин

В 2008 г. ушел из жизни крупный отечественный геолог-нефтяник, лауреат Государственной премии СССР Александр Георгиевич Алексин.

А.Г. Алексин родился 5 ноября 1911 г. в Баку; в 1933 г. окончил Азербайджанский нефтяной институт и работал на нефтепромыслах в Башкирии и Азербайджане, в 1938 г. был переведен в Москву начальником геологического отдела Главнефти. В 1939 г. его назначили главным геологом объединения «Укрнефть», образованного в западных областях Украины после их присоединения к СССР.

В 1942 - 1946 гг. А.Г. Алексин руководил геолого-поисковыми и разведочными работами в Арктике, в результате которых было открыто более 8 крупных газовых месторождений.

С 1949 г. А.Г. Алексин занимался вопросами поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений в Предкавказье, участвовал в составлении Генерального плана поисковых и разведочных работ на территории этого региона. В 1952 г. за эту работу А.Г. Алексин был удостоен Сталинской (ныне – Государственная) премии.

С 1956 г. в течение 10 лет А.Г. Алексин работал в системе Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР. Основным направлением деятельности этого периода явилось изучение проблем состояния и размещения минеральных ресурсов, а также разработка рекомендаций и внедрение новой техники и технологии в нефтедобывающую промышленность и геолого-разведочные работы. А.Г. Алексин занимался также проблемами классификации залежей нефти и газа.

С 1966 по 1992 г. научная деятельность А.Г. Алексина была продолжена в ИГиРГИ, где он с 1967 по 1986 г. занимал должность заместителя директора по научной работе.

За время своей многогранной трудовой деятельности А.Г. Алексин опубликовал 180 научных статей и ряд монографий. За монографию (в соавторстве) «Литологические и стратиграфические залежи Предкавказья» он удостоен премии им. И.М. Губкина. Наряду с научно-исследовательской деятельностью А.Г. Алексин вел большую работу по подготовке научных кадров.

А.Г. Алексин был награжден многими правительственными и отраслевыми наградами.

Крол Матвей Маркович (1913 – 1995)

11 февраля 2008 г. исполнилось 95 лет со дня рождения известного нефтяника, участника Великой Отечественной войны, бывшего первого заместителя начальника Главтюменнефтегаза Матвея Марковича Крола.

М.М. Крол

М.М. Крол родился в 1913 г. в Черниговской губернии; в 1932 г. окончил курсы экономистов-плановиков и до 1941 г. работал в системе Наркомата торговли.

23 июня 1941 г. М.М. Крол, отказавшись от брони, ушел в действующую армию. В составе 5-ой ударной армии Матвей Маркович участвовал в штурме Берлина. После окончания боев он был назначен помощником коменданта города, и ему пришлось организовывать продовольственное обеспечение огромного, разрушенного войной города. В 1947 г. М.М. Крол был демобилизован.

В 1948 – 1951 гг. Матвей Маркович работал в тресте «Куйбышевнефтеразведка». В 1956 г. окончил Московский нефтяной институт; в 1957 – 1965 гг. работал в Куйбышевском (позднее – Средне-Волжском) совнархозе: сначала в тресте «Куйбышевтехснабнефть», а затем заместителем начальника управления нефтяной промышленности совнархоза.

Когда В.И. Муравленко создавал Главтюменнефтегаз, то на должность своего первого заместителя он пригласил Матвея Марковича. М.М. Кролу удалось создать эффективную систему материально-технического обеспечения предприятий главка, что обеспечило успешное создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и, в итоге, освоение крупнейших месторождений нефти и газа.

В 1976 г. М.М. Крол ушел на пенсию, но продолжал трудиться во ВНИИОЭНГ в должности заведующего лабораторией нормирования производственных запасов материально-технических ресурсов, занимался организацией системы технического обслуживания и комплектации оборудованием.

М.М. Крол был отмечен многими боевыми и трудовыми наградами. В 1977 г. он был удостоен Государственной премии СССР.

Матвей Маркович скончался в 1995 г., незадолго до кончины он опубликовал небольшую книгу своих воспоминаний «От Берлина до Тюмени», где очень увлекательно рассказал о ключевых событиях своей жизни – обеспечении продовольствием разрушенного Берлина и первых шагах Главтюменнефтегаза.

Беспалов Николай Васильевич (1913 – 1992)

Н.В. Беспалов

2 августа 2008 г. исполнилось 95 лет со дня рождения участника Великой Отечественной войны, крупного специалиста в области производственной связи объектов нефтепроводного транспорта Николая Васильевича Беспалова.

Н.В. Беспалов родился 2 августа 1913 г. в пос. Нижний Уфалей (современная Челябинская обл.); в 1928 г. стал учеником слесаря, затем монтером-связистом на железной дороге. Он окончил Свердловский электромеханический техникум, а также профкурсы железнодорожного транспорта. До 1948 г. Николай Васильевич работал в системе связи Наркомата (Министерства) путей сообщения.

В годы Великой Отечественной войны Н.В. Беспалов был на фронте, участвовал в освобождении Польши.

С 1948 г. Н.В. Беспалов работал старшим инженером связи в Главнефтегазстрое при Совете Министров СССР. В июле 1949 г. Н.К. Байбаковым Николай Васильевич был назначен начальником Государственной союзной конторы связи Главнефтеснаба РСФСР, а с 1970 г. работал начальником Управления эксплуатации производственной связи Главтранснефти Миннефтепрома СССР.

Николай Васильевич отличался хорошими организаторскими способностями, трудолюбием, обладал большими знаниями и опытом в проектировании, строительстве и эксплуатации средств связи.

В 1975 г. Николай Васильевич ушел на пенсию.

За многолетнюю работу по организации связи Н.В. Беспалов награжден многими правительственными и отраслевыми наградами. Его имя занесено в Книгу Почета Министерства нефтяной промышленности СССР.

Н.В. Беспалов скончался 18 июня 1992 г.

Фокин Михаил Николаевич (1918 – 1996)

М.Н. Фокин

10 октября 2008 г. исполнилось 90 лет со дня рождения крупного специалиста в области трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов, бывшего начальника Технического управления Главнефтеснаба РСФСР Михаила Николаевича Фокина.

М.Н. Фокин родился в 1918 г. в с. Жегалово Щелковского уезда Московской губернии; в 1943 г. окончил Московский нефтяной институт.

Трудовая деятельность М.Н. Фокина началась сразу после окончания института в механическом отделе государственного союзного треста «Нефтепроводпроект» (с 1951 г. — Гипротранснефть, с 1958 г. — Гипротрубопровод). В это время он участвовал в восстановлении разрушенных войной нефтебаз и трубопроводов, обеспечении горючим наступающих частей Красной Армии. Долгое время Михаил Николаевич был главным инженером проекта.

Михаил Николаевич стал одним из пионеров внедрения систем автоматики на отечественных трубопроводах и первым руководителем отдела автоматики, телемеханики и КИП Гипротрубопровода.

В 1964 г. М.Н. Фокина назначили заместителем главного инженера института. В январе 1967 г. он возглавил технический отдел, в 1976 г. — Техническое управление Главнефтеснаба РСФСР (с 1979 г. — Госкомнефтепродукт РСФСР). Занимая различные руководящие должности, Михаил Николаевич постоянно заботился о повышении технического уровня объектов трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. Он был автором 13 изобретений.

Труд М.Н. Фокина был отмечен многими правительственными и отраслевыми наградами.

Михаил Николаевич Фокин скончался 8 сентября 1996 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Рустамбеков Тофик Фатуллаевич (1918 – 2007)

Т.Ф. Рустамбеков

4 декабря 2008 г. известному инженеру-буровику, потомственному нефтянику, Председателю Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» Тофику Фатуллаевичу Рустамбекову исполнилось бы 90 лет.

Т.Ф. Рустамбеков родился в 1918 г. в семье инженера-нефтяника, первого технического директора «Азнефти» сподвижника А.П. Серебровского и С.М. Кирова - Ф.А. Рустамбекова. Свою производственную деятельность Тофик Фатуллаевич начал в г. Баку в апреле 1941 г. после окончания АзИИ им. М. Азизбекова в экспериментальной конторе турбинного бурения (ЭКТБ) Наркомнефти. С началом Великой Отечественной войны ЭКТБ была перебазирована в г. Краснокамск Пермской области, там Т.Ф. Рустамбеков работал заместителем начальника механо-ремонтной базы треста «Краснокамскнефть». В конце 1942 г. его перевели в Наркомнефть инженером технического отдела, где вскоре он возглавил экспериментально-технический сектор отдела турбинного бурения. В июне 1944 г. Т.Ф. Рустамбекова назначили главным инженером конторы турбинного бурения треста «Дагнефть», а в 1950 г. — заместителем управляющего трестом «Дагморнефть».

С 1952 по 1965 г. Т.Ф. Рустамбеков работал в Татарии. Сначала он был главным инженером — заместителем управляющего трестом «Альметьевбурнефть»; в 1956 г. его назначили заместителем начальника ПО «Татнефть» по бурению, в 1957 г. — заместителем начальника Управления нефтяной промышленности Татсовнархоза, в 1957 г. — Средне-Волжского совнархоза. В этот период Тофик Фатуллаевич внес большой вклад в обустройство Ромашкинского нефтяного месторождения, внедрение новой буровой техники и передовых технологий, создание местной школы буровиков-новаторов.

В 1965 г. Т.Ф. Рустамбекова назначили на должность заместителя начальника ПО «Азнефть», затем заместителя Министра нефтедобывающей промышленности АзССР. В 1970 г. по инициативе Министра нефтяной промышленности СССР В.Д. Шашина Т.Ф. Рустамбекова перевели в Миннефтепром СССР на должность главного инженера – заместителя начальника Управления по бурению, где он трудился до 1988 г. С уходом на пенсию он еще 6 лет работал старшим научным сотрудником ВНИИБТ.

Работая в центральном аппарате министерства, Тофик Фатуллаевич щедро делился своими глубокими знаниями, неоднократно посещал многие производственные коллективы отрасли. Он сыграл большую роль в организации действенного соревнования буровых мастеров. Он был ключевой фигурой при организации ежегодных совещаний победителей соревнования с участием руководителей министерства.

Тофик Фатуллаевич - автор 50 научных публикаций и 7 изобретений, награжден медалями ВДНХ.

Т.Ф. Рустамбеков более 15 лет успешно возглавлял Совет ветеранов Миннефтепрома СССР, затем НК «Роснефть». Совет ветеранов под его руководством многое делал для поддержки ветеранов-нефтяников. В этой непростой деятельности проявились высокие моральные качества Тофика Фатуллаевича – доброжелательное и внимательное отношение к старшему поколению, неуклонное желание помочь больным и одиноким.

Бережно, по крупицам собирая материалы по истории развития нефтяной промышленности, о выдающихся нефтяниках, новаторах и передовиках отрасли, ветеранах Великой Отечественной войны, Совет под руководством Т.Ф. Рустамбекова и при его деятельном участии издал 20 выпусков сборников «Ветераны. Из истории развития нефтяной и газовой промышленности».

За свою плодотворную деятельность Т.Ф. Рустамбеков был награжден многими правительственными и отраслевыми наградами.

Т.Ф. Рустамбеков скончался в октябре 2007 г.

Тофик Фатуллаевич являлся представителем славной когорты советских нефтяников, создававших современный экономический фундамент России.

Виноградов Владимир Николаевич (1923 – 2003)

В.Н. Виноградов

25 февраля 2008 г. исполнилось 85 лет со дня рождения участника Великой Отечественной войны, известного ученого-нефтяника, бывшего ректора Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина Владимира Николаевича Виноградова.

В.Н. Виноградов родился в 1923 г. в Подмосковье, в семье железнодорожника. В 1940 г. поступил в Московский нефтяной институт и с тех пор всю жизнь был связан с этим учебным заведением. В октябре 1941 г. он добровольцем ушел на фронт, принимал участие в оборонительных боях под Москвой, в 1942 г. после тяжелого ранения под Ржевом был демобилизован и уже в 1943 г. вернулся в свой институт на вновь созданный механический факультет.

После окончания учебы В.Н. Виноградов стал заниматься научными разработками и со временем превратился в крупного ученого в области трения и износа нефтегазопромыслового оборудования. На базе работ Владимира Николаевича была создана первая в стране профильная кафедра износостойкости машин и оборудования, которую он и возглавил.

В 1962 г. Ученый совет МИНХ и ГП им. И.М. Губкина избрал В.Н. Виноградова ректором. В этой должности он проработал 31 год. Сочетая в себе потенциал серьезного ученого и организатора, Владимир Николаевич стремился сделать свой институт не только образовательным, но и научным центром. По инициативе В.Н. Виноградова была создана новая форма творческого содружества академической и вузовской науки: на базе МИНХ и ГП в 1987 г. был основан Институт проблем нефти и газа, первым директором которого стал Владимир Николаевич.

Заслуги В.Н. Виноградова были отмечены боевыми и трудовыми наградами СССР, в том числе званием Герой Социалистического Труда.

Владимир Николаевич Виноградов ушел из жизни 18 июля 2003 г., оставив о себе добрую память.

Кремнев Владимир Иванович (1923 – 2002)

В.И. Кремнев

15 мая 2008 г. исполнилось 85 лет со дня рождения бывшего первого заместителя Министра нефтяной промышленности СССР, участника Великой Отечественной войны Владимира Ивановича Кремнева.

В.И. Кремнев родился в 1923 г. в с. Аршиновка Пензенской области. С 1942 по 1949 г. служил в армии. После демобилизации работал радиомехаником на Куйбышевской железной дороге.

После окончания Куйбышевского индустриального института в 1955 г. работал в нефтяной промышленности: в объединении «Куйбышевнефть» - оператором, мастером по добыче нефти и газа; начальником производственно-технического отдела НПУ «Первомайнефть»; главным инженером, начальником НПУ «Кинельнефть» (г. Похвистнево).

В 1964 г. Владимир Иванович Кремнев был приглашен на работу в отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС инструктором, а затем стал заведующим сектором нефтедобывающей промышленности. В 1977 г. В.И. Кремнева назначили первым заместителем Министра нефтяной промышленности СССР, на этом посту он успешно работал в течение 7 лет.

В.И. Кремнев пользовался большим авторитетом среди нефтяников, его профессиональный опыт ценили в Западной Сибири, Куйбышевской области, на Мангышлаке и в других нефтяных районах. Заслуги В.И. Кремнева перед Родиной отмечены двумя орденами «Знак Почета», многими медалями и отраслевыми наградами. Ему присвоены звания «Почетный нефтяник» и «Почетный нефтехимик».

В.И. Кремнев скончался 5 мая 2002 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Миндеева Зарига Джалиловна (1923 – 2005)

З.Д. Миндеева

15 июня 2008 г. исполнилось 85 лет со дня рождения известного инженера-буровика Зариги Джалиловны Миндеевой.

З.Д. Миндеева родилась в 1923 г. в Сибири; в 1946 г. окончила Московский нефтяной институт и была направлена старшим инженером отдела бурения в объединение «Куйбышевнефть». Вскоре ее перевели на Шугуровский укрупненный промысел, а в 1950 г., когда было организовано объединение «Татнефть», З.Д. Миндееву назначили начальником производственно-технического отдела (ПТО) конторы бурения № 2 треста «Татбурнефть».

В 1952 г. на базе конторы № 2 был создан трест «Альметьевбурнефть», где Зарига Джалиловна до 1960 г. возглавляла ПТО. С 1960 по 1963 г. она работала начальником отдела бурения Управления нефтяной промышленности Татарского совнархоза, а в 1963 – 1965 гг. возглавляла Технический отдел Управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза.

Как опытный специалист Зарига Джалиловна была переведена на работу в центральный аппарат Миннефтепрома СССР, где около 20 лет занимала ответственные должности заместителя начальника и начальника отдела в Управлении по развитию техники, технологии и организации бурения, затем Техническом управлении Миннефтепрома СССР. После выхода на пенсию она в 1984 – 1989 гг. работала старшим научным сотрудником ВНИИОЭНГ.

Истории нефтяной промышленности известны имена немногих женщин-буровиков. Одной из них была Зарига Джалиловна. Хороший организатор, профессионал-буровик, она отлично зарекомендовала себя в этом нелегком, мужском деле. Ее работа была отмечена правительственными и отраслевыми наградами.

Скончалась Зарига Джалиловна 1 марта 2005 г.

Тимонин Виталий Иосифович (1927 – 2008)

В.И. Тимонин

20 августа 2008 г. скончался известный нефтяник, бывший генеральный директор объединения «Мангышлакнефть» и первый заместитель Министра газовой промышленности СССР Виталий Иосифович Тимонин.

В.И. Тимонин родился 26 октября 1927 г. в Саратовской области; в 1951 г. окончил нефтяной факультет Львовского политехнического института по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений».

Трудовую деятельность В.И. Тимонин начал в Татарии. Инженер, заведующий промыслом, главный инженер, затем начальник НПУ, заместитель начальника объединения «Татнефть» - этот путь В.И. Тимонин прошел за 13 лет.

Когда началось освоение Западной Сибири, Виталия Иосифовича назначили главным инженером нового объединения «Тюменнефтегаз», а вскоре перевели в Миннефтепром заместителем начальника Главвостокнефтедобычи. В 1971 г. его назначили генеральным директором объединения «Мангышлакнефть», которым он руководил до 1980 г. В этот период были введены в разработку Каражанбасское и Каламкасское нефтяные месторождения, а «Мангышлакнефть» добилась наивысших объемов добычи нефти — более 20 млн. т в год. За проектирование и внедрение схемы разработки Узеньского месторождения высоковязкой нефти В.И. Тимонин был отмечен Государственной премией КазССР (1985).

В 1980 — 1983 гг. В.И. Тимонин был заместителем начальника отдела нефтяной и газовой промышленности Госплана СССР.

В 1983 г. В.А. Динков пригласил В.И. Тимонина на пост первого заместителя Министра газовой промышленности СССР. Виталий Иосифович курировал работу Главморнефтегаза, который приступил к активному освоению континентального шельфа СССР. В.И. Тимонин внес большой вклад в оснащение объединений главка новейшими

судами и техническими плавсредствами. В этот период были открыты многие морские месторождения нефти и газа.

С 1987 по 1998 г. В.И. Тимонин работал в Управлении по добыче газа сначала Мингазпрома СССР, а затем ОАО «Газпром». В возрасте 75 лет он ушел на пенсию. Многие коллеги отмечали его скромность и отзывчивость.

Мальцев Николай Алексеевич (1928 – 2001)

Н.А. Мальцев

10 марта 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного отечественного нефтяника, бывшего Министра нефтяной промышленности СССР, Героя Социалистического Труда Николая Алексеевича Мальцева.

Н.А. Мальцев родился в 1928 г. на территории современного Краснодарского края. В 1951 г. он окончил Грозненский нефтяной институт и был направлен на нефтепромыслы Татарии, где прошел путь от инженера до руководителя нефтепромыслового управления.

В 1961 г. Н.А. Мальцева назначили начальником Управления нефтяной промышленности Пермского совнархоза, затем начальником ПО «Пермнефть». В 1971 г. за большой вклад в развитие нефтяной промышленности Пермской области Н.А. Мальцеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1972 г. Н.А. Мальцев работал в должности первого заместителя Министра нефтяной промышленности, а с 1977 по 1985 г. сам возглавлял Миннефтепром СССР.

Время руководства Н.А. Мальцевым нефтяной промышленностью было очень тяжелым. Николай Алексеевич проявил подлинно государственное мышление, твердый характер и высокие организаторские способности, которые позволили ему осуществить крупные технико-экономические преобразования в отрасли. В 1984 г. по инициативе Николая Алексеевича было решено подключить силы двух

крупных объединений страны — «Башнефть» и «Татнефть» - к эксплуатации нефтяных месторождений Тюменской области. Это было новым в практике нефтяной промышленности.

Почти 45 лет Н.А. Мальцев работал в нефтяной промышленности, внес неоценимый вклад в развитие и организацию производства, особенно в освоение месторождений Северного Урала и Западной Сибири, научно-техническое перевооружение отрасли. Николай Алексеевич много сделал для улучшения жизни и быта нефтяников. Он отличался высоким профессионализмом, повышенной требовательностью и настойчивостью. Николай Алексеевич был общественным деятелем, избирался депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС.

Последние годы, находясь на пенсии, Н.А. Мальцев работал экономическим советником в Миннефтепроме, заместителем генерального директора ОАО «Пурнефтегаз», советником президента НК «Роснефть».

Родина высоко оценила заслуги Н.А. Мальцева. Он был награжден многими правительственными и отраслевыми наградами.

Николай Алексеевич ушел из жизни 2 декабря 2001 г.

Филановский-Зенков Владимир Юрьевич (1928 – 1994)

В.Ю. Филановский-Зенков

5 апреле 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного нефтяника, бывшего первого заместителя Министра нефтяной промышленности СССР Владимира Юрьевича Филановского-Зенкова.

В.Ю. Филановский родился в 1928 г. в Свердловской области в семье врачей, рано потерял отца. В 1952 г. он окончил МНИ им. И.М. Губкина и вместе с друзьями уехал осваивать крупнейшее в стране Ромашкинское месторождение в Татарии, начал с должности помощника мастера по добыче нефти, затем ра-

ботал мастером, старшим геологом нефтепромысла, потом возглавил НПУ «Алькеевнефть».

В 1962 – 1963 гг. В.Ю. Филановский был заместителем начальника Управления нефтяной промышленности Татарского совнархоза по капитальному строительству, в 1963 – 1965 гг. – главным инженером Управления нефтяной и газовой промышленности укрупненного Средне-Волжского совнархоза. Начальником этого управления был В.И. Муравленко, которого вскоре назначили начальником Главтюменнефтегаза.

С началом освоения крупнейшего Западно-Сибирского региона в 1965 г. В.Ю. Филановский-Зенков был назначен главным инженером – первым заместителем начальника Главтюменнефтегаза. Он много внимания уделял проблемам проектирования обустройства нефтяных месторождений Западной Сибири, прежде всего уникального Самотлорского месторождения, был одним из авторов блочного строительства технологических установок для нефтепромыслов, новой технологии одновременно-раздельной эксплуатации пластов, раздельной закачки воды и др. Его деятельность в Тюмени была отмечена Ленинской премией.

В 1969 г. В.Ю. Филановский был назначен начальником Главного управления капитального строительства Миннефтепрома, стал членом коллегии министерства. В этот период развернулось масштабное строительство магистральных нефтепроводов с многочисленными насосными станциями и нефтехранилищами. Один год В.Ю. Филановский проработал начальником Управления по добыче нефти Миннефтепрома и по настоянию министра В.Д. Шашина в 1976 г. возглавил Отдел нефтяной и газовой промышленности Госплана СССР.

В 1985 г. Министром нефтяной промышленности был назначен В.А. Динков, первым заместителем министра – В.Ю. Филановский. В.А. Динков и В.Ю. Филановский проработали вместе 4 года и в 1988 г. добились максимального уровня добычи нефти в СССР. В 1989 г. Владимир Юрьевич покинул пост первого заместителя министра, организовал и возглавил небольшую фирму «Камнефть», в которой проработал до последних дней жизни.

В.Ю. Филановский-Зенков был награжден многими орденами и медалями СССР.

Скончался Владимир Юрьевич в октябре 1994 г.

Апанович Юрий Григорьевич (1928 - 1989)

Ю.Г. Апанович

31 июля 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения крупного ученого в области бурения нефтяных скважин, бывшего директора ВНИИБТ Юрия Григорьевича Апановича.

Ю.Г. Апанович родился в 1928 г.; в 1953 г. окончил Львовский политехнический институт и был направлен на работу в объединение «Татнефть», где прошел путь от бурильщика до главного инженера конторы бурения.

В 1961–1966 гг. под руководством Ю.Г. Апановича в Казахской ССР была пробурена самая глубокая в то время в СССР Аралсорская скважина. Полученные результаты способствовали открытию целого ряда нефтяных и газовых месторождений в Западном Казахстане. На базе исследования техники и технологии бурения Аралсорской скважины в 1966 г. Юрий Григорьевич успешно защитил кандидатскую диссертацию.

С 1967 г. в течение 20 лет Ю.Г. Апанович работал в центральном аппарате Миннефтепрома в должности начальника отдела, заместителя начальника Главного технического управления. В июле 1987 г. его назначили директором ВНИИБТ, где он принимал активное участие в создании новых технологий, решении проблем забойных двигателей и породоразрушающего инструмента, разработке эффективных буровых растворов и тампонажных смесей. Разработанный Ю.Г. Апановичем забойный пакер-превентор и сегодня используется буровыми предприятиями.

Ю.Г. Апанович опубликовал 25 научных работ и зарегистрировал 19 изобретений. Он пользовался большим авторитетом и уважением среди нефтяников. Он был награжден правительственными и отраслевыми наградами. За создание сверхтвердого композиционного материала «Славутич», комплекса породоразрушающего инструмента, организацию его производства и внедрение в глубокое бурение на нефть и газ ему присуждено звание Лауреата премии Совета Министров СССР.

Раковский Анатолий Львович (1928 – 1986)

А.Л. Раковский

8 августа 2003 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Анатолия Львовича Раковского, бывшего руководителя лаборатории проектирования и анализа тепловых методов разработки нефтяных месторождений ВНИИнефти.

А.Л. Раковский родился в августе 1928 г. в г. Умань на Украине; в 1948 г. окончил Сызранский нефтяной техникум, а в 1953 г. - Московский нефтяной институт.

В 1953 г. Анатолий Львович был направлен в объединение «Татнефть», на промыслах которого работал в течение 5 лет заместителем начальника участка, инженером по эксплуатации, начальником производственного отдела НПУ «Альметьевскнефть».

В 1958 г. А.Л. Раковский поступил в очную аспирантуру ВНИИнефти, в 1960 г. перешел на постоянную работу в этот институт, работал старшим научным сотрудником, с 1971 г. - руководителем сектора, а с 1976 г. - руководителем лаборатории проектирования и анализа тепловых методов разработки нефтяных месторождений.

А.Л. Раковский был крупным ученым в области разработки нефтяных месторождений и методов повышения нефтеотдачи пластов. При его участии созданы научные основы проектирования разработки нефтяных месторождений тепловыми методами, проведены масштабные опытно-промысловые работы по закачке сжиженных газов на Миннибаевской площади Ромашкинского месторождения, нагнетанию пара на месторождениях Казахстана и Сахалина.

Блестящий специалист, профессионал, Анатолий Львович в течение всей жизни был человеком чести, исключительно порядочным, добрым и отзывчивым.

Государство и отрасль оценили заслуги А.Л. Раковского, наградив орденами и медалями, почетными званиями.

5 июня 1986 г. Анатолий Львович Раковский скончался на 58 году жизни.

Алексеев Павел Дмитриевич (1928 – 1998)

П.Д. Алексеев

23 августа 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения бывшего генерального директора объединения «Оренбургнефть» и начальника Главного управления капитального строительства Миннефтепрома СССР Павла Дмитриевича Алексеева.

П.Д. Алексеев родился в 1928 г., детство провел в Белоруссии; в 1955 г. окончил Ленинградский горный институт и был направлен в нефтеразведочные организации Пермской области, где отработал с 1955 по 1969 г.

В 1969 г. П.Д. Алексеева назначили начальником, а затем генеральным директором объединения «Оренбургнефть». Энергичная работа Павла Дмитриевича позволила объединению добиться крупных производственных успехов и прироста добычи до 1 млн. т в год.

В апреле 1976 г. П.Д. Алексеева назначили начальником Главного управления капитального строительства Миннефтепрома СССР. В этот период строительные организации министерства выполняли крупные работы в Западной Сибири, Западном Казахстане, Европейском Севере страны. За создание и промышленное внедрение новых методов обустройства месторождений Западной Сибири П.Д. Алексеев был удостоен премии Совета Министров СССР.

В 1986 г. П.Д. Алексеев ушел на пенсию, но продолжил трудовую деятельность во ВНИИОЭНГ. В этот период он пытался научно обосновать переход отрасли к рыночным экономическим отношениям.

Труд Павла Дмитриевича был отмечен многими правительственными и отраслевыми наградами.

Скончался П.Д. Алексеев в 1998 г.

Сургучев Михаил Леонтьевич (1928 – 1991)

М.Л. Сургучев

16 ноября 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного ученого-нефтяника, бывшего генерального директора МНТК «Нефтеотдача» и директора ВНИИнефти Михаила Леонтьевича Сургучева.

М.Л. Сургучев родился в 1928 г. в д. Петропавловка Башкирской АССР; окончил Ишимбайский нефтяной техникум и Куйбышевский индустриальный институт. Становление ученого прошло в стенах Гипровостокнефти, где он работал в 1953 – 1966 гг.

В 1966 г. А.П. Крылов пригласил Михаила Леонтьевича во ВНИИнефть на должность руководителя лаборатории. В 1971 г. М.Л. Сургучев возглавил отдел новых методов разработки и увеличения нефтеотдачи пластов, в 1974 г. был назначен заместителем директора института по научной работе, в 1986 г. – генеральным директором МНТК «Нефтеотдача» - директором ВНИИнефти.

М.Л. Сургучев внес большой вклад в разработку современных методов и технологий разработки нефтяных месторождений. В 1966 г. за разработку и внедрение блоковых внутриконтурных систем разработки нефтяных месторождений в группе ученых он был удостоен Ленинской премии. В течение многих лет он руководил проектированием разработки крупнейшего Самотлорского месторождения. В последние годы жизни Михаил Леонтьевич уделял большое внимание изучению проблем создания и внедрения методов увеличения нефтеотдачи пластов. Он был автором более 200 научных работ, в том числе 18 монографий и 43 изобретений. Долгие годы он был заместителем председателя Центральной комиссии по разработке нефтяных и газовых месторождений МНП СССР. В декабре 1990 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Михаил Леонтьевич скончался 1 апреля 1991 г., неожиданно, в полном расцвете творческих сил.

Хоботько Виктор Иосифович (1928 – 2003)

В.И. Хоботько

29 ноября 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного инженера-буровика и специалиста по ликвидации фонтанов Виктора Иосифовича Хоботько.

В 1952 г. В.И. Хоботько окончил Куйбышевский индустриальный институт и был направлен в ПО «Куйбышевнефть», где с 1952 по 1965 г. превратился в прекрасного инженера-буровика и возглавил отдел в Управлении нефтяной и газовой промышленности Средне-Волжского СНХ.

В 1965–1986 гг. В.И. Хоботько занимал должности заместителя начальника отдела Управления нефтедобычи Главбурнефти, заместителя начальника Управления охраны труда предприятий и противофонтанных военизированных частей Миннефтепрома СССР, заместителя начальника ВПО «Зарубежнефть».

На противофонтанных военизированных частях, которыми руководил Виктор Иосифович, лежала огромная ответственность. В случае возникновения чрезвычайной ситуации В.И. Хоботько одним из первых выезжал на аварийную скважину и принимал самое активное участие в ликвидации фонтана. Сложность устранения аварий заставляла В.И. Хоботько уделять огромное внимание профилактической работе среди промысловиков.

Труд В.И. Хоботько был отмечен орденами и медалями СССР, почетными отраслевыми званиями. Виктор Иосифович пользовался большим авторитетом среди коллег. Как руководителя его отличала постоянная забота о людях, с которыми приходилось выполнять опасные работы по ликвидации аварий.

Некрасов Михаил Лукьянович (1929 – 2008)

М.Л. Некрасов

10 февраля 2008 г. после непродолжительной болезни скончался главный специалист Управления предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации ОАО «НК «Роснефть» Михаил Лукьянович Некрасов.

М.Л. Некрасов родился 20 ноября 1929 г.; с 1949 г. в течение 59 лет он добросовестно трудился в нефтяной промышленности. Прошел путь от механика трубной базы до главного механика управления буровых работ в объединении «Грознефтегаз». В 1975 г. Михаил Лукьянович возглавил Военизированную часть по предупреждению возникновения последствий ликвидации открытых газовых и нефтяных фонтанов Северо-Кавказского региона, в 1993 г. его перевели в корпорацию «Роснефтегаз» на должность начальника оперативного отдела Объединения военизированных горноспасательных частей по ликвидации нефтяных и газовых фонтанов. С 2000 г. он был главным технологом, затем главным специалистом в ОАО «НК «Роснефть» по противофонтанной безопасности.

М.Л. Некрасов был одним из самых опытных и квалифицированных специалистов в области предупреждения и ликвидации открытых фонтанов и тушения пожаров. Он работал практически во всех нефтяных регионах России, стран СНГ и ряда стран дальнего зарубежья.

За многолетний добросовестный труд М.Л. Некрасов был награжден многими орденами и медалями, в том числе иностранными.

Стасенков Владимир Владимирович (1929 – 2007)

В.В. Стасенков

3 октября 2007 г., находясь в командировке, на 79-м году жизни скоропостижно скончался известный геолог-нефтяник, бывший заместитель начальника Геологического управления Миннефтепрома СССР, кандидат геолого-минералогических наук Владимир Владимирович Стасенков.

В.В. Стасенков родился 23 сентября 1929 г. в г. Ессентуки Ставропольского края. В 1952 г. он окончил Московский нефтяной институт и стал сотрудником ВНИИнефти; в 1957 – 1962 гг. работал на Сахалине, а затем вернулся во ВНИИнефть и до 1966 г. был старшим научным сотрудником института.

С 1966 г. Владимир Владимирович работал в Миннефтепроме, сначала начальником геологического отдела Главзападнефтедобычи, а с 1970 г. – в Геологическом управлении начальником отдела научно-исследовательских работ и отдела геолого-разведочных работ. В 1973 – 1989 гг. он – заместитель начальника Геологического управления Миннефтепрома СССР, член экспертно-технического совета по залежам полезных ископаемых СССР. В 1989 – 1990 гг. он был главным инженером контракта в Великобритании.

С 1992 г. В.В. Стасенков работал в ГП «Роснефть» заместителем председателя научно-технического совета корпорации, обеспечивал разработку рекомендаций по широкому и быстрому внедрению в производство эффективных достижений отечественной и зарубежной науки и техники. С 1997 г. Владимир Владимирович работал главным специалистом в Агентстве нефтяных технологий «Технойл». Он руководил работами по проектированию разработки нефтяных месторождений основных нефтяных регионов: Западной Сибири, Волго-Уральской и Тимано-Печорской нефтегазоносных провинций. Много времени Владимир Владимирович уделял подготовке молодых специалистов.

В.В. Стасенков был награжден тремя правительственными медалями и почетными званиями, в том числе иностранными.

Лещинец Илья Иванович (1933 – 2002)

И.И. Лещинец

4 августа 2008 г. исполнилось 75 лет со дня рождения крупного нефтяника-экономиста, бывшего вице-президента ОАО «НК «Роснефть» Ильи Ивановича Лещинца.

И.И. Лещинец родился в 1933 г. в селе Зняцево Мукачевского района Закарпатской области. В 1955 г. окончил Львовский политехнический институт и прошел путь от инженера нефтепромысла, инженера-экономиста Арчединского нефтепромыслового управления объединения «Нижневолжскнефть» до заместителя начальника планово-экономического управления Нижне-Волжского СНХ.

В 1965 г. как опытный экономист Илья Иванович был выдвинут на работу в МНП СССР, где занимал высокие должности заместителя начальника Планово-экономического управления (ПЭУ), секретаря парткома министерства, начальника ПЭУ, члена коллегии Миннефтепрома.

В 1988 – 1991 гг. И.И. Лещинец был назначен заместителем Министра нефтяной промышленности. Последнее десятилетие работал первым вице-президентом корпорации «Роснефтегаз», вице-президентом государственного предприятия «Роснефть», ОАО «НК «Роснефть». Здесь его талант раскрылся особенно ярко. В 2000 г. Илья Иванович по болезни ушел на заслуженный отдых.

Илья Иванович Лещинец был крупным экономистом-нефтяником, внес неоценимый вклад в образование и становление нефтяной компании «Роснефть». Он пользовался большой любовью и авторитетом среди нефтяников за открытость, отзывчивость и высокую порядочность. Он оказывал постоянную моральную и материальную помощь и поддержку ветеранам нефтяной промышленности.

Его заслуги были высоко оценены Родиной.

Памяти ушедших членов Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» З.А. Воривошкиной и З.Л. Долгановой

З.А. Воривошкина

Шагаю по Москве осенней,
Поклонная гора видна.
И серебрится уж над нею
Холодных, рваных туч гряда.
Я вижу желтую листву
Вершин деревьев вековых,
И стела с Никой тоже тут,
И прелесть куполов златых.
Вот дуб стоит. Какой могучий!
Цветы, газоны хороши!
И не мешают серы тучи
Мне восхищаться от души.
Москва-красавица воспета
Поэтами так много раз.
В осенний цвет когда одета,
Ласкает взор, чарует глаз.

З.Л. Долганова

Дорогим женщинам-нефтяникам в день 8 Марта!

Привет Вам, милые подруги!
Опять приходит к нам весна.
И хоть еще бывают вьюги —
Зима нам больше не страшна.

Душа готова вновь предаться
Весенним грезам и мечтам.
И сладко грустью упиваться.
А что еще осталось нам?!

Когда-то были мы моложе,
Гордились дружбой и трудом.
Теперь это на сон похоже:
В суровом мире мы живем.

На то, что мы теперь имеем,
Достойно жить уже нельзя…
Но все наладиться, я верю,
Жизнь продолжается, друзья!

Уважаемые члены редакционного совета журнала «Ветераны»!

Недавно мне удалось прочитать два выпуска сборника «Ветераны»: № 13 — за 2003 год и № 16 — за 2004 год, из которых я узнал о многих товарищах. Также узнал, что редакционный совет просит присылать воспоминания людей, непосредственно участвовавших в открытии и освоении нефтегазовых месторождений страны.

Очень интересны воспоминания о пережитом времени, исторических событиях и участниках нефтегазовой промышленности.

Обращаясь к Вам, я не теряю надежды, что присланный мной текст окажется нужным для помещения в популярном сборнике «Ветераны». Я старался перечислить фамилии специалистов, с которыми мне в течение 6 лет приходилось работать в Республике Татарстан.

Надеюсь, что при ознакомлении с моим текстом, кое-кто из оставшихся в живых отзовется, хотя бы с коротким письмом или открыткой, по адресу: 460006, г. Оренбург, пр. Парковый, 7а, кв. 22.

И.М. Трофимов

«Я доволен прожитым...»

Родился я 30 марта 1925 г. в Оренбургской области. С 6 лет начал учебу в сельской школе уже хорошо умевшим читать, писать и считать в уме. 10 классов я окончил в 1941 г. и уже 3 сентября, когда уже шла Великая Отечественная война, началась моя трудовая деятельность: я стал разнорабочим 3-го разряда в геофизической партии при Бугурусланской конторе бурения треста «Бугурусланнефть». В мае 1942 г. стал мастером-лебедочником по каротажу. Очень трудной тогда была работа геофизиков — потому что всю работу приходилось выполнять вручную. Особенно было тяжело зимой — голод, холод, бездорожье и короткий световой день. Молодежь наравне со взрослыми выполняла недетский труд, не доедая и не досыпая.

Из инженерно-технического персонала в партии с высшим образованием были только Владислав Иванович Потапов, Наталья Гефсиманская и вернувшийся с фронта после тяжелого ранения Александр Георгиевич Татаринов. Были два специалиста-практика Алексей Новиков и Борис Галеев. Потом прибыли эвакуированные Петр Кузьмич Кириллов и Ольга Михайловна Шанич. Этим специалистам-практикам приходилось для соединения проводов по сложным электросхемам штепселя и розетки окрашивать в соответствующие друг другу цвета. Мне же,

как человеку любопытному, да к тому же имевшему среднее образование, доверяли несложные операции на аппарате «РС» и «ПС».

Я хорошо запомнил Степана Ивановича Кувыкина, который руководил конторой бурения, а затем и трестом «Бугурусланнефть». Это был очень разумный руководитель, который в то же время не боялся риска. Он знал почти каждого рабочего по имени-отчеству. Помню характерную для того времени картину, когда Степан Иванович высаживал из вагонов-теплушек мобилизованных и отправляемых на фронт буровиков, имевших «бронь».

17 декабря 1942 г. моя трудовая деятельность закончилась. По повестке меня временно направили писарем в горвоенкомат, где я собственноручно выписал себе повестку на призыв в ряды РККА. Попал в школу стрелков снайперской подготовки (ШОССП) Московского военного округа, которая располагалась на летних дачах, по 50 человек в одном домике. Жили впроголодь и занятия для экономии сил проводились не далее 300 метров от расположения. Правда, результаты учебы были отличными: большинство выпускников с 200 метров попадали в линзу окуляра стереотрубы диаметром с пятикопеечную монету.

Выпускники школы (900 человек) должны были пополнить воинские части, формировавшиеся в Харькове. Но по воле судьбы я стал наводчиком 82-миллиметрового миномета в одном из батальонов 107-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта.

В жизни каждого человека есть события, оставляющие неизгладимый след. Для меня это было первое боевое сражение под г. Фастовым.

К фронту я был хорошо подготовлен: умел отлично стрелять из винтовки, освоил миномет. Вскоре меня, рядового, избрали комсоргом стрелкового батальона. Я участвовал во многих боевых операциях, ходил за «языком», боролся в рукопашных схватках и оставался невредим. Но в июне 1944 г. я впервые был ранен, в лицо, через месяц получил второе ранение, уже тяжелое, в ногу.

Долгое время находился на излечении в Киевском госпитале нижних конечностей. Намечалась ампутация правой ноги в шести сантиметрах ниже коленного сустава. Перенес три операции и ногу хирурги сохранили. Спасибо им!

При выписке из госпиталя командование Киевского военного округа выявило таких как я — политработников, которые, не имея офицерского

звания, исполняли офицерские обязанности, и организовало для них ускоренные курсы. Окончив их 5 мая 1945 г., я стал офицером — младшим лейтенантом, а через год, в июне 1946 г., был демобилизован в народное хозяйство с единственной правительственной наградой — медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.» и двумя цветными лычками за ранения. В 1947 г. мне вручили орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», значительно позже — орден Отечественной войны 1-ой степени и второй орден Красной Звезды (который «искал» меня более полувека).

Дома мне удалось поступить в экстерн-группу организуемого Бугурусланского нефтепромыслового техникума, который я окончил в октябре 1948 г. по специальности «техник по бурению нефтегазовых скважин». В период учебы все практики я проходил на рабочих местах на сверхглубокой по тем временам буровой № 18 (Пилюгино), единственной работающей на паровой энергии.

Началась обычная для буровика работа - буровым рабочим, старшим инженером и начальником Пилюгинской нефтеразведки треста «Бугурусланнефть».

Вскоре я почувствовал, что у меня практический опыт стал опережать теоретическую подготовку. В июне 1951 г. окончил шестимесячные курсы усовершенствования инженерно-технических кадров Миннефтепрома СССР, после чего получил назначение в объединение «Татнефть», где предстояло разбуривать открытые незадолго до этого месторождения.

Первое время работал в конторе бурения № 1 треста «Татбурнефть» инженером участка без начальника, потом начальником без инженера. Приняв участок у Ю.В. Вадецкого, работу начал с укрепления дисциплины в буровых бригадах, строгого соблюдения технологии проводки скважины и грамотного подхода к ликвидации аварий.

Вскоре после первой встречи и беседы с начальником объединения «Татнефть» А.Т. Шмаревым вышел приказ о моем назначении главным инженером с временным исполнением обязанностей директора во вновь организуемой Азнакаевской конторе бурения треста «Татбурнефть».

Для начала коллективу конторы планировалось разведочное бурение в шести районах Татарии. Пришлось временно базироваться на

окраине районного села Азнакаево, а контору разместить в заброшенном помещении бывшей бани, где во время войны жили эвакуированные. Правда, под руководством Лаврентия Архиповича Гоголашвили уже начало работу строительное управление № 5, которое приступило к строительству.

Вскоре директором конторы бурения назначили приехавшего с Сахалина Василия Виссарионовича Рехвиашвили. Буровые бригады стали формироваться из кадров, прибывающих с Сахалина и из Бугуруслана. С директором конторы мы во многом сходились:

1) стали внедрять, хотя и мелкое, блочное строительство;

2) на новые точки под буровые стали перетаскивать 41-метровые вышки без разборки, невзирая на расстояния;

3) при принятии годовых соцобязательств обязывались бурить турбинным способом на 25% больше, чем в других конторах;

Это одобрялось заместителем начальника объединения «Татнефть» по бурению В.Я. Блошенко, сменившим его В.Д. Шашиным и начальником отдела бурения В.И. Игревским.

Руководящий состав буровиков Татарии срабатывался и добивался положительных результатов.

Очень рад вспомнить тех, с кем пришлось работать в Татарии: А.Т. Шмарева, И.Я. Вайнера, В.Я. Блошенко, В.Д. Шашина, Е.И. Швецова, А.Д. Обносова, Т.Ф. Рустамбекова, В.И. Игревского, И.В. Гундорцева, Р.Ш. Мингареева, В.И. Мищевича, З.Д. Миндееву, Р.А. Сумбатова, Н.М. Куликова, Ф.А. Бегишева, В.В. Рехвиашвили, А.Г. Садчикова, З.Ш. Шайбекова, А.В. Перова, Л.А. Гоголашвили, Т.О. Залитко, Балабанова и других товарищей. Конечно, очень трудно вспомнить и перечесть всех специалистов, с которыми приходилось работать.

Как-то было принято решение о создании в Татарской республике двух административных областей (Бугульминской и Чистопольской). Не отстал в этом и Миннефтепром СССР, создав в Бугульме разведочный трест «Бугульманефтегазразведка» (П.А. Строна). Также поспешно, через полгода эти решения были отменены. А после выступления на совещании А.Т. Шмарева с призывом, что добиваться выполнения плана бурения нужно не числом буровых бригад, а умением, разведочный трест был ликвидирован, а буровые бригады было решено объединить в одну

разведочную Азнакаевскую контору бурения № 3, подчинив ее тресту «Альметьевбурнефть» (А.Д. Обносов и Т.Ф. Рустамбеков).

Исполняющий обязанности управляющего трестом «Бугульманефтегазразведка» П.А. Строна был командирован в Монголию, В.В. Рехвиашвили направлен в Академию нефтяной промышленности, а мне пришлось возглавить объединенную Азнакаевскую контору бурения. К этому времени в конторе было 19 буровых бригад.

Пересмотрев комплектность бригад и квалификацию рабочих, каждая контора бурения в объединении сократила их количество.

Увеличилось количество бригад, улучшилось качество освоения пробуренных скважин, большее внимание стало уделяться технологии бурения, появились «мастера-маяки». Кроме денежных премий за достижение рекордных скоростей проводки скважин буровым мастерам вручались автомобили «Волга», а бурильщикам мотоциклы.

Я был самым молодым из семи директоров контор бурения объединения «Татнефть» и единственным со среднетехническим образованием, что порождало зависть у некоторых лиц, подчиненных мне и имеющих инженерные дипломы. Особенно мое назначение директором конторы было не по душе главному инженеру конторы и секретарю парторганизации (парторгу ЦК) — офицеру-шифровальщику, уволенному из армии по сокращению.

Второй причиной недовольства мной было то, что в октябре 1948 г. по 58-ой статье был осужден мой отец.

При отсутствии первого секретаря Азнакаевского райкома партии, который находился в отпуске, оставшиеся члены бюро пошли на поводу у нечистоплотных людей. Было созвано бюро с единственным вопросом в повестке «О работе конторы бурения № 3 за 9 месяцев 1954 г.». На заседании почему-то мне был задан единственный вопрос: «Где твой отец и почему ты скрываешь его преступления?» Безапелляционность моих «судей» была такой, что даже присутствующий уполномоченный КГБ по району возразил против такой формулировки вопроса, предложив членам бюро в выражениях заменить слово «преступление» словом «судимость».

Я ответил: «Всем секретарям партийных организаций: в техникуме, конторе бурения № 1 треста «Татбурнефть» мной сообщалось о судимости отца, которая была также отмечена в регистрационном бланке при замене партийного билета».

Забегая вперед, скажу, что отец досрочно вернулся домой. Решением Президиума Верховного суда РСФСР еще 15 сентября 1955 г. приговор Чкаловского областного суда от 26 октября 1948 г. был отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено, и отец по настоящему делу был реабилитирован. Ему пришлось много пережить в плену и заключении, потерять здоровье, а мне до конца трудовой деятельности нужно было носить ярлык «сына врага народа». Вот что значит: «Сын за отца не отвечает!»

Присутствующие на заседании бюро В.Д. Шашин и А.Д. Обносов, руководствуясь единым мнением с начальником объединения «Татнефть» А.Т. Шмаревым, высказали свое твердое решение: «Трофимову нужно помогать, подобрать другого главного инженера конторы, а секретарем партийной организации нужно рекомендовать не «парторга ЦК», а нефтяника-буровика».

На другой же день приказом по объединению «Татнефть» главный инженер был освобожден от занимаемой должности, а вместо него назначен инженер Николай Михайлович Куликов. Немного позже, через месяц, «парторг ЦК» «за систематическое присвоение больших сумм из членских взносов (мошенничество)» был освобожден от должности.

Мои физические силы и здоровье в такой обстановке были на грани истощения, я постоянно ощущал упадок сил, температура снижалась до 35. В конечном итоге лечащие врачи и врачи-специалисты санатория «Старый Крым» определили причину заболевания и рекомендовали сменить работу и лечить не легкие, а нервную систему.

Возвратившись из санатория и следуя советам врачей, при содействии Т.Ф. Рустамбекова я был назначен директором тампонажной конторы.

Вскоре мы усовершенствовали работы по креплению (цементажу) скважин: доставка цемента на буровые стала осуществляться только цементо-смесительными машинами и не раньше чем за 2 часа до начала цементажа; цементировочные агрегаты перешли на обслуживание двумя вместо трех человек; переработка (т. е. сверхурочная работа) сократилась до 5 - 10 часов на каждого работника за отчетный месяц. Появилась возможность обслуживать вместо трех четыре конторы бурения.

В проведении в жизнь этих мероприятий большую помощь оказали главный инженер треста Т.Ф. Рустамбеков и главный инженер конторы В.Н. Пастухов.

Здоровье мое постепенно восстанавливалось. Через 2 года в феврале 1958 г. земляки-бугурусланцы пригласили меня на должность директора Бузулукской экспедиции глубокого бурения № 3 Министерства геологии, организуемой не далеко от уникального Бузулукского бора, полезного для легочников. С большим трудом удалось отпроситься у В.Д. Шашина, Т.Ф. Рустамбекова и В.И. Игревского.

Первый секретарь Бузулукского горкома партии Ананий Федорович Степанов много лет вынашивал план по организации в районе разведочных работ на нефть и газ. С помощью заместителя председателя Оренбургского совнархоза (бывшего работника Наркомата нефтедобывающей промышленности СССР) Всеволода Алиевича Нуршанова удалось за два года полностью сформировать восемь буровых бригад. Тут бы начать работать в полную силу, но опять стало подводить здоровье и снова всплыл ярлык «сына врага народа». Пришлось опять терять время на лечение и думать о правильной организации труда и отдыха.

В декабре 1963 г. я был назначен заместителем управляющего трестом «Оренбургнефтегазразведка», который стал преемником треста «Бугурусланнефть». Я переехал в Оренбург.

Управляющим трестом был Лев Анатольевич Толин, главным инженером — Анатолий Алексеевич Михайленко, а главным геологом — Андрей Артемьевич Воробьев. В наш трест входили пять нефтеразведочных экспедиций глубокого бурения, вышкомонтажная и строительно-монтажная конторы и автотранспортное предприятие. Общая численность работающих составляла более 5 тыс. человек.

Трест свое дело сделал: в то время в Оренбуржье были открыты 21 месторождение и 83 залежи нефти и газа. В 1966 г. было открыто крупнейшее Оренбургское газоконденсатное месторождение.

В то время я понимал начальника объединения «Оренбургнефть» Е.И. Швецова, управляющего трестом «Бузулукбурнефть» Е. Смурыгина и начальника Бузулукского нефтедобывающего управления Р. Храмова и сочувствовал им в преодолении организационных трудностей, передав им под административные помещения в Бузулуке по сборно-щитовому дому ДШ-49. Так появлялся будущий центр нефтяной промышленности Оренбуржья в Бузулуке.

А в 1969 г. приказом Министра нефтедобывающей промышленности СССР В.Д. Шашина я был переводом назначен директором конторы бурения № 7 объединения «Оренбургнефть». В августе 1970 г. приказом по объединению на базе контор бурения №№ 4 и 7 было создано Оренбургское управление буровых работ. Начальником управления был назначен Иван Игнатьевич Лисов, а я — его первым заместителем.

Перед буровиками была поставлена важная и ответственная задача — ускоренное освоение и разработка уникального газоконденсатного месторождения. Целесообразность его освоения не вызывала ни у кого сомнения, хотя нашлись в области «умники», которые запрещали привлекать кадры из предприятий Оренбуржья. Вопреки запрету численность УБР росла, и если в 1971 г. у нас насчитывалось 7 буровых бригад, то к концу 1974 г. их стало 15.

Но и тут для меня нашелся «доброжелатель». Пришлось с согласия руководства перейти на должность начальника цеха крепления скважин, уступив место очередному карьеристу и работать здесь до ухода на пенсию.

До мая 1985 г. я работал руководителем разных рангов, никогда не писал докладных вышестоящему руководству с ходатайством о наказании подчиненных мне работников. Всегда принимал меры сам, иногда строгие, но справедливые. Никто из сослуживцев не мог уличить меня в том, чтобы я в рабочее время позволил себе выпить спиртного, даже находясь в командировке. Даже на фронте ни разу не употреблял зимние 100 грамм. Хотя непьющим себя не считаю.

Уйдя на пенсию, я практически с 1970 г. и до сих пор остаюсь в строю ветеранского движения, возглавляю первичную организацию — Совет ветеранов филиала «Оренбургбургаз», одновременно являясь членом районного, городского и областного советов.

Жизнь в старости — это период проверки морального багажа, накопленного в молодости. Если в ней было благородство, доброта и терпение, то мудрость обязательно приложится. Я доволен прожитым, хотя иногда и сейчас оказывался бессильным против Обстоятельств и Судьбы.

Коротко об авторах

Аристакесян Ленарг Георгиевич (1935 г. рожд.) - горный инженер-геофизик, лауреат премии Совета Министров СССР, бывший управляющий трестом «Волгограднефтегеофизика», заместитель начальника Главнефтегеофизики Миннефтепрома СССР СССР, начальник Главсвязьнефтеавтоматики Миннефтепрома СССР.

Балденко Дмитрий Федорович (1934 г. рожд.) — инженер-механик, доктор технических наук, последние сорок лет работает во ВНИИБТ.

Донгарян Шаген Саакович (1928 г. рожд.) — см. С. 208.

Еронин Николай Михайлович (1930 г. рожд.) - горный инженер-геолог. Работал в конторе бурения объединения «Грознефть», в ГрозНИИ, с 1963 г. - в Москве, был заведующим сектором нефтедобывающей промышленности ЦК КПСС, заместителем Председателя Госплана РСФСР, главным специалистом Миннефтепрома — ГП «Роснефть». В 2001 — 2008 гг. — первый заместитель Председателя Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть».

Евсеенко Михаил Андрианович — см. С. 215

Иголкин Александр Алексеевич (1951 - 2008) — историк, доктор исторических наук. Работает ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН, профессор РГГУ. Автор работ по экономической истории России, в том числе монографий по истории нефтяной промышленности.

Каленов Евгений Николаевич — в 1940-х годах старший инженер Казахстанского отделения, технический руководитель электроразведочного метода Государственного союзного геофизического треста, участник геофизических исследований в Урало-Поволжье.

Купалов-Ярополк Игорь Константинович (1912 — 1976) — известный советский геофизик, один из пионеров нефтяной геофизики, начальник отдела комплексирования геофизических методов Главнефтегеофизики МНП СССР.

Петров Валерий Евгеньевич (1938 г. рожд.) - инженер-нефтяник. Работал ведущим инженером в Главнефтеснабе РСФСР, Главтранснефти, НК «Роснефть». Ветеран труда. С 2008 г. — член Бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть».

Полшков Михаил Константинович (1913 — 1978) — известный советский геофизик, один из пионеров нефтяной геофизики, в 1947 — 1978 гг. — директор ВНИИгеофизики.

Поспелов Петр Александрович (1903 — 1978) — известный советский геофизик, долгое время работал управляющим Государственным союзным геофизическим трестом.

Рубинштейн Л.М. — советский геофизик, в 1940-х годах начальник отдела фондов Государственного союзного геофизического треста.

Стремский Анатолий Григорьевич (1932 г. рожд.) - инженер-нефтяник, специалист в области экономики нефтяной промышленности. Работал на нефтяных промыслах объединений «Грознефть», «Нижневолжскнефть», «Мангышлакнефть». Был начальником отдела Миннефтепрома. Ветеран труда.

Федоренко Андрей Нестерович (1905 — 1996) — известный советский геофизик, технический руководитель сейсмического метода разведки Государственного союзного геофизического треста, в 1940-х годах работал во НИИПГ Государственного союзного геофизического треста, в 1950-х годах — в Главнефтегеофизике МНП СССР.

Федынский Всеволод Владимирович (1908 — 1978) — известный советский геофизик и астроном, один из пионеров советской нефтяной геофизики. В 1952 — 1957 гг. — главный инженер, начальник Главнефтегеофизики МНП СССР, долгое время возглавлял Управление геофизических работ Мингео СССР.

Шумилов Валериан Петрович (1935 г. рожд.) — инженер-механик, кандидат технических наук, 35 лет отработал во ВНИИБТ.

Эйгенсон Сергей Александрович (1945 г. рожд.) — инженер-нефтяник, специалист в области гидропереработки тяжелых нефтяных остатков, активации катализаторов, технологии многофазного транспорта нефти и газа, предупреждения гидратообразования, определения ресурсов нефтяного газа. Работал во ВНИИ НП, Институте органической химии АН СССР, Западно-Сибирском филиале ВНИПИгазпереработки.

Содержание

В Совете пенсионеров-ветеранов
Доклад на общем отчетно-выборном собрании заместителя председателя Совета пенсионеров-ветеранов ОАО «НК «Роснефть» Н.М. Еронина 3
Выписка из Протокола отчетно-выборного собрания Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» от 20 марта 2008 г. 10

Из истории Великой Отечественной войны
65 лет тому назад. Хроника 1943 года 11
«Нужна реальная нефть...». Стенограмма заседания Коллегии Наркомата нефтяной промышленности СССР 28 марта 1942 г. 16
Иголкин А.А. Нефтяная промышленность СССР в 1944 – 1945 гг. 42

Из истории нефтяной промышленности СССР
Евсеенко М.А., Каленов Е.Н., Купалов-Ярополк И.К., Полшков М.К., Поспелов П.А., Рубинштейн Л.М., Федоренко А.Н., Федынский В.В. Советская геофизика в годы первых пятилеток 61
«Перебои в транспортировке приводят к снижению добычи нефти...». Письмо В.Д. Шашина в ЦК КПСС о переводе системы трубопроводного транспорта в ведение Миннефтедобычи 103
Петров В.Е. Нефтепроводный транспорт СССР 70-х годов XX века (продолжение, начало в №№ 17, 19) 109
Стремский А.Г. Вспоминая свою первую пятилетку (1955 – 1960 гг.) 128

Воспоминания
Аристакесян Л.Г. Буровик и геофизик (к 90-летию со дня рождения Т.Ф. Рустамбекова).....134

Донгарян Ш.С. К 95-летию со дня рождения
Виктора Иванович Муравленко 148
Донгарян Ш.С. Равхат Шагимарданович Мингареев
(к 90-летию со дня рождения).....152
Балденко Д.Ф., Шумилов В.П. Михаил Тимофеевич
Гусман и развитие турбинного способа бурения
(к 95-летию со дня рождения) 159
Еронин Н.М. К 80-летию Л.М. Кузнецова 175
Эйгенсон С.А. О моем отце А.С. Эйгенсоне
(продолжение, начало в вып. 20) 179

Поздравления

Николаю Петровичу Макарову – 80 лет! 205
Игорю Павловичу Чоловскому – 80 лет! 206
Виктору Николаевичу Коломацкому – 80 лет! 207
Шагену Сааковичу Донгаряну – 80 лет! 208
Ивану Александровичу Кондратьеву – 75 лет! 209
Евгению Ивановичу Осадчуку – 75 лет! 210
Владимиру Павловичу Павлову – 75 лет! 212
Евгению Георгиевичу Арешеву – 70 лет! 213

Мы помним

Кувыкин Степан Иванович (1903 – 1974) 214
Евсеенко Михаил Андрианович (1908 – 1985) 215
Бакиров Александр Александрович (1908 - 1986) 217
Байбаков Николай Константинович (1911 – 2008) 218
Левин Самуил Матвеевич (1911 – 2007) 219
Алексин Александр Георгиевич (1911 – 2008) 220
Крол Матвей Маркович (1913 – 1995) 221
Беспалов Николай Васильевич (1913 – 1992) 223
Фокин Михаил Николаевич (1918 – 1996) 224
Рустамбеков Тофик Фатуллаевич (1918 – 2007) 225
Виноградов Владимир Николаевич (1923 – 2003) 227
Кремнев Владимир Иванович (1923 – 2002) 228
Миндеева Зарига Джалиловна (1923 – 2005) 229
Тимонин Виталий Иосифович (1927 – 2008) 230

Мальцев Николай Алексеевич (1928 – 2001) 231
Филановский-Зенков Владимир Юрьевич (1928 – 1994) 232
Апанович Юрий Григорьевич (1928 – 1989) 234
Раковский Анатолий Львович (1928 – 1986) 235
Алексеев Павел Дмитриевич (1928 – 1998) 236
Сургучев Михаил Леонтьевич (1928 – 1991) 237
Хоботько Виктор Иосифович (1928 – 2003) 238
Некрасов Михаил Лукьянович (1929 – 2008) 239
Стасенков Владимир Владимирович (1929 – 2007) 240
Лещинец Илья Иванович (1933 – 2002) 241
Памяти ушедших членов Совета пенсионеров-ветеранов
войны и труда ОАО «НК «Роснефть» З.А. Воривошкиной
и З.Л. Долгановой 242

Нам пишут
Трофимов И.М. «Я доволен прожитым...» 244

Коротко об авторах 252

Содержание 254

ВЕТЕРАНЫ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ
И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ВЫП. 21. –
М.: ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕФТЯНОЕ ХОЗЯЙСТВО», 2008

Редактор
Ю.В. Евдошенко
Верстка
Г.Д. Мухина, Е.Н. Собанина
Художественное оформление
А.А. Клышникова

Подписано в печать 21.11.2008. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16. Тираж 400 экз. Заказ № 21.

ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»
117997, г. Москва, Софийская наб., 26/1
(495) 730-07-17; mail@oil-industry.ru; www.oil-industry.ru

Отпечатано в ООО «Август Борг»